

ISSN 1987-5533

UDK (удк) – 34+32. 001

П – 685

L - 41

International scientific journal
LAW AND POLITOLOGY

Международный научный журнал
ПРАВО И ПОЛИТОЛОГИЯ

№ 21

Chisinau

October - 2012

**The journal “Law and Politology” is the periodical-scientific edition
of the following academic partners**

**INSTITUTE OF EUROPEAN INTEGRATION AND POLITICAL SCIENCES OF
ACADEMY OF SCIENCES OF MOLDOVA**

GELATI ACADEMY OF SCIENCES (Georgia)

**INSTITUTE ON HUMAN RIGHTS OF THE NATIONAL ACADEMY OF
SCIENCES OF AZERBAIJAN**

EDITORIAL BOARD

Mariam Tsatsanashvili - doctor of Legal Sciences, Professor – co-chairman of editorial board (**Georgia**)
Ion Guceac - doctor of Legal Sciences, Professor - co-chairman of editorial board (**Republic of Moldova**)
Kamal Makili-Aliyev - PhD, doctor of Law – co-chairman of editorial board (**Republic of Azerbaijan**)
Guram Markhulia - PhD, doctor of History, ass. Professor – deputy of co-chairman of editorial board (**Georgia**)
Namig Aliyev - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Hijran Huseynova - doctor of Political Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Ayten Mustafaeva - PhD, doctor of Law (**Republic of Azerbaijan**)
Victor Moraru - doctor of Political Sciences, Professor (**Republic of Moldova**)
Tariel Sikharulidze - PhD, doctor of Philology, ass. Professor in International Relations (**Georgia**)
Gheorge Costachi - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Moldova**)
Lew Spivak - Professor (**Israel**)
Irina Galayeva - LL.M, Master of International Law (**University of Lund, Sweden**) – academic secretary

COORDINATIVE-SCIENTIFIC COUNCIL

Murtuz Aleskerov - doctor of Legal Sciences, Professor, The deserved lawyer of Azerbaijan (**Republic of Azerbaijan**)
Tamara Kiknadze - doctor of Political Sciences, Professor (**Georgia**)
Andrei Smochina - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Moldova**)
Tariel Sikharulidze - doctor of Philological Sciences, Professor (**Georgia**)
Kamil Salimov - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Anzor Totadze - doctor of Economics Sciences, Professor (**Georgia**)
Victor Balmus - doctor of Law, conf. (**Republic of Moldova**)
Nazim Imanov - doctor of Economics Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Elika Tsiklauri-Lamich - LL.D, doctor of Law, Professor (**Germany**)

The journal is being issued since 2007

Address: Chisinau, Moldova.
Tel/FAX: +37322270313,
E-mail: guceac@mail.ru

The magazine registered
16th of august in 2007.
Reg. №2320

The authors opinion does not necessarily coincide with position of editors

**Журнал «Право и политология» является периодическим
изданием научных партнеров**

**ИНСТИТУТ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК
АКАДЕМИИ НАУК МОЛДОВЫ**

**ИНСТИТУТ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНА**

ГЕЛАТСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК (Грузия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Мариам Цацанашвили - доктор юридических наук, профессор – сопредседатель редколлегии (Грузия)
Ион Гучак - доктор юридических наук, профессор – сопредседатель редколлегии (Республика Молдова)
Камал Макили-Алиев - доктор философии в праве – сопредседатель редколлегии (Азербайджанская Республика)
Гурам Мархулия - доктор истории, ассоциированный профессор – заместитель сопредседателя редколлегии (Грузия)
Намик Алиев - доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Хиджран Гусейнова - доктор политических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Айтян Мустафаева - доктор философии в праве (Азербайджанская Республика)
Виктор Морару - доктор политических наук, профессор (Республика Молдова)
Тариел Сихарулидзе - доктор филологии, ассоциированный профессор по международным отношениям (Грузия)
Георгий Костаки - доктор юридических наук, профессор (Республика Молдова)
Лев Спивак - профессор (Израиль)
Ирина Галаева - магистр международного права Лундского (Швеция) университета - ученый секретарь

НАУЧНО-КООРДИНАЦИОННЫЙ СОВЕТ

Мургуз Алескерев - доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Азербайджана (Азербайджанская Республика)
Тамара Кикнадзе - доктор политических наук, профессор (Грузия)
Андрей Смокинэ - доктор юридических наук, профессор (Республика Молдова)
Тариэл Сихарулидзе - доктор филологических наук, профессор (Грузия)
Камиль Салимов - доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Анзор Тотадзе - доктор экономических наук, профессор (Грузия)
Виктор Балмуш - доктор права, доцент (Республика Молдова)
Назим Иманов - доктор экономических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Элико Циклаури-Ламих - доктор права (Германия)

Журнал выходит с 2007 года

Адрес: Кишинэу, Молдова
Тел/FAX: +373 22270313,
E-mail: guceac@mail.ru

Журнал зарегистрирован
16 августа 2007 г.
Регистрация № 2320

Мнение авторов не всегда совпадает с мнением редакции

CONTENT

12.00.00 LEGAL SCIENCES

Ion GUCEAC, Ecaterina NEGRU

INFLUENCE OF UNPREDICTABLE FACTORS AND VARIABLES ON
PUBLIC ADMINISTRATION ACTIVITY

Kamal MAKILI-ALIYEV

DISCRIMINATION IN INTERNATIONAL HUMAN RIGHTS LAW

Eugenia COJOCARI, Maria RUSSU

SOME LEGAL ASPECTS OF THE PHENOMENON OF FINANCIAL
PYRAMIDS IN MOLDOVA

Vepkhvia GVARAMIA

CRIMINAL LAW COLLABORATION OF THE STATES WITHIN THE
FRAMEWORK OF INTERPOL AND EUROPOL

Levan TENIESHVILI

THE PRINCIPLE OF PORHIBITION AGAINST DOUBLE JEOPARDY IN
GEORGIAN LEGISLATION

23.00.00 POLITICAL SCIENCES

Victor JUC

THE POSSIBLE RECONFIGURATION OF THE STRUCTURE OF THE
INTERNATIONAL SYSTEM IN TERMS OF POLICENTRIST WORLD

Azad GARIBOV

THE MAIN DETERMINANTS OF THE U.S. NATO ENLARGEMENT POLICY AND
ITS IMPLICATION FOR THE U.S.-RUSSIA RELATIONS

Serghei SPRINCEAN

THE INFLUENCE OF BIOETHICS IN THE PROCESS OF EDUCATION OF NEW
DEVELOPMENTAL PERSPECTIVES OF EDUCATION IN THE FIELD OF
NATIONAL SECURITY

СОДЕРЖАНИЕ

12.00.00 ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Ион ГУЧАК, Екатерина НЕГРУ

ВЛИЯНИЕ НЕПРЕДВИДЕННЫХ ФАКТОРОВ И ПЕРЕМЕННЫХ НА
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Камал МАКИЛИ-АЛИЕВ

ДИСКРИМИНАЦИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Еуджения КОЖОКАРЬ, Мария РУССУ

НЕКОТОРЫЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФЕНОМЕНА ФИНАНСОВОЙ
ПИРАМИДЫ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

Вепхвия ГВАРАМИЯ

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ В РАМКАХ
ИНТЕРПОЛА И ЕВРОПОЛА. ЭФФЕКТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ
ПОЛИЦЕЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Леван ТЕНИЕШВИЛИ

ПРИНЦИП НЕДОЗВОЛЕННОСТИ ДВОЙНОГО НАКАЗАНИЯ ЗА ОДНО
ДЕЯНИЕ В ГРУЗИНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

23.00.00 ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Виктор ЖУК

ВЕРОЯТНЫЕ ПЕРЕУСТРОЙСТВА СТРУКТУРЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
СИСТЕМЫ В УСЛОВИЯХ ПОЛИЦЕНТРИЧЕСКОГО МИРА

Азад ГАРИБОВ

ОСНОВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПОЛИТИКИ США ПО РАСШИРЕНИЮ
НАТО И СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ОТНОШЕНИЙ
МЕЖДУ США И РОССИЕЙ

Сергей СПРИНЧАН

ВЛИЯНИЕ БИОЭТИКИ В ПРОЦЕССЕ ВЫЯВЛЕНИЯ НОВЫХ ПЕРСПЕКТИВ
РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В ОБЛАСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Ион ГУЧАК,
доктор юридических наук, профессор,
главный ученый секретарь
Академии наук Молдовы

Екатерина НЕГРУ,
магистр политических наук

ВЛИЯНИЕ НЕПРЕДВИДЕННЫХ ФАКТОРОВ И ПЕРЕМЕННЫХ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Радикальные перемены, затронувшие отношения в политической, экономической и социальной сферах Республики Молдова, выдвинули перед социальными науками проблему идентификации оптимальных путей развития общества. Одним из основных направлений в данном контексте является укрепление демократических реформ в управлении государственными и муниципальными органами, а также усовершенствование форм и методов участия граждан в процессе принятия решений по вопросам, представляющим общий интерес.

Управление в современном обществе представляет собой сложный процесс планирования, организации, мотивации и контроля, необходимый для того, чтобы сформулировать и достичь намеченных целей. Суть управления состоит в оптимальном использовании ресурсов для достижения поставленных целей. Таким образом, современный руководитель органов публичного управления должен обладать способностями управления и владеть навыками принятия решений в условиях неопределенности, опираясь на интеллектуальное сотрудничество людей, их сетевую кооперацию, интеграцию процессов планирования и исполнения.

Суть теории непредвиденных ситуаций состоит в том, что каждая ситуация, в которой оказывается государственный служащий, может стать сходной с другими ситуациями. Однако ей будут присущи

уникальные свойства. Задача руководителя в этой ситуации заключается в том, чтобы проанализировать все факторы в отдельности и выявить наиболее сильные зависимости [1].

Основные понятия и положения теории непредвиденных ситуаций стали предметом обсуждения среди авторов задолго до формирования её как доктрины. Так, например, ещё до появления этой теории, американские ученые Саймон, Томпсон и Смитсбург в своей монографии «Публичное управление» считали, что для того чтобы достичь максимальной эффективности, процесс управления должен адаптироваться к среде, в которой он будет осуществляться [2].

Как любая теория, теория непредвиденных ситуаций основывается в своём функционировании на определённых принципах, являющихся основополагающими правилами, которые действительны для всех постулатов данной теории.

В современной литературе [3; 31-32] суть этих принципов представляется следующим образом:

- если организация осуществляет свою деятельность в высоко конкурентной среде, необходимо децентрализовать власть к оперативным уровням, чтобы люди могли принимать оперативные решения на месте возникновения проблем;
- если руководитель не может управлять всеми подчиненными, то их число должно быть сокращено;

ВЛИЯНИЕ НЕПРЕДВИДЕННЫХ ФАКТОРОВ И ПЕРЕМЕННЫХ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ

- если подчиненные, обладающие выдающимися способностями, хотят больше власти и ответственности, лидер должен делегировать эту власть;
- если организация растет численно, лидер должен рассмотреть вопрос о внедрении новых правил и политик, для того чтобы он мог более эффективно управлять увеличенным числом сотрудников;
- если определенное решение предполагает большие затраты, то оно должно быть принято высшим руководством, но если для осуществления решения требуется меньше денег, то оно может быть принято и руководством более низких уровней.

Таким образом, проблемы, которые возникают в процессе принятия решений, предстоит решать, опираясь на взаимосвязь между компонентами организации и между организацией и внешними элементами окружающей среды. Разница в том, что каждый раз, когда будет принято то или иное решение, следует учитывать как саму систему, так и ситуации, в которых будет происходить принятие этого решения. Исходя из этого, вводится новый, ситуационный элемент, который, с уверенностью, можно рассматривать как один из непредвиденных факторов.

Учитывая тенденции демократического общества и рост популярности сотрудничества между гражданским обществом и правительством, стоит отметить, что для органов публичной власти, в целях соответствия современным критериям, одним из важных ситуационных элементов является принятие во внимание позиции неправительственных организаций и гражданского общества.

В современном обществе гражданское общество — это социально-организованная структура, в основном складывающаяся за пределами государственных структур, но охватывает и их, так как они образованы гражданами, то есть, членами гражданского общества. Для успешного функционирования государственных структур предпочтение следует отдать сочетанию сильного государства и эффективно функционирующего, уравновешивающего и дополняющего его гражданского общества.

Согласно социологическому исследованию «Развитие сектора НПО в Молдове», с 1992 года в нашей стране был зарегистрирован огромный рост НПО. Однако это состояние не являлось постоянным, так как на протяжении этого периода наблюдались как застои, так и сокращения роста НПО. В 2001 году было основано на 200 организаций меньше, чем в 2000 году, тенденция сокращения наблюдалась до 2002 года, после чего рост зарегистрированных НПО оставался стабильным до 2005 года. Исследование показывает, что в период между 2003 и 2005 годами в Республике Молдова было зарегистрировано более 700 новых НПО, а в 2005 году эта цифра превысила

900. Аналогичная динамика наблюдалась и в 2006 году [16]. В Аналитическом отчете публичных политик говорится о том, что 4 октября 2007 года в Молдове «число НПО достигло 3981» [17], а в другом исследовании о развитии НПО, выполненном в тот же период, указывается, что в Молдове зарегистрировано «почти 7000 организаций, с различными родами деятельности» [18]. В Стратегии развития гражданского общества на 2009-2011 годы, утвержденной Постановлением Парламента Республики Молдова 11 декабря 2008 года, содержится информация о том, что в Республике Молдова зарегистрированы более 8000 НПО.

В целях развития стратегического партнерства между органами публичной власти, гражданским обществом и частным сектором, а также в целях содействия участию заинтересованных сторон в процессе принятия решений 19 января 2010 года в Республике Молдова был создан консультативный орган Национальный совет по участию (НСУ). За отчетный период было проведено пять заседаний НСУ, мероприятия по обучению членов НСУ и разработаны методологические материалы для облегчения их деятельности. Таким образом, был утвержден План действий по внедрению Стратегии развития гражданского общества на заседании НСУ от 8 июня 2010 года; была утверждена Стратегия развития гражданского общества на заседании НСУ от 25 октября 2010 года; была создана официальная страница <http://www.particip.md>, которая постоянно обновляется [4].

Предпринятые государством меры в целях сотрудничества с гражданским обществом являются ярким примером того, что органы публичной власти осознают важность принятия во внимание ситуационных элементов в качестве непредвиденных факторов, влияющих на эффективность деятельности.

Список непредвиденных факторов может быть очень разнообразным, включая в себя отношение руководства организации, организационную культуру, степень доверия общественности, обсуждаемые темы и т.д.

По словам американского исследователя Г. Кэмерона*, существуют более 80 непредвиденных факторов, приводимых к 11 категориям: угрозы, рабочая среда организации, политическая и социально-культурная среда, внешние факторы, обсуждаемая проблема, характеристики организации, характеристики департамента общественных связей, специфические характеристики управления, внутренние угрозы, индивидуальные особенности, характеристики отношений (с внешними и внутренними элементами организации) [5].

Если речь идет о политической и социально-культурной среде, можно утверждать, что обязанность публичного управления реагировать на социальные требования, которые находятся в непрерывном

* Г. Кэмерон - консультант по вопросам управления. Имеет 20-летний опыт создания, развития и консультирования стартапов и растущих компаний США и Канады. Дважды занимал первую строчку рейтинга самых популярных лекторов в рамках совместной программы MIT и Организации предпринимателей - Entrepreneurial Master Program.

Ион ГУЧАК, Екатерина НЕГРУ

развитии, предусматривает наличие постоянных перемен в своей деятельности и ее структуре в соответствии с требованиями переходного периода. Кроме того, для этого периода характерны социальная нестабильность, быстрые изменения ситуаций и сценариев развития, создания новых политических и экономических структур, к которым население проявляет мало доверия [6; 9].

Политический фактор влияет на эволюцию публичного управления путем таких явлений, как выборы и выступление за демократический путь развития общества, ориентирование к общечеловеческим ценностям, демократизация избирательной системы и т.д. Переход к рыночной экономике генерировал такие проблемы, как безработица и бедность, которые, безусловно, влияют на состояние публичного управления. Социальный фактор – это движущая сила для развития любого общества, ведь исходя из социальных нужд населения, государство начинает разрабатывать те или иные программы развития и защиты определённых слоев населения.

Учитывая обширный список непредвиденных факторов, особого внимания заслуживают непредвиденные переменные. Среди наиболее распространенных факторов можно назвать: [7; 29]

размер организации – по мере увеличения размеров организации решать проблемы становится труднее. Например, структура, подходящая для организации с 50.000 сотрудниками, будет неуместна для организации из 50 человек;

маршрут оперативных технологий – в массовом производстве, в процессе преобразования входы в выходы, технологические операции глубоко отличаются от операций, используемых при индивидуальном производстве;

неопределенность окружающей среды – неопределенность, вызванная политическими, технологическими, социально-культурными и экономическими изменениями, влияет на процесс управления в целом. То, что может работать в исключительно стабильной и предсказуемой среде, может оказаться совершенно неприемлемым для непредсказуемого общества;

индивидуальные различия – индивидуумы различаются между собой в плане стремления к развитию, самостоятельности, толерантности, неопределенности и надежд.

Помимо непредвиденных факторов и переменных, теория непредвиденных ситуаций включает в себя два ключевых понятия: конфликт и стратегия. Конфликт всегда позиционируется в отношениях между организацией и общественностью, так как и организация, и общественность имеют определенные цели, роли, ценности, нормы и ожидания итогов этих двусторонних отношений, которые являются различными, а иногда и противоречат друг другу.

Теория постулирует, что желаемый результат может быть достигнут путем стратегического управ-

ления конфликтом в отношениях между организацией и аудиторией и предполагает необходимость создания стратегических действий руководства, которые будут направлены на определение оптимальных решений и взаимовыгод как для организации, так и для общественности. При возникновении конфликта организация устанавливает степень адаптации и продвижения для достижения своих стратегических целей [5].

Эффективность управления государством, определенная объективными законами экономического развития, во многом зависит от представляющей власть личности, ее психологии поведения, интеллекта, направленности идейных убеждений, понимания объективных законов, определяющих взаимоотношения общественных и личных интересов в совместно организованной трудовой деятельности, обеспечивающей наибольшую ее жизнедеятельность [15].

Решение конфликтных ситуаций в значительной степени зависит от индивидуальных качеств и навыков руководителя. Согласно теории непредвиденных ситуаций, эффективность определенной деятельности зависит от того, как менеджер примет решения. В предложенной американскими учеными Виктором Врумом и Филиппом Йеттоном модели принятия решений руководителем (*leader — participation model*) имеется пять стилей, или методов руководства, которые может использовать лидер в зависимости от того, какова степень участия подчиненных в принятии решений. Среди них:

- руководитель сам принимает решения, используя имеющуюся информацию;
- руководитель принимает решения на основе информации, предоставленной подчиненными, сообщая им или нет о сути проблемы;
- руководитель излагает проблему подчиненным, выслушивает все их мнения, а потом сам принимает решение;
- руководитель представляет проблему группе подчиненных, которая ее обсуждает, а затем сам принимает решение;
- руководитель излагает проблему группе подчиненных, ищет совместно с ней решение и принимает наиболее приемлемое из всех [8].

Модель, предложенная Врумом и Йеттоном, оказалась чересчур сложна для того, чтобы регулярно пользоваться ей на практике. Однако Врум и его коллеги дали возможность лучше понять сущность ситуационных переменных, которые следует рассматривать при выборе того или иного стиля лидерства.

Таким образом, эффективность работы органов публичного управления зависит от того, как именно будет принято решение. Стоит отметить, что участие работников в процессе принятия решений является предпочтительным стилем руководства, но не всегда. Есть моменты, когда лидеры должны принимать решения самостоятельно.

В соответствии с Отчетом о мониторинге и оценке реализации реформы центрального публичного управ-

ВЛИЯНИЕ НЕПРЕДВИДЕННЫХ ФАКТОРОВ И ПЕРЕМЕННЫХ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ

ления в Республике Молдова в 2011 году центральные отраслевые органы разработали 937 решений публичных политик. По 785 проектам решений публичных политик прошли консультации с гражданским обществом, или 84% решений, принятых за отчетный период, по сравнению с 83% в 2010 году и только 38% в 2009 году, когда был введен этот механизм консультирования. Наиболее часто используемыми в процессе консультирования по проектам решений методами являются размещение проектов предложенных решений на официальных страницах органов, организация консультаций и публичных заседаний, в рамках которых принимаются рекомендации к проектам решений. Согласно полученным от центральных отраслевых органов данным, министерствами и центральными административными органами в 2011 году организованы: 1221 консультативная встреча, публичные слушания, обсуждения, заседания рабочих групп по различным областям с участием представителей объединений и организаций, граждан, а также других заинтересованных сторон [9].

В целях создания системы эффективной коммуникации, повышения взаимодействия Правительства с гражданами и гражданским обществом, а также для обеспечения прозрачности деятельности органов центрального публичного управления (ОЦПУ) было разработано и утверждено Типовое положение о подразделениях по информированию и коммуникации со средствами массовой информации органов центрального публичного управления [4].

Вследствие этого, министерствами и другими центральными административными органами разработаны и утверждены внутренние правила информирования, консультирования и участия в процессе разработки и принятия решений в соответствии с новой нормативной базой. Кроме того, на официальных страницах ОЦПУ были созданы рубрики о прозрачности процесса принятия решений, в которых размещаются проекты публичных политик [4].

Процесс управления часто рассматривается как процесс в одном направлении. Руководство управляет, а последователи следуют за ним. На самом деле, этот процесс основан на сложных отношениях между лидером и его последователями. Несмотря на многочисленные взносы, традиция «эффективной школы» иногда увеличивала пуганицу, подчеркивая роль сильного руководства и уменьшая дух коллегиальности и сотрудничества. Опытные государственные служащие чувствуют и прекрасно знают, что лидеры не являются самостоятельными субъектами и что их отношения с подчиненными не являются статичными [10].

Чтобы упростить процесс принятия решений в сфере государственного управления, исходя из размера организации и маршрута оперативных технологий, используется децентрализация. Децентрализация способствует повышению восприимчивости органов власти к местным потребностям и проблемам. Когда ответственность за предоставление услуг и обеспечение

инфраструктуры децентрализована, местные органы могут лучше оценивать соотношение расходов и доходов, а также более гибко реагировать на потребности населения в рамках бюджетных ограничений.

В большинстве демократических государств именно местные органы управления непосредственно решают повседневные, наиболее важные общественные вопросы. Это обуславливает сравнительно высокую управленческую заинтересованность и активное участие граждан в деятельности местных органов власти [11].

Децентрализация является одним из фундаментальных принципов для деятельности местного публичного управления. Следует отметить, что важность этого принципа выражена в законодательных актах. Таким образом, часть (1) статьи 109 Конституции Республики Молдова предусматривает, что публичное управление в административно-территориальных единицах основывается на принципах местной автономии, децентрализации общественных служб, выборности властей местного публичного управления и консультаций с гражданами по важнейшим вопросам местного значения [12; ст. 109].

Также, настоящий закон об административной децентрализации устанавливает общие основы регулирования административной децентрализации на основе принципов распределения полномочий между органами публичной власти. В статье 3 указанного закона изложены принципы, на основе которых осуществляется административная децентрализация, а именно: принцип местной автономии, принцип субсолидарности, принцип справедливости, принцип полноты полномочий, принцип соответствия полномочий ресурсам, принцип финансовой солидарности, принцип институционального диалога, принцип партнерства между публичной и частной, публичной и публичной, публичной и гражданской сферами, принцип ответственности органов местного публичного управления [13; ст. 3].

В 2012 году в целях определения национальных механизмов в области децентрализации и обеспечения подлинной местной автономии для органов местного публичного управления в Молдове была принята Национальная стратегия децентрализации. Подход с учетом прав человека и равенства полов был фундаментальным и интегральным принципом в ходе разработки настоящей Стратегии. Исходя из этого, особое внимание уделялось принципам участия, недискриминации, прозрачности, высокой ответственности и равенства между женщинами и мужчинами [14].

Разработка настоящей Стратегии обуславливалась необходимостью стратегического планирования процесса децентрализации в целях консолидации полномочий органов местного публичного управления, улучшения менеджмента и качества публичных услуг, предоставляемых гражданам. Процесс децентрализации наделяет орган местного публичного управления полномочиями и ответст-

Ион ГУЧАК, Екатерина НЕГРУ

венностью в трех сферах: политической, административно-организационной и финансовой. Следует отметить, что данные полномочия должны осуществляться в условиях автономии, что предполагает неограниченную свободу в принятии и выполнении решений при условии соблюдения законности, соответствия национальным политикам и несения ответственности перед гражданами [14].

Подводя итоги, можно с уверенностью утверждать, что применение непредвиденных факторов и переменных способствует индивидуализации административного процесса, а также значительно улучшает качество принятых решений а, следовательно, и деятельность публичного управления в целом.

Литература:

1. Бурганова, Л. А. Теория управления. -http://fictionbook.ru/author/larisa_agdasovna_burganova/teoriya_upravleniya_uchebnoe_posobie/read_online.html?page=2.
2. Simon H. și al. Administrația publică. - Chișinău: Cartier, 2003. - 756 p.
3. Șaptefrați, T. Bazele teoretice ale dezvoltării științei administrației. - *Administrarea publică*, 2003, № 4, p. 26-32.
4. Отчет о мониторинге и оценке реализации реформы центрального публичного управления в Республике Молдова, 2010 г. - <http://rapc.gov.md/ru/rapcrez/>.
5. Coman, C. Constructe teoretice folosite în relațiile publice. - <http://www.pr-romania.ro/articole/concepte-de-baza/88-constructe-teoretice-folosite-in-relatiile-publice.html?start=4>.
6. Sîmboteanu, A. Unele aspecte strategice privind reformarea administrației publice și crearea unui consens pentru asigurarea continuității și ireversibilității reformei. - *Administrarea Publică*, 2003, № 3, p. 8-21.
7. Stăncioiu, I., Militaru, G. Management - elemente fundamentale. - București: Teora, 1999. p. 29.
8. Модель Врума-Йеттона. - <http://www.nejo.ru/model-vruma-jettona.html>.
9. Отчет о мониторинге и оценке реализации реформы центрального публичного управления в Республике Молдова, 2011 г. - <http://rapc.gov.md/ru/rapcrez/>.
10. Bolman, L., Deral, T. Restructurarea rolului de leader în organizații. - Lane, F. Probleme actuale de administrație publică. - Chișinău: Epigraf, 2006, p. 230-244.
11. Белиспаев, А. М. Институты децентрализации власти. - *Вестник Пермского университета. Юридические науки*, 2010, Выпуск 3(9). - <http://www.jurvestnik.psu.ru/ru/3-9-2010/22-instituty-decentralizaczii-vlasti.html>.
12. Конституция Республики Молдова от 29 июля 1994 г. - *Monitorul Oficial al Republicii Moldova*, 1994, 18 августа, № 1, ст. 1.
13. Об административной децентрализации. Закон Республики Молдова, № 435 от 28 декабря 2006 г. - *Monitorul Oficial al Republicii Moldova*, 2006, 2 марта, № 29-31, ст. 91.
14. Национальная стратегия децентрализации. - http://www.descentralizare.gov.md/public/files/Nationalaia_Strateghia_Destentralizatii.pdf.
15. Бандурка, А. М., Друзь, В. А. Психология власти. - Харьков: Ун-т внутр. дел, 1998, с. 185.
16. Социологическое исследование «Dezvoltarea sectorului neguvernamental din Republica Moldova». - Centrul de Investigații Sociologice și Marketing CBS AXA. - Chișinău, 2006.
17. Raportul Analitic de Politici Publice: Consolidarea societății civile din Republica Moldova. - Chișinău: Bons Offices, 2007, p. 19.
18. Studiu privind dezvoltarea organizațiilor neguvernamentale din Republica Moldova. - Chișinău: Bons Offices, 2007, p. 5.

Summary

The present article represents a study on the factors and situational variables roles regarding the public administration efficiency. In this respect, it is considered that one cannot identify unique forms of organization and management of the institution or administrative activity motivation. Moreover, the approach to any problem should be in concordance with the environment in which the institution operates, its team, and of course, the specific features and peculiarities of each type of performed activity by the specific institution.

Камал МАКИЛИ-АЛИЕВ,
доктор философии в праве (LL.D)

ДИСКРИМИНАЦИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

1. Запрет на дискриминацию

Дискриминация по различным признакам находится под запретом со стороны большого количества международных документов. Исследование различных международно-правовых положений, принятых за многие годы, рассказывает многое о развитии международного сообщества. Устав ООН, с его прогрессивной целью равенства, отмечает только расовый, половой, языковой и религиозный признаки дискриминации (статьи 1 и 55) [1; 1]. Для сравнения обратимся к более поздним международным документам, охватывающим запрет на дискриминацию, принятым под эгидой Европейского Сообщества. В соответствии с ними дискриминация запрещается на основе пола, расовой или этнической принадлежности, религии и убеждений, инвалидности, возрасту и сексуальной ориентации (ст. 13, консолидированной версии Договора о Европейском союзе и Договора, учреждающего Европейское сообщество, исправленных и дополненных в соответствии с Единым европейским актом, Маастрихтским договором, Амстердамским договором и некоторыми другими актами. Данное положение добавлено в соответствии с Амстердамским договором в 1997 году) [2]. Хартия Основных прав Европейского Союза, которая была принята позднее, содержит одно из самых полномасштабных положений о запрете на дискриминацию. Статья 21 Хартии запрещает «дискриминацию любого рода, в частности, по признаку пола, расы, цвета кожи, этнического или социального происхождения, генетических характеристик, языка, религии или убеждений, политических и иных взглядов, принадлежности к национальному меньшинству, имущественного положения, происхождения, ограниченной трудоспособности, возраста или сексуальной ориентации» [3].

По определению всеобщие права человека должны применяться ко всем без исключения. Говоря словами Венской декларации и Программы действий, «уважение прав человека и основных свобод, без какого бы то ни было различия, является основополагающей нормой международного права прав человека» [4; п.15.] Учитывая то, что Всеобщая декларация прав человека была принята в 40-е годы XX века, фразеология данного документа удивительна – был использован язык без указания на пол, несмотря на ранние, не принятые версии Декларации, где исполь-

зовались фразы: «все люди – братья». Несмотря на это, ООН в целях установления всеобщности прав человека постоянно воспроизводит такие права в документах, посвященных специфическим группам людей. Например, дети хоть и являются людьми, но получают дополнительную защиту, предоставляемую Конвенцией ООН «О правах ребенка». Действительно, дети особенно уязвимы в виду их возраста и их зависимости от взрослых в период формирования личности. Дети обладают более ограниченными правами по сравнению с взрослыми во всех государствах-членах ООН. Эта и другие подобные группы будут рассмотрены более подробно далее в данной работе, когда речь пойдет об институтах международного права прав человека.

Запрет на дискриминацию как концепция устанавливается только при применении определенных правовых и политических схем. Необходимость равенства и отсутствие дискриминации в реальности, а также в праве, впервые поощрялось Постоянной Палатой Международного Правосудия (*Advisory Opinion on Minority Schools in Albania*) [5; 17]. Сегодня дискриминация используется как «уничжительная сущность несправедливого, нерезонного, не имеющего оправдания и произвольного различия», которая присуща «любому деянию, которое лишает индивидов равенства обращения с ними, по сравнению с другими индивидами, из-за того, что они принадлежат к определенным группам в обществе» [6; 10-11].

2. Дискриминация по половому признаку

Равенство между мужчинами и женщинами является одним из основных столпов Организации Объединенных Наций – в Преамбуле Устава ООН народы Объединенных Наций вновь утверждают веру в «равноправие мужчин и женщин» [1; 1]. Большой прогресс в этой области был достигнут за годы существования ООН. Например, женщинам предоставлялись политические права с 1945 года, в то время, как до этого такие права были скорее исключением, нежели правилом. Второстепенное положение женщин во многих культурах долго было поводом для беспокойства международного сообщества. Статистика ООН показывает, что женщины составляют мировое большинство бедных и безграмотных, они зарабатывают намного меньше денег, чем мужчины,

Камал МАКИЛИ-АЛИЕВ

и часто работают задаром. Здравоохранение – это еще одна забота ООН, так как здоровье женщин всегда влияет на здоровье их потомства. Большое количество международных инициатив ставят своей целью устранение такого неравенства при помощи проектов, которые служат для предоставления образования для молодого женского населения и поддержания у них самодостаточности. Продвижение женского финансового менеджмента популярно в промышленных секторах Индии, тогда как образование в области здравоохранения, включая репродуктивное здравоохранение, задействовано во многих странах Африки.

Спорным моментом является мнение некоторых ученых, что международное право внесло свой вклад в развитие дискриминации из-за своего раннего протекционистского подхода. Международная Организация Труда, например, учитывая то, что она признала, что женщинам требуется специальная защита, дискриминировала женщин тем, что изначально защищала их права как матерей в ущерб их равному праву на труд. Однако даже больше, чем любые другие аспекты дискриминации, развитие в данной области блокировали, практически непреодолимые, культурные барьеры, мешавшие устранению дискриминации по половому признаку. Женщины рассматривались как группа риска. В 1993 году Венская декларация и Программа действий пояснили, что: «права женщин и девочек являются неделимой, неотъемлемой и неотчуждаемой частью всеобщих прав человека».[4; п.15]. Это было кульминацией прогресса от протекционной дискриминации (несмотря на лучшие побуждения) к признанию полного равенства в правах.

2.1. Декларация «О ликвидации дискриминации в отношении женщин»

В 1967 году Генеральная ассамблея ООН приняла Декларацию «О ликвидации дискриминации в отношении женщин». Данная Декларация недвусмысленна в своем осуждении такой дискриминации. Статья 1 Декларации гласит, что дискриминация в отношении женщин, которая отрицает или ограничивает их равенство по отношению к мужчинам, по своей природе несправедлива и составляет преступление против человеческого достоинства. Это положение есть развитие Преамбулы, которая признает огромный вклад, внесенный женщинами в социальную, экономическую, политическую и культурную жизнь и то, что для полноценного развития страны и глобального благосостояния, а также для поддержания мира, необходимо максимальное участие в этом как женщин, так и мужчин. Ударение ставится на необходимость формирования правильного общественного мнения, положительного к устранению предрассудков и практик, основанных на идее неполноценности или второстепенности женщин [7; 3]. Несмотря на то, что со времени принятия такой декларации прошло более сорока лет, необходимость в формировании такого

общественного мнения существует во многих странах.

В Декларации провозглашаются как гражданские и политические, так и экономические и социальные права. Интересно, что статья 10(3) позволяет принимать, *prima facie*, дискриминационные меры для защиты женщин в определенных условиях труда, учитывая физиологическую природу их труда [7; 3]. Это можно назвать далеким эхом подхода МОТ, который был отмечен ранее. Декларация запрещает считать беременность поводом для увольнения, и женщины должны иметь право вернуться на работу после возвращения из оплачиваемого отпуска по беременности и родам, при условии наличия учреждений по уходу за детьми, которые могут сделать такое возвращение возможным. Другие положения охватывают традиционные источники половой дискриминации – национальность после замужества, права собственности, трафикинг и эксплуатацию, и т. п. Учитывая видимую связь между концепцией равенства и Уставом ООН, все государства побуждаются продвигать имплементацию принципов, указанных в Декларации. Но даже при ссылке на такой источник, как Устав ООН, это побуждение показало себя как излишне оптимистичное.

2.2. Развивая права женщин

Пять лет спустя после принятия Декларации «О ликвидации дискриминации в отношении женщин», Генеральный Секретарь ООН попросил Комиссию по положению женщин проконсультироваться с государствами по вопросу о форме и содержании возможного международного документа по правам женщин. ЭКОСОС создал рабочую группу по данному вопросу, и в 1974 году начался процесс создания такого документа. 1975 год был отмечен как Международный год женщин, с проведением в Мехико первой Международной конференции ООН о положении женщин. Данное событие послужило катализатором для объявления ООН Десятилетия женщин (1976-1985 гг.). В свою очередь это способствовало большому мировому фокусу на женских вопросах. Комиссия поднажала с процессом создания международного документа. Хорошо организовав данный проект, основываясь на вышеуказанной Декларации, как на фундаменте, Генеральная ассамблея ООН в 1979 году приняла Конвенцию «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин».

Даже без обращения к Конвенции, главные комитеты и суды по правам человека уже рассматривали дела, касающиеся дискриминации в отношении женщин. Международные организации такого типа, рассматривали большое количество жалоб, заявленных женщинами. Большинство примеров, которые получили международные инстанции, действительно являются случаями дискриминации: например, *Lovelace v. Canada*. Автор коммюнике Сандра Ловелас, родилась и была зарегистрирована как член индейского племени Малисит, но потеряла свои права и статус как представитель такого племени

ДИСКРИМИНАЦИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

(в соответствии с национальным правом), когда вышла замуж не за индейца. Это стало проблемой, когда Ловелас развелась с мужем и не смогла вернуться на родную землю. Индеец, который женится на женщине не индейского происхождения, не теряет своего статуса индейца, отсюда и дискриминация по половому признаку. Комитет по правам человека постановил, что это является нарушением статьи 27 МПГПП (права меньшинств) со стороны Канады, в виду того, что Ловелас не могла больше использовать свою натуральную культурную принадлежность к своему племени после распада ее брака [8]. Элемент дискриминации был ключевым в решении по данному делу. В деле *Ato del Avellanal v. Peru* перуанская женщина представила коммюнике в Комитет по правам человека, утверждая, что была лишена доступа к правосудию из-за ее пола. В соответствии с перуанским правом только муж может представлять перед судом, если дело касается супружеской собственности. Комитет по правам человека признал ее утверждения оправданными, и ввиду этого постановил, что женщины в Перу не получали равенства перед судом – а значит, существует дискриминация [9].

В механизме Совета Европы, статья 14 ЕКПЧ, положение о запрете на дискриминацию не может быть обжаловано само по себе. С вступлением в силу в 2005 году Протокола 12 ЕКПЧ, в Европе наконец-то появился полноценный запрет на дискриминацию. Статья 14 может быть рассмотрена вместе с нарушениями других прав. Например, Великобритания не нарушила право на семейную жизнь, когда закон об иммиграции облегчил возможность для эмигрантов-мужчин воссоединиться со своими женами, но не наоборот. Однако это явилось нарушением статьи 14 совместно со статьей 8 о праве на семейную жизнь (*Abdulaziz, Cabales, Balkandali v. United Kingdom*) [10]. Такой подход сравним с подходом Комитета по правам человека. Маврикийское право, которое защищало от депортации мужчин, женатых на маврикийских женщинах, но не наоборот, было признано данным Комитетом несоответствующим МПГПП (*Aumeeruddy-Cziffra v. Mauritius*) [11]. Различное обращение с мужьями и женами при выборе фамилий было признано в деле против Швейцарии (*Burghartz v. Switzerland*) нарушением Европейской конвенции по правам человека, когда Европейский суд по правам человека постановил, что: «очень весомые причины должны быть представлены для того, чтобы дискриминация по половому признаку была признана сопоставимой с Конвенцией» (параг. 27). Обращение к государственному благоразумию, таким образом, представляется ограниченным, учитывая важность запрета на дискриминацию по половому признаку в международном праве. Другие организации по правам человека занимают такую же ограничительную позицию, однако государства все же обладают правом оговорок и заявлений при ратификации, что может повлечь обратный эффект и пошатнуть основы принципа.

2.3. Конвенция «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин»

Повторяя Декларацию, Преамбула Конвенции напоминает, что дискриминация в отношении женщин противоречит принципу равенства прав и уважения к человеческому достоинству. В отличие от Декларации, Конвенция пытается стать международным биллем о правах женщин. Несомненно, что разнообразие прав, включенных в ее основу, отражает данную цель. Данный документ обязывает государства ликвидировать дискриминацию в отношении женщин при использовании ими гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав. Конвенция имплементируется при помощи системы государственных периодических отчетов, в то время как Факультативный протокол к ней от 1999 года предоставляет механизм индивидуальных жалоб. Для мониторинга прогресса государств в области прав женщин Конвенция создала Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин [1; 142].

Дискриминация определяется Конвенцией, как «любое различие, исключение или ограничение по признаку пола, которое направлено на ослабление или сводит на нет признание, пользование или осуществление женщинами, независимо от их семейного положения, на основе равноправия мужчин и женщин, прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной, гражданской или любой другой области» (статья 1). Государства-участники Конвенции осуждают дискриминацию в отношении женщин и соглашаются вести политику ее ликвидации. В этом смысле они соглашаются имплементировать принцип равенства в свои основные законы и конституции; принимать соответствующие законодательные и другие меры (включая санкции), запрещающие всякую дискриминацию в отношении женщин; установить юридическую защиту равных прав; воздерживаться от любых дискриминирующих действий в отношении женщин; отменить все дискриминирующее законодательство, которое еще существует (статья 2) [1; 142].

Государства также принимают на себя позитивные обязательства по обеспечению развития и продвижения женщин в сторону равенства прав. Как предлагалось Декларацией, стороны Конвенции соглашаются на модификацию социальных и культурных моделей поведения мужчин и женщин «с целью достижения искоренения предрассудков и упразднения обычаев и всей прочей практики, которые основаны на идее неполноценности или превосходства одного из полов или стереотипности роли мужчин и женщин». Семейное воспитание обязано включать в себя правильное понимание «материнства как социальной функции» [1; ст. 5]. Трафикинг и эксплуатация в отношении женщин, а также проституция запрещаются.

Повторяя Конвенцию «О политических правах женщин», статьи 7-8 Конвенции охватывают

Камал МАКИЛИ-АЛИЕВ

устранение дискриминации в отношении женщин в политической и публичной жизни их стран, а также на международном уровне. В том числе Конвенцией охватываются права на гражданство и брак женщин, а также предоставляется свобода от дискриминации при получении образования или работы и право на здравоохранение. Равенство перед законом и равенство в семейных делах рассматривается в статьях 15 и 16 [1; ст. 5].

Отражая реалии обеспокоенности международного сообщества судьбой женщин, особое внимание было уделено правам «сельских женщин», учитывая особую роль, которую они играют в экономическом выживании своих семей. Соответственно женщинам предоставляется право на равное участие в создании стратегий развития региона, на равное участие в любой деятельности их сообщества и на адекватные условия жизни, «особенно жилищные условия, санитарные услуги, электро-и водоснабжение, а также транспорт и средства связи» [1; ст. 14]. Для дальнейшего продвижения сельских женщин, также в Конвенции имеется специальное положение о создании для них институтов здравоохранения и планирования семьи, доступа к образованию и обучению, и, как уже отмечалось, доступа к участию в кооперативах, сельскохозяйственных займах, а также к участию в планировке переселения земель.

Разрешаются компенсирующие действия (или, как они иногда называются, позитивная дискриминация): «Принятие государствами-участниками временных специальных мер, направленных на ускорение установления фактического равенства между мужчинами и женщинами, не считается, как это определяется настоящей Конвенцией, дискриминационным, ... эти меры должны быть отменены, когда будут достигнуты цели равенства возможностей и равноправного отношения» [1; ст. 4(1)]. Конвенция была быстро ратифицирована и вступила в силу в 1981 году. Однако такая быстрота лишь подтвердила излишнюю оптимистичность в отношении этого документа. Государства установили большое количество оговорок и заявлений при ратификации Конвенции. Многие ученые рассматривают такое количество оговорок и заявлений не только как фактор, подрывающий эффективность Конвенции, как международно-правового документа, но и как пример неотъемлемой слабости системы прав человека ООН, основанной на консенсусах.

2.4. Усиление прав женщин

Вторая Мировая конференция о положении женщин была проведена в Копенгагене в 1980 году. В этот раз была принята программа действий в отношении проблем в областях образования, трудоустройства и здоровья женщин во второй половине международной декады, посвященной им. Прогресс был медленным, но целенаправленным, и многие цели были включены в общие рамки стратегий по реализации равенства женщин. На третьей международной конференции в Найроби в 1985 году были приняты Стратегии будущего для продвижения женщин к 2000 году.

Четвертая Мировая конференция о положении женщин была проведена в Пекине в 1995 году. Эта конференция представила самый полный обзор прав женщин и прогресс в их применении на тот момент. Эта конференция была также самым большим международным собранием, когда-либо проводимым под эгидой ООН. Пекинская платформа действий, принятая на данной конференции, остается чертежом для международных действий в пользу достижения полового равенства. Обязательства, принятые на себя государствами во время Пекинской конференции, были далеко идущими, но и теперь к этим обязательствам зачастую прикреплялись оговорки. Комиссии ООН по положению женщин было поручено предоставлять консультации государствам по имплементации Платформы действий.

Специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН, созванная для Пекинской конференции, способствовала обзору прогресса, достигнутого в установлении равенства мужчин и женщин. На международной конференции «Пекин+5», проведенной в июне 2000 года, одним из критических пунктов повестки была помощь женщинам и девочкам, которые являются субъектами дискриминации. Такая же ситуация повторилась и на обсуждениях, проведенных в рамках «Пекин+10» в 2005 году.

Другие аспекты полового равенства охватываются более специфическими конвенциями – Конвенция ЮНЕСКО «О борьбе с дискриминацией в области образования» от 1967 года предоставляет равные возможности для получения образования, как мужчинам, так и женщинам, а Конвенция «О политических правах женщин» от 1952 года обязывает государства приобщать женщин к участию в политической деятельности.

Наконец, 8 Марта – Международный день женщин. Этот день отмечается ООН, хотя свое начало он берет еще задолго до второй мировой войны. Чествование вклада женщин в развитие всеобщего избирательного права началось в США в 1909 году и распространилось по всей Европе к 1914 году. Такой праздник способствует ежегодному фокусированию на оценке мировым сообществом и государствами прогресса, достигнутого в обеспечении запрета на дискриминацию в отношении женщин, и истинного равенства использования прав и свобод.

3. Расовая дискриминация

Все люди заслуживают и обладают правом требования равного обращения со стороны других людей, населяющих государство их проживания. Такое равенство, как уже было отмечено, зависит от ликвидации всех форм дискриминации. Расовая дискриминация считается особенно острой, так как индивиды дискриминируются на основании лишь цвета их кожи или этнического происхождения; факторов, которые естественно не находятся под контролем таких индивидов [12]. В этом смысле, расовая дискриминация сопоставима с дискриминацией по половому признаку.

ДИСКРИМИНАЦИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Жестокости, совершенные во время второй мировой войны, усилили общественную озабоченность проблемами расизма и катастрофическими последствиями свободного действия расизма в мире. Зачастую люди подвергаются дискриминации лишь на основании их расового происхождения, самой экстремальной формой которой стал апартеид. Данная часть работы рассмотрит международный ответ на существующую угрозу и практику расовой дискриминации по всему миру, а также международные документы по борьбе с такой дискриминацией. Ликвидация всех аспектов расовой дискриминации давно уже является частью работы ООН. В 2001 году международное сообщество провело Конференцию в Южной Африке, в Дурбане. Запрет на расовую дискриминацию закреплен в международном праве прав человека и уже считается в научной среде частью *jus cogens* [13; 24].

3.1. Развитие международного права прав человека в данной области

Свод норм в области расовой дискриминации был создан под эгидой ООН. Данные нормы были изначально продуктом страха международного сообщества перед расовой дискриминацией и побуждениями расовой ненависти к жестокостям, совершенным во время второй мировой войны. Хотя религиозная дискриминация также была не последним фактором в этой ситуации, все же международные нормы в этой области намного слабее, как будет доказано далее в этом исследовании.

Различные специализированные международные документы охватывают проблемы расовой дискриминации в определенных сферах: Конвенция «О дискриминации в области труда и занятий» от 1958 года, принятая Международной организацией труда и Конвенция «О борьбе с дискриминацией в области образования» от 1960 года, принятая под эгидой Организации Объединенных Наций в области образования, науки и культуры, являются двумя самыми выдающимися из таких документов. Уже в 1949 году черновой вариант Декларации прав и обязанностей государств (так и не была принята) гласил: «каждое государство должно считать своей обязанностью, обращаться со всеми людьми в пределах своей юрисдикции с уважением к их правам и основным свободам человека, без различия в отношении пола, расы, языка или религии» [14]. Однако необходимость документа международного уровня, который бы разобрался с данной проблемой, стала прижимать все мировое сообщество.

3.2. Декларация и Конвенция

Растущая международная озабоченность подтолкнула Генеральную ассамблею ООН к принятию Декларации «О ликвидации всех форм расовой дискриминации» в 1963 году. Данная Декларация осуждает все формы расового дифференцирования, объявляет государственные курсы, основанные на расовом превосходстве, угрозой международному

миру и безопасности и утверждает цель ООН в освобождении международного сообщества от расовой дискриминации и сегрегации. Два года спустя Генеральная ассамблея ООН приняла международную конвенцию, которая включала в себя принципы, обязательные к применению. Речь идет о Международной конвенции «О ликвидации всех форм расовой дискриминации» от 1966 года, которая была принята в плане развития Декларации Генеральной ассамблеи ООН «О ликвидации всех форм расовой дискриминации» от 1963 года (GA Resn 1904, GA Doc. A/Res/1904 (XVIII), 21/11/63). Преамбула Декларации отмечает антиколониальную политику ООН и осуждает доктрины расовой дифференциации или превосходства, как морального, так и социального, как несправедливые и опасные. Практика апартеида также была в первых рядах международной обеспокоенности в то время. Многие статьи Декларации нашли юридическое закрепление в терминологии и положениях Конвенции. Оба эти документа пронизывает принцип уважения человеческого достоинства, содержащийся в Уставе ООН, и общие принципы прав и основных свобод человека, охватываемые Всеобщей декларацией прав человека.

Генеральная ассамблея приняла текст Конвенции 19 января 1966 года, заявляя тем самым, что расовая дискриминация – это тот предмет рассмотрения, который должен изучаться под эгидой ООН. Следует помнить, что Конвенция обязана своим существованием определенной политической ситуации 1960-х: она представляла общий взгляд, направленный против расовой дискриминации, учиненной доктринами расового превосходства (апартеид) и колониализмом. Учитывая, что это был период активной деколонизации, многие государства-участники считали, что расовая дискриминация являлась проблемой, находящейся в их юрисдикции. Сегодня борьба с «этническими чистками» является новой заботой тех, кто принимает Конвенцию.

Параграфы Преамбулы Конвенции схожи с такими же параграфами Декларации и повторяют осуждение расовых барьеров и практики апартеида, а также вновь подтверждают принятую на себя обязанность ООН по быстрой ликвидации расовой дискриминации. Конвенция состоит из трех частей: первая – рассматривает детали границ применения Конвенции и обязательства государств-участников; вторая – посвящена механизму имплементации и применения; а третья содержит заключительные положения документа. Данная Конвенция получила хороший отзыв мирового сообщества и имеет большое количество ратификаций – 173 государства на март 2008 года.

3.3. Определение «расовой дискриминации»

Статья 1(1) Конвенции представляет рабочее определение «расовой дискриминации»: «любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, основанное на признаках расы, цвета кожи, родового,

Камал МАКИЛИ-АЛИЕВ

национального или этнического происхождения, имеющие цель или следствие уничтожение или уменьшение признания, использования или осуществления на равных началах прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной или любых других областях общественной жизни» [1; 126]. Некоторые ученые рассматривают такое определение достаточно широким, для того чтобы включать: «все дискриминирующие деяния, как умышленные, так и неумышленные, как успешные, так и неуспешные при условии, что существует цель или результат» [13; 26]. Четыре указанные действия (различие, исключение, ограничение, предпочтение) были включены в определение с целью охватить все аспекты дискриминации. Для того, чтобы любое из этих четырех действий было признано дискриминирующим, должны быть выполнены два условия. Различие, исключение, ограничение, предпочтение должны: «(1) иметь цель сводить на нет или приводить к неравенству признание и использование, на равных началах, прав и основных свобод человека, или (2) приводить к такому результату» [13; 49].

Интересно отметить, что, при определенных обстоятельствах, позитивная дискриминация как таковая разрешается. Статья 4(1) устанавливает, что принятие «особых мер с исключительной целью обеспечения надлежащего прогресса некоторых расовых или этнических групп или отдельных лиц, нуждающихся в защите, которая может оказаться необходимой для того, чтобы обеспечить таким группам или лицам равное использование и осуществление прав человека и основных свобод, не рассматривается как расовая дискриминация, при условии, однако, что такие меры не имеют своим последствием сохранение особых прав для различных расовых групп и что они не будут оставлены в силе по достижении тех целей, ради которых они были введены» [1; 126]. Соответственно, государство может предоставить коренным народам привилегированные условия на определенное время, которое необходимо для поднятия их статуса на тот же уровень, на котором находится остальное население.

Государства-участники принимают на себя обязательства внести поправки в свои национальные законодательства для объявления практики и/или побуждения к расовой дискриминации уголовным преступлением. По сути, все граждане государства, вне зависимости от их расового происхождения, должны быть равны (перед законом) [1; 126]. Таким образом, отказ в свободе перемещения или невыдача паспортов населению различных коренных народов со стороны государства может считаться нарушением Конвенции. Многие государства проявили нежелание признавать наличие проблем в данной области. Комментарии государств, полученные Комитетом по ликвидации всех форм расовой дискриминации (создан Конвенцией), подтверждают наличие такой нехорошей тенденции. Многие государства утверждают, что на их территории нет этнических групп, подвергающихся

расовой дискриминации, в то время как другие утверждают, что им не известно о наличии расовых трений. Некоторые из таких проблем говорят сами за себя. Например, определение расовой дискриминации, установленное ООН, содействовало первым утверждениям Южной Африки относительно того, что апартеид не представляет собой расовую дискриминацию, так как предоставляет одинаковые расовые возможности каждой расовой группе, с целью раздельного развития. Все же апартеид объявлен вне закона Международной конвенцией «О пресечении преступления апартеида и наказании за него» от 1973 года (на данный момент применение этого документа приостановлено).

3.4. Заключительные комментарии

Конвенция о расовой дискриминации ставит своей целью защиту групп от дискриминации на основании расовой принадлежности. Государства определили, что религия, язык и культура могут отличаться от расовой принадлежности, но возможность расширения подхода международного сообщества к этому вопросу до такой степени, чтобы признать апартеид расовой дискриминацией, хорошо показывает, насколько широк данный подход, и что он мог бы усилить запрет на дискриминацию в других областях. Положения Конвенции охватывают лишь малую часть более широкого и общего запрета на дискриминацию. Однако, говоря словами Генерального секретаря ООН, данная Конвенция обладает: «мощной моральной силой виртуальной универсальности, заложенной в первоначальном принципе (*ius cogens*), который гласит, что расовая дискриминация должна быть ликвидирована повсеместно» [15; 10]. Поэтому влияние Конвенции нельзя недооценивать.

Еще больший вес добавляет тот факт, что во многих случаях запрет на дискриминацию формирует фундамент национальных конституций. Германия и Южная Африка, например, в своих конституциях на сегодняшний день установили прямой запрет на расовую дискриминацию.

1993-2003 гг. были третьей декадой борьбы с расизмом и расовой дискриминацией. Будучи частью такой инициативы, ООН создала Модель национального законодательства для руководства правительств при принятии новых законодательных актов о борьбе с расовой дискриминацией. Специальный докладчик (Морис Глеле-Аханханзо) получил мандат на исследование современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и схожих видов нетерпимости. Международное внимание далее было сфокусировано на данном предмете с подачи Международной конференции по борьбе с расизмом, расовой дискриминацией, ксенофобией и схожими видами нетерпимости (Дурбан, 2001), целью которой являлось создание нового глобального видения борьбы с расизмом в XXI веке.

ДИСКРИМИНАЦИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

4. Религиозная дискриминация

Религиозная дискриминация и нетерпимость являются одними из древнейших причин международных конфликтов и, как хорошо показывает Израильско-Палестинский конфликт, остаются причиной таких конфликтов, и по сей день. Религия, являясь существенным предметом обсуждений с ранней истории развития прав человека, при этом мир зачастую становился свидетелем многих международных диспутов и войн, возникших из-за идеологических различий между государствами. Часто религиозные и идеологические проблемы, возникавшие между основными группами в государствах, становились причинами гражданских войн и угроз международному миру и безопасности. Хорошим примером могут служить Балканы.

Религия является более проблематичным признаком в праве о запрете на дискриминацию. Во время создания Всеобщей декларации прав человека не был учтен тот факт, что большинство государств мира на тот момент имели свои государственные религии и управлялись религиозными, а не светскими законами. Потому в практике государств встречается большое количество аномалий. Каирская декларация «О правах человека в исламе» от 1990 года, принятая Исламскими государствами, постоянно ссылается на законы Шариата [16], а значит, на верховенство статуса мужчин, как в публичном, так и в частном праве. С другой стороны, в контраст данной конвенции Арабская хартия прав человека от 1994 года [17], является нейтральной в отношении пола и ограничивает ссылки на Исламский Шариат в параграфах преамбулы. Существующая система прав человека, таким образом, часто обвинялась в односторонности, или так называемой «западной» односторонности, хотя, как показывает юриспруденция, это не всегда правдиво. Настолько насколько это возможно международное право прав человека должно быть надрелигиозно. Например, в деле *Hoffman v. Austria* Европейский суд по правам человека заключил, что Австрия нарушила Европейскую конвенцию отказом присвоения родительских прав матери, лишь на основании того, что она является членом Свидетелей Иеговы [18].

4.1. Развитие международного запрета на религиозную дискриминацию

Свобода вероисповедания в государстве процветает, когда существуют корреспондирующие нормы, запрещающие дискриминацию по религиозным признакам. Запрет на дискриминацию по признаку, *inter alia*, религиозных убеждений составляет часть норм международного права прав человека. Индивиды должны иметь возможность свободно использовать это одно из самых основных прав человека для определения своих теологических и философских убеждений и для демонстрации таких убеждений, без вмешательства государства, по крайней мере, до тех пор, пока религиозная практика не нарушает или препятствует

использованию своих основных прав другими людьми. Специальный докладчик ООН (Рибьеро) подтвердил данное утверждение: «хорошо известная школа юридической мысли говорит, что индивид должен обладать свободой, не только выбирать теистические убеждения и свободно их практиковать, но и иметь право рассматривать жизнь с нерелигиозной точки зрения, без того, чтобы находиться в ущемленном отношении *vis-a-vis* [по сравнению] с верующими. Специальный докладчик отмечает, что также как верующие, которые должны свободно пользоваться своим правом на вероисповедание, так и неверующие (свободные мыслители, агностики и атеисты) не должны испытывать на себе дискриминации» [19; п. 113]. Правило запрета на дискриминацию на основании вероисповедания, таким образом, должно заключать в себе все виды веры или убеждений. За трения между различными религиозными группами зачастую ответственны сами государства, в которых наблюдается отсутствие терпимости (толерантности). Как и в случае с языком, религия часто использовалась в качестве оружия для битв между группами. Религия была доминирующей темой Реформации и войн в Германии в XVI веке. В то время было принято, что правящая власть объявит государственную религию и предпишет все остальное. Нетерпимость была практически государственной политикой. Как отметил Докладчик ООН в работе по религиозной дискриминации: «Толерантность, изначально распространялась лишь на одну или несколько специфических вероисповеданий; и только позже начала распространяться на все религиозные группы. Более того, размеры толерантности, распространявшиеся на различные группы, сначала были очень малы; и только путем постепенного распространения были достигнуты равные ее размеры» [20; 4].

При применении толерантности в отношении различных религиозных групп государство устанавливает запрет на дискриминацию на основании приверженности или неприверженности к определенной религии. Как отмечает Натан Лернер, «международная защита прав человека началась с областей, связанных с религией» [13; 75].

Включение религии как признака для дискриминации в положения о запрете на дискриминацию характеризует религию как личностный признак, такой же, как и раса, пол или язык. «Она [религия] рассматривается как «природный» феномен, на основании которого было бы несправедливо дискриминировать, когда получают признания права и свободы» [21; 332]. Подобные причины для использования запрета на дискриминацию повторяются во всех последующих документах по правам человека, так что дискриминация по религиозному признаку определенно находится под запретом в международном праве прав человека. Некоторые ученые полагают, что запрет на религиозную дискриминацию является частью *jus cogens* [22; 513]. Понятие равенства для

Камал МАКИЛИ-АЛИЕВ

всех людей, независимо от пола, расы, религии и языка, сейчас крепко стоит на позициях общего принципа международного права, применимого ко всем народам и государствам. То, насколько данная норма является общепризнанной и всеобщей, можно судить из простого анализа региональных и местных документов по правам человека.

Необходимость применения международно-правовых положений о запрете на религиозную дискриминацию подчеркивается в отчете Специального докладчика ООН и затем отражается в Декларации Генеральной ассамблеи ООН.

4.2. Создание Декларации

Аркот Кришнасвами, Специальный докладчик подкомиссии ООН по предотвращению дискриминации и защите меньшинств был назначен в 1956 году для исследования и предоставления результатов исследования по дискриминации на основании религиозных прав и религиозной практики. Его заключительный отчет был обозначен как: «веха в работе ООН по искоренению предубеждений и дискриминации на основании вероисповедания и убеждений».[23; 1.] Отчет был рассмотрен во время и увеличения количества случаев религиозной нетерпимости в Европе. По рекомендации подкомиссии ООН по предотвращению дискриминации и защите меньшинств, Генеральная ассамблея ООН 7 декабря 1962 года приняла Резолюцию 1779, которая требовала отмены дискриминирующих законов, ставших причиной, *inter alia*, религиозной нетерпимости и принятия соответствующего законодательства для запрета такой нетерпимости. Подготовка проекта конвенции о ликвидации всех форм религиозной нетерпимости началась в то же самое время [24], однако на сегодняшний день она так и не была принята. Учитывая медленный прогресс по разработке конвенции, Генеральная ассамблея ООН решила начать установку прецедента с принятия проекта декларации.

После продолжительных дебатов и переговоров, Генеральная ассамблея ООН приняла без голосования Декларацию «О ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений» 25 ноября 1981 года [25]. В рамках Декларации Генеральная ассамблея ООН выражает свою уверенность в том, что: «религия и убеждения являются одним из основных элементов концепции жизни и что свобода вероисповедания и убеждений должна гарантироваться и уважаться в полной мере» (прокламация перед принятием Декларации). Использование религии и религиозных убеждений как орудия для оправдания внешнего вмешательства во внутренние дела государств и для разжигания ненависти между народами и людьми также отражено и осуждается в Декларации. Декларация признает, что истинная свобода вероисповедания и убеждений будет способствовать достижению основных целей ООН по

установлению международного мира, социальной справедливости и дружбы между народами.

4.3. Содержание Декларации

Для целей декларации «нетерпимость и дискриминация на основе религии или убеждений» означает любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, основанное на религии или убеждениях, цель или следствие которого – уничтожение или умаление признания, пользования или осуществления на основе равенства прав человека и основных свобод. Любая такая дискриминация считается нарушением Устава ООН или соответствующих ему документов и таким образом осуждается как «оскорбление достоинства человеческой личности и отрицание принципов Устава Организации Объединенных Наций», а также как «препятствие для дружественных и мирных отношений между государствами» [25; ст. 2-3].

Все права и свободы, перечисленные в Декларации должны свободно использоваться всеми без дискриминации. Статья 6 Декларации определяет список свобод, включая свободу мысли, совести, религии или убеждений: «а) отправлять культы или собираться в связи с религией или убеждениями и создавать и содержать места для этих целей; б) создавать и содержать соответствующие благотворительные или гуманитарные учреждения; в) производить, приобретать и использовать в соответствующем объеме необходимые предметы и материалы, связанные с религиозными обрядами или обычаями либо убеждениями; г) писать, выпускать и распространять соответствующие публикации в этих областях; д) вести преподавание по вопросам религии или убеждений в местах, подходящих для этой цели; е) испрашивать и получать от отдельных лиц и организаций добровольные финансовые и иные пожертвования; ж) готовить, назначать, избирать или назначать по праву наследования соответствующих руководителей, согласно потребностям и нормам той или иной религии или убеждений; з) соблюдать дни отдыха и отмечать праздники и отправлять обряды в соответствии с предписаниями религии и убеждениями; и) устанавливать и поддерживать связи с отдельными лицами и общинами в области религии и убеждений на национальном и международном уровнях». Поэтому, все определившиеся последователи или верующие должны получать соответствующее обращение со стороны того или иного государства. Группы и индивиды также обязаны проявлять религиозную терпимость и мирное сосуществование [25; ст. 2].

Запрет на дискриминацию и взаимная терпимость, хоть и являются камнями преткновения данной Декларации, но все же не стали монохромным понятием. Полное использование свободы вероисповедания неизбежно ведет к посягательствам на другие права человека, так как столкновения культур практически являются нормой. Комитет по правам человека ООН рассматривал подобную ситуацию в

ДИСКРИМИНАЦИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

деле *Singh Bhinder v. Canada*. Потерпевший потерял свою работу в качестве электрика в Канадской железнодорожной компании из-за отказа носить обязательную специальную защитную шапку. Так как он был сикхом, он заявлял, что ему должно быть позволено, носить тюрбан. Однако в данном случае победил здравый смысл и необходимость охраны здоровья, а потому безопасность истца преобладала над его религиозными верованиями.

Многие из прав, содержащихся в Декларации, – это права групп, которые могут использоваться индивидом лишь совместно с такими же верующими, как он сам, например, право на собрание в связи с вероисповеданием и содержание места для целей такого собрания [25; ст. 6(a)].

Хотя Декларация не обязательна к исполнению, с правовой точки зрения все же она «обладает некоторым правовым воздействием и оказывает высокое давление в области следования ее правилам на членов международного сообщества в той мере, при которой, в конце концов, ее положения станут нормами международного обычного права» [13; 89]. Декларация является единственным международным документом, посвященным целиком вероисповеданию и убеждениям, и как таковая, очень информативна и обладает достаточным авторитетом. Декларация на данный момент является прорывом в предоставлении религиозным группам хоть какой-то защиты, на подобие той, что была предоставлена расовым или этническим группам. Права, заключенные в Декларации, могут рассматриваться как общие международные принципы, применение которых не только устанавливает запрет на дискриминацию и нетерпимость в отношении религии или убеждений, но и идет вперед в сторону обеспечения свободы вероисповедания в государствах.

4.4. Разработка концепции

Комиссия ООН по правам человека поручила подкомиссии по предотвращению дискриминации и защите меньшинств провести полномасштабное исследование текущих областей проблем нетерпимости и дискриминации на основании религии и убеждений. Элизабет Одио Бенито была впоследствии назначена Специальным докладчиком и должна была составить отчет о различных случаях проявления нетерпимости и дискриминации на основании религии и убеждений в мировой практике и выявить корень таких проблем, а также составить список рекомендаций в виде определенных мер, которые должны быть приняты для борьбы с нетерпимостью и дискриминацией на основании религии и убеждений, уделяя особое внимание мерам, которые можно предпринять в сфере образования.

Бенито выявила две стадии любого проявления религиозной нетерпимости: неблагоприятное отношение к лицам или группам другой религии или убеждений и проявление такого отношения на практике. Одним общим фактором для всех проявлений

нетерпимости является неравенство материальных благ, получаемых преступником и жертвой [23]. Неудивительно, что одной из главных рекомендаций Специального докладчика было создание международного соглашения (конвенции) по ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основании религии или убеждений, на базе Декларации 1981 года.

4.5. Специальный докладчик по религиозной нетерпимости и дискриминации

До рассмотренная отчета Бенито в 1987 году в ответ на большое количество нарушений Декларации и на большое количество действий, не совместимых с принципами Декларации, Комиссия по правам человека назначила Специального докладчика (Анжело де'Альмеида Ребиеро, замещенного затем Абдельфаттах Амором) для проведения детального исследования таких случаев и предоставления рекомендаций по принятию мер для улучшения ситуации. Отчеты Ребиеро за время его деятельности охватили улучшающиеся отношения в постсоветских государствах с религиозными учреждениями, угроза казнью (фетвах) Салману Рушди и большое количество других инцидентов религиозной дискриминации по всему миру. Новый Специальный докладчик расширил свою деятельность для проведения большего количества визитов в различные страны, и более длительных и содержательных совещаний с правительствами и неправительственными организациями (такую политику проводит и Асма Джахангир, текущий докладчик). Следует отметить, что Специальный докладчик не может обязывать государства следовать его рекомендациям и служит больше собирателем информации: «диалог, установленный с правительствами Специальным докладчиком, и передача им предположений относительно их стран, ни в коей мере не является обвинением или осуждением со стороны Специального докладчика, а лишь просьбой о разъяснении некоторых моментов, с целью, при поддержке правительства, найти решение проблемы, которая своими корнями уходит в сердце основных прав и свобод» [26; п. 17]. Роль Специального докладчика, таким образом, заключается не в принятии решений или предъявлении обвинений, а скорее в изоляции основных причин любых проявлений нетерпимости или дискриминации внутри государства. [26; п. 101]. Озабоченность подъемом религиозной нетерпимости подтолкнула Генеральную ассамблею ООН к принятию Резолюции 60/166 (2005), которая осуждает исламофобию, антисемитизм и христианофобию, в общем, порицая дискриминацию по религиозному признаку [27].

Как и с расовой дискриминацией, применение принципа запрета на дискриминацию в отношении религиозных и других убеждений можно достичь через принятие соответствующих законов во всех областях жизни общества.

Камал МАКИЛИ-АЛИЕВ**4.6. Заключительные комментарии**

Равенство для всех, независимо от религиозных убеждений, является необходимым в справедливом, плюралистическом обществе. Мультикультурный характер сегодняшних народов, населяющих страны мира, делает взаимную терпимость очень важным условием. Религиозные и другие убеждения пронизывают всю жизнь индивида. Более того, религиозные/моральные догмы отделяют правильное от неправильного, плохое от хорошего в обществе. Суды, при решении диспутов, применяют основные убеждения общества, в котором они действуют. Таким образом, существует вероятность того, что в плюралистическом обществе с разнообразием религий и убеждений, некоторые группы не смогут получать полное обеспечение их религиозных принципов в судах, а значит, будут подвергнуты дискриминации. В юридической литературе данный вопрос до сих пор остается спорным. Схожая ситуация существует с рабочими графиками – при расположении каникул/праздников. Даже выбор меню в большинстве ресторанов и отелей отражает доминирующие религиозные убеждения общества. Некоторые группы неизбежно будут чувствовать себя ущемленными в правах. Однако важно отметить, что свобода от дискриминации не требует полного равенства на ранних стадиях. Поэтому необходимо принятие всеми того, что будет существовать обязательное расхождение во взглядах на религию и убеждения, и предоставление альтернативных праздников, где это возможно.

Запрет на дискриминацию требует, чтобы религиозные и другие убеждения не были критерием для приема кандидатов на работу, получения образования или прохождения тренингов. Убеждения индивида не могут быть использованы против него. Политика запрета на дискриминацию не обязательно означает гарантии свободы вероисповедания, но может улучшить правовое и социальное положение последователей негосударственных религий.

5. Язык и другие признаки для дискриминации**5.1. Язык**

Язык является еще одним признаком для дискриминации, упомянутым во Всеобщей декларации прав человека. Однако, его определение является намного более слабым по сравнению с расовым, половым и религиозным признаками. Лингвистические права не привлекли столько внимания международного сообщества. Также следует учитывать возможные пересечения дорог с другими признаками для дискриминации. Например, лицо, говорящее на другом языке, чем большинство населения государства, может еще быть и другого расового происхождения или вероисповедания. Из-за этого процесс вычисления признака для дискриминации может стать очень сложным. Многие национальные законодательства включают в себя намного больше материальных норм в отно-

шении дискриминации расы и пола, нежели в отношении лингвистической дискриминации. Для этого существует множество причин, и не в последнюю очередь тот факт, что считается вполне допустимым для государства иметь один официальный язык и, таким образом, по определению, дискриминировать все другие. Однако в постоянно растущем плюралистическом глобальном сообществе сейчас очень мало (если вообще они остались) монолингвистических государств; из чего следует, что лингвистическая дискриминация является реальностью для тысяч различных языков, используемых по всему миру. В принципе, данная ситуация наверно и сбросила скорость, с которой международное сообщество занимается данной проблемой. Несмотря на все это, лингвистическая дискриминация может внушать столько же беспокойства, сколько и любая другая дискриминация по перечисленным ранее признакам. Язык лежит в основе образования, а значит, лингвистическая дискриминация может ограничить доступ к образованию языковых меньшинств в государствах (см.: *Belgian Linguistics Case of European Court on Human Rights*) [28]. Совершенно ясно, что такая ситуация может отрицательно сказаться на детях. Доступ к трудоустройству также является потенциальной проблемой для тех, кто говорит на другом языке, как и доступ к тренингам и повышению квалификации. Иногда лингвистическая дискриминация считается более оправданной или позвольительной, чем любая другая, но причиной этого является то, что у государств в этой области больше свободы действий. К сожалению, это так, несмотря на то, что язык очень близко связан с культурой и срастающей заботой международного сообщества о сохранении и продвижении культурного плюрализма. Например, Суд Европейских Сообществ закрепил право ирландского преподавателя говорить на ирландском (гэльском) языке, вне зависимости от того, что языком преподавания в его колледже был английский. Причиной тому стала защита и продвижение коренной ирландской культуры (*Groener v. Minister of Education*) [29]. Связь языка с культурой хорошо видна, учитывая, что статья 27 Международного пакта «О гражданских и политических правах» (права меньшинств) является основным положением, относящимся к лингвистическим группам [1; 87].

ООН приняла Декларацию «О правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам» в 1992 году. Эта Декларация предоставила лицам, говорящим на языке меньшинств, право пользоваться таким языком: «в частной жизни и публично, свободно и без вмешательства или дискриминации в какой бы то ни было форме» [1; 139]. Это на сегодняшний день главный принятый ООН международный документ, охватывающий лингвистическую дискриминацию. Более значительное развитие данная тема получила в Европе – Европейская Хартия «О региональных

ДИСКРИМИНАЦИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

языках и языках меньшинств» от 1992 года и Рамочная конвенция «О национальных меньшинствах» от 1995 года, а также ряд рекомендаций, принятых под эгидой Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (например, Лундские рекомендации), являются примерами такого развития.

Лингвистическая дискриминация потенциально вредит индивиду, и даже часто создает угрозу человеческому достоинству, учитывая негативный эффект, который она распространяет на культурную идентификацию индивидов. Несмотря на все это, по всей видимости, данная проблема все же не вызвала должной обеспокоенности государств или международного сообщества.

5.2. Другие признаки для дискриминации

Многие международные документы перечисляют другие признаки дискриминации, а некоторые даже включают определенные признаки дискриминации «какого-либо другого вида» («иного обстоятельства») в свои списки, не являющиеся при этом исчерпывающими. Изобилие других признаков дискриминации возымело мало эффекта за время их появления, и еще меньше возникло прецедентов с ними, разбираемых соответствующими органами международного правоприменения, по сравнению с прецедентами, касающимися пола, расы и религии.

Дискриминация на основании национальности была затронута в *Guyé et al. v. France*. Комитет по правам человека признал национальность признаком дискриминации, входящим в понятие «иного обстоятельства», в рамках МПГПП, и признал правоту заявлений нескольких сотен сенегальских солдат, которые по их уходу на пенсию из французской армии получали меньшее пенсионное обеспечение, чем граждане Франции с такими же послужными списками, также служившими во французской армии [30] (следует отметить, что данная военная служба проводилась до объявления независимости Сенегалом в 1960 году). На региональном уровне, Европейский суд по правам человека упустил возможность принять решение по правовому охвату «иного обстоятельства» внутри Совета Европы, отклоняя жалобу о дискриминации на основании королевского статуса в деле *The Former King of Greece v. Greece*, так как было найдено нарушение другой части Европейской конвенции по правам человека [31]. Рождение было признано признаком для дискриминации в европейском деле *Marckx v. Belgium*, из-за того, что внебрачные дети попадали в ущемленное положение в соответствии с бельгийским наследственным правом [32].

Многие другие признаки для дискриминации эволюционируют по своей природе в ответ на развитие общества и расширение политической воли. Например, в Европе, потенциал дискриминации на основании сексуальной ориентации прогрессивно искореняется. Однако на сегодняшний день позиция, например, транссексуалов не настолько развилась, и государства все еще имеют широкую свободу политической воли в этом отношении.

6. Заключение

«Нормы прав человека не рассматривают людей как равных, потому что люди неравны. Они требуют, чтобы люди были признаны обладающими одинаковыми правами... Главной целью прав человека является предоставление всем равных возможностей для свободного и полного развития; таким образом, методы ликвидации дискриминации включают переправление фактического неравенства в применение прав человека» [33; 242]. Всеобщее принятие прав человека еще не стало реальностью, а тем более не стала реальностью реализация равенства в использовании своих прав всеми людьми. Естественно, прогресс не стоит на месте. Государства на сегодняшний день намного более серьезно относятся к своим юридическим обязательствам гарантировать универсальность прав, и чувствуется явный прогресс в помощи тем, кто подвергся дискриминации на основании расы или пола. Декларации ООН показывают готовность охвата и других форм дискриминации. Тем временем, дискриминация будет рассматриваться как отяжеленная форма нарушения прав или, в худшем случае, как фактор, способствующий нарушению таких прав.

Элизабет Одио Бенито, Специальный докладчик подкомиссии ООН по правам человека, сделала прекрасное заключение относительно ключевого аспекта норм равенства и запрета на дискриминацию, которые охватывают всю систему ООН: «Равенство, к сожалению, не является единообразием. Режим абсолютного уважения прав человека должен найти единство с многообразием, взаимозависимость со свободой. Равное достоинство всех требует уважения к отличиям личности каждого человека. Только в абсолютном уважении к праву мы можем найти аутентичное равенство и единственную возможность использования прав человека в полной мере, без расовой, половой или религиозной дискриминации» [23; п.17].

Камал МАКИЛИ-АЛИЕВ

Литература:

1. Права человека: сборник международных документов. – Варшава: Хельсинкский фонд по правам человека, 2001.
2. Консолидированная версия Договора о Европейском Союзе и Договора, учреждающего Европейское сообщество, исправленная и дополненная в соответствии с Единым европейским актом, Маастрихтским договором, Амстердамским договором и некоторыми другими актами. – Москва: Интердиалект+, 2001.
3. Хартия основных прав Европейского Союза, ЕС, Ницца, 2000 г. - <http://www.lawmix.ru/abro.php?id=4103>.
3. Венская декларация и Программа действий, ООН, 1993 г. - <http://www.un.org/russian/document/declarat/viendec.pdf>.
4. Case Concerning the Questions of Minority Schools in Albania 1935 PCIJ Series A/B, No. 64. - www.maclester.edu/courses/intl245/docs/1935.04.06_albania.pdf.
5. McKean, W. Equality and Discrimination under International Law. - Oxford: Clarendon Press, 1993.
6. Декларация «О ликвидации дискриминации в отношении женщин», ООН, 1967. - http://evolutio.info/index.php?option=com_content&task=view&id=66&Itemid=38.
7. Lovelace v Canada, UN Doc. CCPR/C/13/D/24/1977 (1981). - <http://www1.umn.edu/humanrts/undocs/session36/6-24.htm>.
8. Ato del Avellanal v Peru, UN Doc. CCPR/C/34/D/202/1986 (1988). - <http://humanrights.law.monash.edu.au/undocs/session44/202-1986.htm>.
9. Abdulaziz, Cabales and Balkandali v United Kingdom, Ser. A, No. 94 (1985). - <http://www.unhcr.org/refworld/category,LEGAL,,,MWI,3ae6b6fc18,0.html>.
10. Aumeeruddy-Cziffra v Mauritius, UN Doc. CCPR/C/12/D/35/1978 (1981). - <http://www.unhcr.org/refworld/category,LEGAL,,,MUS,3f520c562,0.html>.
11. Santa Cruz, H. Racial Discrimination. - New York: United Nations, 1971.
12. Lerner, N. Group Rights and Discrimination in International Law. - The Hague: Kluwer, 1999.
13. Черновой вариант Декларации прав и обязанностей государств, ООН, 1949. - http://untreaty.un.org/ilc/texts/instruments/english/draft%20articles/2_1_1949.pdf.
14. UN Doc. A/42/493 - <http://daccessdds.un.org/doc/UNDOC/GEN/N87/220/84/IMG/N8722084.pdf>.
15. Каирская декларация «О правах человека в исламе», Каир, 1990. - <http://www.uapravo.net/data2008/base65/ukr65918.htm>.
16. Арабская хартия прав человека, 1994. - <http://www1.umn.edu/humanrts/instree/arabhrcharter.html>.
17. Hoffman v Austria, Ser. A, No. 255-C (1993). - <http://www.religlaw.org/template.php?id=143>.
18. UN Doc. E/CN.4/1990/46, пар. 113. - <http://daccessdds.un.org/doc/UNDOC/GEN/G90/100/42/PDF/G9010042.pdf>.
19. Arcot Krishnaswami. UN Doc. E/CN.4/Sub.2/200/Rev.1. - <http://daccessdds.un.org/doc/UNDOC/GEN/N60/236/40/PDF/N6023640.pdf>.
20. Dickson, B. The United Nations and Freedom of Religion. - International and Comparative Law Quarterly, 1995, № 44.
21. Brownlie, I. Principles of International Law. – Oxford: Oxford University Press, 1979.
22. Benito O. UN Doc. E/CN.4/Sub.2/1987/26.
23. UN Doc. A/RES/1781 (XVII). - <http://daccessdds.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/195/37/IMG/NR019537.pdf>.
24. Декларация «О ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений», ООН, 1981. - <http://www.un.org/russian/document/declarat/relintol.htm>.
25. UN Doc. E/CN.4/1994/79. - <http://daccessdds.un.org/doc/UNDOC/GEN/G94/103/10/PDF/G9410310.pdf>.
26. UN Doc. A/RES/60/166. - <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001446/144619r.pdf>.
27. Belgian Linguistics Case, Ser. A, No. 34 (1968). - http://www.pili.org/dadel/Belgian_Linguistics_case.
28. Case 379/87, Groener v Minister for Education [1989] ECR 3967. - http://oxcheps.new.ox.ac.uk/casebook/Resources/GROENE_1%20DOC.pdf.
29. Gueye et al. v France, UN Doc. CCPR/C/35/D/196/1985 (1989). - <http://humanrights.law.monash.edu.au/undocs/session35/196-1985.html>.
30. The Former King of Greece v Greece ECHR, 2000, No. 25701/94 (2000). - http://www.maknews.com/html/articles/king_v_greece/king_v_greece.html.
31. Marckx v Belgium, Ser. A, No. 31 (1979). - http://www.prvnadatoteka.hr/pdf/aktualno/eng/20021104/ARCKX_v_BELGIUM.pdf.
32. Tomasevski K. Women rights. – in J. Symonides (ed.) Human Rights: Concept and Standards. - Paris: UNESCO, Ashgate and Dartmouth, 2000.

Summary

This article closely examines the notion of the discrimination in international human rights law. Author focuses on discrimination against women, racial discrimination, religious discrimination and the discrimination on the grounds of language and culture and examines corresponding legal framework. Author also covers the development of norms in this sphere in international human rights law and at the same time covers the conventions and other related treaties. Author concludes with the explanation of the notion of the inherent inequality of people, where non-discrimination is not the absolute equality – rather the equality of opportunities.

Еуджениа КОЖОКАРЬ,
доктор юридических наук,
профессор кафедры предпринимательского
права юридического факультета
Государственного Университета Молдовы

Мария РУССУ,
магистр права

НЕКОТОРЫЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФЕНОМЕНА ФИНАНСОВОЙ ПИРАМИДЫ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

Переходу стран постсоветского пространства к рыночной экономике сопутствует и ряд новых для нее негативных явлений. Середина 90-х годов стала для этих стран, включая Республику Молдова, периодом так называемого «расцвета финансовых пирамид». Этот этап является одним из отличительных признаков истории стран СНГ переходного периода. Следует отметить, что нынешние финансовые пирамиды не стали эксклюзивным изобретением их основателей, они — лишь очередная страница мировой истории развития подобных организаций. Эпоха финансовых пирамид оказала сильное воздействие на общество: число вкладчиков было поистине огромным. Организации-пирамиды привлекли внимание сначала СМИ, а затем и государственных структур: правительства, налоговой полиции и других. Последствия деятельности финансовых пирамид для социального и экономического развития страны оказались весьма существенными, некоторые из них сказываются на экономической ситуации в стране до сих пор.

Прежде всего, необходимо дать определение исследуемому явлению. Для этого следует рассмотреть несколько наиболее распространенных описаний и определений.

Чаще всего в своих исследованиях современные специалисты обращаются к статье нового англо-

русского толкового словаря по финансовым рынкам, которая гласит: «Финансовая пирамида представляет собой такую схему организации инвестиционного бизнеса, в которой доход по привлеченным денежным средствам выплачивается не за счет их вложения в прибыльные активы, а за счет привлечения все новых инвесторов и денежных средств. При этом потенциальных инвесторов побуждают вкладывать денежные средства обещанием и выплатой первым из них больших доходов за счет последующих клиентов. Таким образом, в пирамидальной схеме огромное количество людей «внизу» пирамиды платят деньги малочисленной верхушке, а каждый новый участник платит деньги за шанс продвижения вверх и получения дохода от взносов других людей, которые могут присоединиться позднее. Следует отметить, что принципиальным отличием финансовой пирамиды от реального бизнес-проекта является источник выплаты дохода. Если сумма выплат дохода стабильно превышает размер прибавочной стоимости, которую обеспечивает данный бизнес, то данный проект является пирамидой» [1].

Другое емкое определение дает интернет-энциклопедия Wikipedia: «Финансовая пирамида — мошенническая структура, организаторы которой перераспределяют и используют в своих личных

Еуджениа КОЖОКАРЬ, Мария РУССУ

интересах средства, полученные от ее участников под обещание высоких процентов прибыли. Применение данной схемы, как правило, сопровождается многочисленными обещаниями высоких процентов прибыли и активной персональной обработкой потенциальных инвесторов. В качестве привлечения может даже использоваться одновременная выплата промежуточных дивидендов, сумма которых составляет часть ожидаемой прибыли от махинаций» [2].

Финансовые инструменты, используемые при организации пирамид, могут быть различными: договоры займа, траста, селенга, страхования; контракты на продажу по низким ценам жилья и товаров народного потребления (автомобилей, бытовой техники и т.д.) на условиях предоплаты; ценные бумаги (акции и облигации) и заменители ценных бумаг.

Основная цель организаторов финансовой пирамиды — привлечение как можно большего числа вкладчиков и, следовательно, расширение экономической базы структуры. Для этого необходимо сделать пирамиду привлекательной в глазах населения. Один из методов повышения привлекательности — создание видимости, что уровень доходности вкладов в пирамиду выше, чем в среднем на рынке. В ход идут пропагандистские средства, в том числе и недобросовестная реклама, представляющая пирамиду не только высокодоходной, а и надежной инвестиционной организацией.

По мере вертикального роста пирамиды, объемы обязательств по выплатам вкладов увеличиваются в геометрической прогрессии и возможности их выполнения становятся все более ограниченными. В этой ситуации усиливается ожидание риска у вкладчиков, в результате чего вся структура становится восприимчивой к внешним раздражителям (провокациям, слухам) и теряет устойчивость. В критический момент неблагоприятные новости провоцируют панику среди вкладчиков, которая приводит к массовым выступлениям с требованием погасить накопившиеся долги по выплатам дивидендов. В итоге финансовая пирамида рушится, и большинство инвесторов не только не получают дивиденды, но и не успевают возместить сумму вкладов, неся, таким образом, внушительные финансовые потери.

Если финансовая пирамида создана на базе ценных бумаг (или их суррогатов), основным принципом деятельности такой организации становится самокотировка — система мероприятий, направленных на создание видимости ликвидности и заключающихся в котировке ценных бумаг силами самого эмитента или его партнерской структуры. Выплаты дивидендов в таких структурах осуществляются пирамидально: инвесторы получают проценты из средств, полученных от продажи ценных бумаг новым инвесторам. При этом за счет самокотировки стоимость ценных бумаг увеличивается по мере роста пирамиды вверх. Дальнейшее развитие по такому сценарию неизбежно приводит к массовому выбросу

на рынок ценных бумаг и, как следствие, к снижению их рыночного курса. В этом случае держатели финансовой пирамиды оказываются неспособными поддерживать ликвидность и рыночную стоимость ценных бумаг. Если при основании пирамиды ее организаторы принимали на себя обязательства по выкупу эмитируемых ценных бумаг по фиксированным ценам, то у них возникает острый дефицит денежных средств, и финансовая пирамида рушится [3].

В большинстве случаев финансовая пирамида создается в мошеннических целях: организаторы присваивают большую часть вложенных денежных средств и стараются уйти от ответственности, прикрываясь обстоятельствами, приведшими к разрушению структуры. Но имеет смысл подчеркнуть, что организация финансовой пирамиды не всегда преследует мошеннические цели. К примеру, «пирамидальный» принцип используют многоуровневые маркетинговые структуры, которые обеспечивают своим участникам высокие комиссионные за продвижение товаров и привлечение новых покупателей. Кроме того, не редкие случаи, когда формирование финансовой пирамиды является следствием неправильного формирования долгосрочного проекта: стараясь спасти проект, предприниматель может прибегнуть к дополнительному кредитованию, не рассчитав своих реальных возможностей по выполнению обязательств. Часто такие меры приводят к усугублению ситуации, так как значительная доля привлеченных средств идет на погашение задолженностей перед ранними инвесторами [4].

Важно помнить, что принципы финансовых пирамид могут использоваться не только в интересах частного бизнеса. В основе распределительного механизма схемы пенсионного обеспечения — тоже принципы пирамид, ведь пенсионеры получают средства за счет отчислений ныне работающего населения. Такая пирамида достаточно устойчива, по крайней мере, до тех пор, пока число пенсионеров намного меньше числа работников. В странах, где число работающих граждан резко сокращается, пенсионная система дает сбой. Россия знает примеры использования «пирамидальных» принципов в государственных целях: для покрытия дефицита федерального бюджета были выпущены государственные краткосрочные обязательства (ГКО). Государство постоянно повышало ставку заимствований, что в конечном итоге привело к невозможности осуществления выплат, обрушению пирамиды ГКО и дефолту 1998-го года (в тот год выпуски ГКО невозможно было разместить даже под 300 % годовых).

Несмотря на тот факт, что во многих странах, таких как Австрия, Германия, Канада, Китай, Болгария, Венгрия, Исландия, Иран и др., финансовые пирамиды являются незаконными, в нашей стране не существует четкого юридически обоснованного определения финансовых пирамид. Такая ситуация делает, во-первых, невозможным создание эффективного

НЕКОТОРЫЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФЕНОМЕНА ФИНАНСОВОЙ ПИРАМИДЫ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

правового механизма для борьбы с мошенническими финансовыми структурами, а во-вторых, позволяет любителям быстрого заработка чувствовать себя безнаказанными и находить все новые и новые методы выманивания денег из населения. Рассмотрим подробнее причины, затрудняющие юридический подход к явлению финансовых пирамид.

Исходя из ситуации, финансовые пирамиды можно разделить на две группы. Организации **первой группы** изначально возникают как финансовые пирамиды. Типичный пример — АО МММ в Российской Федерации. Организации **второй группы** становятся финансовыми пирамидами ввиду определенных причин на одном из этапов своего развития. Изначально они создавались как абсолютно нормальные компании, финансовые структуры и могли не стать финансовыми пирамидами. Пример, система ГКО в России.

При возникновении финансовых пирамид второй группы важную роль, помимо перечисленных, играет еще один фактор — истощение денежных ресурсов компании (или государства, как в случае с ГКО в России). Всеобщая компания Панамского межконтинентального канала была вынуждена производить эмиссию своих акций и выплачивать дивиденды акционерам с прибыли от выпущенных акций (то есть, производить выплаты дивидендов по принципу пирамидальных выплат), потому что у компании заканчивались деньги, а строительство канала, неверно спроектированное по денежным и временным затратам, не приносило ей прибыли. Фердинанд Лессепс, глава Панамской компании, построил на деньги акционеров Суэцкий канал, который принес ему славу. При этом дивиденды акционерам Суэцкой компании выплачивались вечно по пирамидальному принципу. Система ГКО в России также стала пирамидой из-за недостатка бюджетных ресурсов при неблагоприятных экономических обстоятельствах (падение цен на нефть, мировой финансовый кризис, начавшийся с азиатских стран). Вследствие данных обстоятельств, правительство не смогло погасить обязательства из имеющихся бюджетных денег и прибегло к выпуску новых обязательств. В результате этих действий выросла пирамида. Следует также отметить, что в каждом конкретном случае то или иное условие может сыграть главную роль в возникновении финансовой пирамиды. Кроме того, каждая ситуация обладает своими особенностями, чье влияние может существенно сказаться на образовании определенных финансовых институтов, в том числе финансовых пирамид. Например, россияне в 1994-1995 годах делали сбережения, чтобы уберечь деньги от обесценивания. Поэтому люди вкладывали деньги в инвестиционные институты с высокой доходностью, которыми объявлялись финансовые пирамиды.

Не обошли финансовые пирамиды стороной и нашу страну. В 90-е годы прошлого века в Республике Молдова, так же, как и в остальных странах постсоветского пространства, образовалось множество

финансовых пирамид, ярким примером одной из которых является АО «Интеркапитал».

В отличие от большинства российских «мыльных пузырей», АО «Интеркапитал» — акционерное общество не финансового, а производственно-коммерческого типа, не только с каким-то минимальным уставным капиталом, но и с реальным имуществом и даже с производством. Более того, ценные бумаги эмитировались ПКФ «Интеркапитал» с разрешения государственных органов в виде облигаций, имеющих, как говорилось в официально утвержденных бумагах, реальное обеспечение в виде различных производств (в частности, завода «Унда»). В принципе, «Интеркапитал» как явление стало возможным во многом с ведома и вследствие попустительства государственных органов.

Нарушения сопутствовали истории ПКФ «Интеркапитал» с самого зарождения. В основном, массовое ограбление сотен людей санкционировано с подачи Национальной комиссии по рынку ценных бумаг (ранее Госкомиссии). Недаром против должностных лиц комиссии в свое время было возбуждено уголовное дело. Следует также отметить, что такое колоссальное количество людей пострадало именно потому, что информация о нарушениях не была вовремя обнародована этой комиссией. А ведь грандиозной аферы можно было избежать, если бы госчиновники выполняли свои обязанности как положено. Так как задачей госорганов как контролирующих, так и разрешительных было предупредить эти нарушения и не допустить обмана граждан.

Почему случился «Интеркапитал»? Попустительство

Перечислим вкратце, как разворачивалась грандиозная афера под названием «Интеркапитал»:

1. 11.01.1995 г. АО «Интеркапитал» зарегистрировано под № 105037968 в Регистрационной палате с уставным капиталом в 100 леев. Данное общество при этом не прошло государственную регистрацию в Государственной комиссии по рынку ценных бумаг, что противоречит всяким законам, а также инструкции самой комиссии. Почему-то для «Интеркапитала» было сделано исключение из всех правил [5].

2. На заседании Государственной комиссии по рынку ценных бумаг было принято решение о государственной регистрации эмитента и о выдаче ему разрешения об эмиссии в 20 миллионов леев. Заседание проходило в неправомочном составе: из восьми членов комиссии на этом заседании присутствовало только четверо. Непонятно так же, как могло быть выдано разрешение на эмиссию в 20 миллионов при уставном капитале в 100 леев.

3. При регистрации и дважды — при получении разрешения на эмиссию ценных бумаг (от 02.02.1995 г. и 21.03.1996 г.) эмитент АО «Интеркапитал» не представил в комиссию предусмотренную законами «Выписку из государственного коммерческого регистра». Не были представлены ни образцы акций,

Еуджения КОЖОКАРЬ, Мария РУССУ

ни облигаций. Также не была проведена экспертиза. Между тем, по закону, допуск ценных бумаг к обращению на рынке ценных бумаг производится только после осуществления «экспертизы бланков ценных бумаг на соответствие установленным требованиям».

4. В устав АО «Интеркапитал», несмотря на все перипетии, эмиссии и повторные эмиссии ценных бумаг (то есть, с начала и до конца его мошеннической деятельности), не вносилось **никаких изменений!** И величина уставного капитала оставалась неизменной, то есть, 100 леев. Между тем в Законе об акционерных обществах четко определено, что «всякое изменение уставного капитала должно быть внесено в Устав общества и перерегистрировано органом, зарегистрировавшим акционерное общество» [6].

5. Дальше — больше. Эмитент АО «Интеркапитал» не опубликовал отчет о своей деятельности за 1995 год, тем не менее, Комиссия по рынку ценных бумаг выдала разрешение уже на вторую эмиссию АО (при тех же 100 леев уставного капитала!) на 1,95 млн. леев и без анализа отчета АО об итогах первой эмиссии и его соответствия проспекту эмиссии. Все это является грубым нарушением закона. Вдобавок, Комиссия по рынку ценных бумаг в нарушение Закона о деньгах и Указа президента Республики Молдова № 24 разрешила АО «Интеркапитал» реализацию ценных бумаг за иностранную валюту.

6. И, разумеется, нельзя не отметить, что, согласно закону о налоге на операции с ценными бумагами, эмитент был обязан заплатить налоги с сумм двух эмиссий (100 000 леев от операций с акциями на 20 млн. и около 10 000 — на 1,95 млн.). В госбюджет не было уплачено ничего.

7. Летом 1996 года Национальная комиссия по рынку ценных бумаг провела проверку деятельности АО «Интеркапитал» (16.07.1996 года) и выявила многочисленные нарушения. По итогам этой проверки был составлен соответствующий Акт. Но вкладчики «Интеркапитала» смогли узнать об этом только в следующем году! Постановление ГКРЦБ (№ 45-1), в котором отражены нарушения, было принято лишь 8.10.1996 года (три месяца спустя после описанной проверки). И этим же постановлением деятельность АО «Интеркапитал» по реализации им своих ценных бумаг-облигаций была приостановлена. Прошло еще 6 месяцев, прежде чем в марте 1997 года это постановление было обнародовано. То есть, все это время — 9 месяцев — люди, не знающие о том, что «Интеркапитал» уже закрыт, продолжали приобретать облигации компании. Все они не получили обратно своих денег. За это время председатель «Интеркапитала» В. К. успел реализовать облигаций более чем на 7 000 000 леев и 250 000 долларов.

Сразу после опубликования в мае 1997 года Постановления перед офисом «Интеркапитала» образовались громадные очереди вкладчиков. Люди надеялись получить назад свои вклады, хотя бы без обещанных процентов. Но деньги им так никто и не

вернул. На сегодняшний день скончалось более 500 обманутых вкладчиков «Интеркапитала». Это даже в масштабах всей страны довольно внушительная цифра, не правда ли? Кроме того, среди вкладчиков числятся 800 человек старше 70 лет и более 500 участников второй мировой войны.

«По причине отсутствия согласованности в нашей республике между ветвями власти (следователи говорят одно, прокуроры — другое, а судьи — третье), мы уже девять лет кружимся между президентским, правительственным и парламентским порогами в поисках справедливости», — обращались к государственным мужам обманутые вкладчики «Интеркапитала». За минувшие годы в целях защиты пострадавших и для раскрытия преступления было проведено 4 встречи-совещания у президента, 7 встреч-совещаний у спикера парламента, 2 заседания Высшего законодательного органа страны. Парламент Республики Молдова даже принял специальное постановление с предписаниями: Генеральной прокуратуре ускорить расследование уголовного дела и рассмотреть положение, сложившееся в связи с нанесением громадного ущерба гражданам страны; правительству — в соответствии с действующим законодательством наложить взыскания на должностных лиц, содействующих возникновению подобной ситуации.

По этому поводу были образованы две правительственные комиссии. В 2003 году создана Специальная парламентская комиссия, которая работала над разрешением проблемы «Интеркапитала», но... «воз и ныне там». В отношении В.К. возбудили уголовное дело, которое расследовалось и рассматривалось в суде почти 7 лет. И тут тоже государственные органы делали все, чтобы он избежал серьезной ответственности. Прежде всего, очень долго не принималось решение о возбуждении уголовного дела против основателя молдавской пирамиды. 16 июня 1997 года, под нажимом вкладчиков «Интеркапитала», наконец, было вынесено решение об аресте. Но обвиняемому удалось скрыться.

Однако в конце 1999-го года В.К., все-таки был пойман в Болграде (Украина), где жил по подложным документам. И вновь суд (бывший трибунал Кишинэу в составе судей: Шпак, Потлог и Босый) заменил ему меру пресечения на подписку о невыезде. Таким образом, на свободу отпустили человека, которому инкриминируемые деяния предусматривали наказание до 25 лет лишения свободы! Благодаря «сердобольности» означенных судей, поверивших В.К., что он не собирается покидать свою Родину, он скрылся за границей и еще довольно долгое время благополучно скрывался от правосудия. Обвинительный приговор (суд признал его виновным в совершении преступлений, предусмотренных статьями 123, ч.1 и 209, ч.2 Уголовного Кодекса Республики Молдова) был вынесен г-ну В.К. заочно лишь 22 ноября 2002 года [7]. И вот, наконец-то, преступник опять пойман. Вкладчики «Интеркапитала» от имени всех пострадавших сер-

НЕКОТОРЫЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФЕНОМЕНА ФИНАНСОВОЙ ПИРАМИДЫ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

дечно благодарят румынских полицейских, проявивших высокий профессионализм в поимке В. К., так долго избегавшего справедливого возмездия. Для награды героев в город Яссы специально выехал заместитель министра внутренних дел. Семеро румынских стражей порядка награждены молдавским «Крестом за заслуги». Будем надеяться, в третий раз мошенник не скроется.

Однако вкладчики «Интеркапитала» не обольщаются. Еще в то время, когда был вынесен приговор, и до сих пор неясно, как будут погашаться долги, и будут ли погашаться вообще? С самого начала, когда встал вопрос об этом, оказалось, что погашать некому и нечем. Так как («усилиями» следствия и хитростью осужденного) имущества ни у «Интеркапитала», ни лично у гр-на В.К. не имеется никакого! Так, в период следствия был распродан на корню весь завод «Унда». И это, несмотря на то, что на имущество завода был наложен арест. Квартира В.К. оказалась проданной, причем, задним числом (квартира перешла к его родственникам, в сделке по отторжению квартиры участвовал и некий сотрудник Генеральной прокуратуры, как говорят обманутые вкладчики, родственник В.К., который и сегодня спокойно работает там же). Внушительный автопарк пирамидостроителя исчез. В результате, вкладчикам ничего не осталось. Что касается виновных в этом, то до сих пор никто из них так и не понес наказания.

«Рядом с В.К. на скамье подсудимых должны были — председатели НКРЦБ (Национальной Комиссии рынка ценных бумаг), — начальник отдела лицензирования и регулирования рынка ценных бумаг, доложивший комиссии, что документы «Интеркапитала» в полном порядке, — следователь по уголовному делу против В.К., через пособничество которого он смог распродать имущество завода «Унда» стоимостью более 20 000 000 леев и скрыться. Не понесли наказания ни соучредители АО «Интеркапитал», ни члены правления, ни временно исполняющий обязанности президента «Интеркапитала» Э.Б., ни председатель Союза писателей М. Ч [8].

К слову, в отношении Союза писателей (СП) и его председателя есть весьма много интересных «моментов». Так, вначале задумывалось открыть при СП Республики Молдова «Народный банк», чтобы с его помощью «помогать интеллигенции». Однако этот проект не был «благословлен» Национальным банком Республики Молдова. Потом в голову М.Ч. и сотоварищи пришла светлая мысль об образовании «Интеркапитала». Из материалов уголовного дела видно, что сотни тысяч леев из АО «Интеркапитал» ушли в Союз писателей Молдовы. Г-н М.Ч. с осужденным В.К. были родственниками и учредителями данного АО с равными долями (в качестве уставного капитала каждый внес по 50 процентов). Так вот, пока тысячи вкладчиков толпились у касс «Интеркапитала», напрасно пытаясь вернуть свои деньги, оные благополучно утекали на ремонт здания Союза писателей,

оформление литературного салона дорогостоящей мебелью и оборудованием (по актам на это было затрачено 45.379 леев 50 банов). Плюс Н.Ч., жена писателя, числясь директором данного салона, в течение года (с мая 1996 года) ежемесячно получала из кассы «Интеркапитала» по 30-40 тысяч леев «под отчет», хотя отчетные документы так и не обнаружены следствием. Для обустройства здания Союза писателей переданы также «струны, фанера, металлические двери, замки, компьютер, принтер, факс-модем, литература, химическая посуда, вилки и электродвигатель «Шкода» (стоимостью 29.140 леев). Но и это еще не все. Писателям построена сауна и два бара.

В акте, составленном Главным территориальным управлением финансового контроля и ревизии мун. Кишинэу (лист дела 181), в перечне переданных Союзу писателей предметов указаны также: «... спиртометр, холодильник «Норд», пылесос, микроволновая печь, тарелки большие и маленькие, стаканы восьмигранные и граненые, сервиз кофейный». Суммы, вложенные в так называемое обустройство СП, переваливают за 300 тысяч леев. А Бесспорно, интеллигенцию Молдовы надо поддерживать (а также мыть, кормить, поить, заодно измеряя, где необходимо, содержание спирта). Но нигде в законодательстве не сказано, что делать это надо за счет вкладчиков «Интеркапитала». Ведь в уставе сего общества подобная деятельность не зафиксирована. Значит, она незаконна. Почему же потраченные деньги не возвращены? Трудно определить, какая именно русская поговорка лучше подходит к данному случаю. Свой свояк видит издалека? Рука руку моет? Как говорится, возможны варианты. Но ясно одно: все государственные органы сделали все что могли... для того, чтобы «отмазать» всех, кто так хорошо помог «В.К. энд компани» нажиться на обмане простых людей.

Как, например, можно объяснить то, что уголовное дело (№ 97010856), возбужденное по факту массового обмана населения, поначалу 10 месяцев расследовалось комплексно, но как только стало ясно, что здесь попахивает организованной преступностью и коррупцией, оно было разделено на несколько не связанных между собой дел? Так, выделено в отдельное производство дело в отношении Государственной комиссии по рынку ценных бумаг (ныне НКРЦБ). Из Генерального комиссариата полиции оно было направлено в прокуратуру Кишинэу (чтобы подальше друг от друга). При этом показания потерпевших, которые были все опрошены к этому времени (март 1998 года), к делу по комиссии не приобщили... И понятно почему: чтобы не было возможности предъявить обвинения вышеназванным ответственным лицам, которые в итоге отделались лишь «легким испугом». Кстати, в постановлении о выделении этого дела четко определено: «поставить в известность потерпевших!», однако потерпевших об этом не уведомили.

Компетентность и принципиальность проявил лишь суд сектора Буюкань, вынеся по делу В.К.

Еуджениа КОЖОКАРЬ, Мария РУССУ

частное определение в адрес следствия, зафиксировав в нем такие нарушения, как:

— искажение данных расследования;

— передача следователем А. арестованного имущества на хранение обвиняемому, который, находясь якобы в следственном изоляторе, тем не менее, успел оставить от завода «Унда» лишь голые стены; им же были отданы «на ответственное хранение» самому В.К. компьютер, принтер, антиквариат, оцененный более чем в 1 000 000 леев. А о двух его личных автомобилях следователь вообще «забыл», и машины быстро испарились в пространстве (как и квартира, о которой мы писали выше);

Указанным выше определением Буюканский суд г.Кишинэу зафиксировал нарушения и со стороны НКРЦБ. Что касается следователя А., то он был первым в деле «отмазывания» виновных. Как считают обманутые вкладчики, началось с того, что этот следователь не квалифицировал деяния В.К. и ответственных лиц НКРЦБ, ограбивших сотни вкладчиков, по признакам «организованная преступность и коррупция», исключив из обвинительного заключения по соборническую роль НКРЦБ. Какое же наказание понес данный следователь? Суд сектора Рышкань, г. Кишинэу вынес ему наказание в виде штрафа в 400 минимальных зарплат за... халатность. Вот как мягко. Второе уголовное дело против г-на А. было возбуждено уже за превышение служебных полномочий. Конца этому вялотекущему расследованию до сих пор не видно.

Вкладчики «Интеркапитала», естественно, заинтересованы в том, чтобы виновный следователь был привлечен к строгой ответственности. И не за халатность или превышение служебных полномочий, а за пособничество преступнику и соучастие в преступлении. Ведь именно он помог В.К. увести из-под носа следствия и обманутых людей арестованные имущество и ценности, нанеся громадный ущерб государству и людям. 15 апреля прошлого года председатель Общества обманутых вкладчиков в АО «Интеркапитал» Нестор Самофалов получил из Генпрокуратуры обнадеживающий ответ, что «в настоящее время ведется расследование, и принимаются все меры по привлечению всех виновных к ответственности и возмещению ущерба потерпевшим». А 14 января 2005 года Генеральный прокурор республики В. Б. извещает его, что по делу об обвинении следователя А. «потерпевшим не признан никто».

И как же хорошо все «рассосалось»: ущерб людям был нанесен «в результате преступных действий уже осужденного В.К.», и следователи здесь совершенно ни при чем, считают прокуроры. Вот как! Через 9 лет расследования Генеральная прокуратура доподлинно выяснила, что, оказывается, в данном деле нет никаких пострадавших. И виновных тоже нет. В производстве Генерального инспектората полиции Кишинэу и сегодня расследуется целая серия разных уголовных дел по одному и тому же поводу. А разделили их, считают обманутые вкладчики, исключи-

тельно для того, чтобы труднее было добиться ясности, привлечь к ответственности виновных. А следовало бы не разделять, а объединить все дела, чтобы посадить за решетку не только В.К., а всех пособников грандиозной аферы «Интеркапитал» и, наконец, расплатиться с людьми. Однако, как видно, у государственных органов другие задачи, диаметрально противоположные.

Мы не удивимся, если через некоторое время обобраным вкладчикам «Интеркапитала» (из тех, кто еще останется в живых, поскольку одни уходят из жизни от старости, а, например, руководителя инициативной группы вкладчиков из города Бэлць, расстреляли у собственного подъезда) сообщат, что срок давности по делу истек, и их претензии необоснованны. А что? Ведь скоро 10 лет как все это тянется. Может и «бедного» В.К. снова отпустить на свободу? [9].

Тем более, что в свое время ряд депутатов (тоже вкладчики «Интеркапитала», например, бывший председатель постоянной парламентской комиссии по безопасности и правопорядку Г. Б.) все-таки успели получить там свои денежки, и даже с процентами. Зачем же теперь беспокоить «высоких людей» и обвинять в чем-то не очень высоких? Те, кто нужно, сатисфакцию получили. Сколько же можно одно и то же расследовать, не правда ли? А то что пенсионеры, инвалиды и участники войны не получили назад свои вклады, так ведь, как говорится, лес рубят — щепки летят.

Интересно, что обманутые вкладчики пытались обращаться за помощью даже в Страсбург, в Европейский суд по правам человека. Однако там жалобы принимаются к рассмотрению лишь после того, как все средства защиты исчерпаны на национальном уровне. Словом: Бог — высоко, Страсбургский суд — далеко. Однако ограбленные люди, все больше преклонного возраста, не сдаются и периодически продолжают митинговать, пытаясь привлечь внимание властей предержащих. Маленький результат есть. Два месяца назад Парламент принял решение выставить на продажу часть недвижимости от пустого завода «Унда» в поселке Ватра (пригород Кишинэу). Средств, вырученных от продажи, вряд ли хватит на всех... Может быть, В.К. поможет отыскать еще кое-что? [10].

Обобщая материалы, представленные в данной статье, отметим, что финансовая пирамида — специфическое явление рыночной экономики. История существования финансовых пирамид может быть прослежена, начиная с XVII-XVIII вв. Период массового пирамидостроения 1994—1995 гг. на постсоветском пространстве, включая Молдову, — не уникальные случаи в экономической практике, описанные финансовые пирамиды лишь продолжили историю этого явления. Возникновение пирамид на постсоветском пространстве не было неожиданным с точки зрения ситуации, сформировавшейся к тому времени. Как показывает анализ мирового опыта, для возникновения и развития финансовых пирамид сложились условия, являющиеся стандартными предпосылками к зарождению финансовых структур этого типа

НЕКОТОРЫЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФЕНОМЕНА ФИНАНСОВОЙ ПИРАМИДЫ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

(становление рынка ценных бумаг, инвестиционная активность населения, недостатки законодательного регулирования и т.д.).

Подводя итоги этой статьи, вкратце сформулируем основные признаки финансовых пирамид:

- 1) обещание гарантированной и завышенной доходности;
- 2) отсутствие специальных лицензий и привлечение средств физических лиц в форме договора займа;
- 3) спекуляция непонятными для обычных граждан терминами (порой вымышленными и не закрепленными законодательно: предположим, вместо «паевой инвестиционный фонд» используют «долевой инвестиционный фонд»), а также спекуляция чужим авторитетом (упоминание в качестве партнеров известных на рынке компаний);
- 4) приглашение к сотрудничеству в качестве агента с условием выплат в зависимости от объемов привлеченного инвестирования;
- 5) подведение духовно-ценностной базы под материальные интересы: создание видимости сообщества единомышленников, закрытой элитной группы (проведение частых корпоративных мероприятий, предоставление участникам дисконтных карт, права бесплатного получения каких-либо услуг, выездов за границу и пр.).

При общей схожести, эпоха финансовых пирамид 90-х годов обладала рядом особенностей. Одним из основных было отрицательное отношение к государству и правительству вследствие событий предыдущих лет и довольно высокий уровень инфляции, что способствовало возникновению и успешному функционированию финансовых пирамид. Особенностью экономики стран бывшего Советского Союза также являлось то, что строителем (или защитником) пирамид вольно или невольно выступило государство. Последствия пирамидостроения оказались весьма серьезными. Их влияние продолжает сказываться на экономической ситуации стран до сих пор. Примечательно, что по оценкам специалистов, население стран бывшего советского пространства продемонстрировало способность к быстрой адаптации [11]. Оно «пережило» (или точнее «переживает», так как процесс происходит в настоящем времени) отрицательные последствия финансовых пирамид быстрее, чем это бывало в истории. Появление финансовой пирамиды может быть предсказано с довольно большой степенью вероятности, через анализ условий, способствующих их возникновению. Конечно, пережитый опыт финансовых пирамид создает преграды для их появления, и из-за принятия соответствующего законодательства, возникновения «иммунитета» у инвесторов и населения. Но финансовые рынки в современном мире быстро развиваются, возникают новые финансовые инструменты, технические возможности, которые позволяют использовать технологию строительства финансовых пирамид вновь. Таким образом, сохраняется возможность возникновения финансовых

пирамид в будущем в странах, которые до этого в своем историческом развитии сталкивались с опытом финансовых пирамид. Подтверждением этому являются многочисленные попытки строительства пирамидальных структур с помощью сети Интернет (причем, строят абсолютно все, кто имеет хоть какие-то представления о пирамидах), при этом подобные попытки, за счет мирового характера компьютерной сети, уже выходят за национальные границы и создают дополнительные сложности их предотвращения. В рамках данной работы мы не стали подробно останавливаться на этой глобальной проблеме, затрагивающей весь мир, так как это отдельная масштабная тема, заслуживающая детального рассмотрения.

В качестве основных выводов отметим:

1. Главной предпосылкой к возникновению финансовых пирамид является несовершенство существующей законодательной базы, а также отсутствие в мировой юридической практике эффективных способов выявления мошеннических финансовых структур на ранних этапах их развития, когда массового обмана вкладчиков еще можно было бы избежать.

2. Кроме того, ни в мире, ни, в частности, в нашей стране, не отработаны механизмы контроля деятельности подобных структур. К примеру, в соответствии с нормами действующего в большинстве стран законодательства, все организации, привлекающие деньги населения, должны иметь лицензию, а также контролироваться Национальным банком и государственной комиссией по ценным бумагам и фондовому рынку. При этом даже можно конкретно указать, какими НПА. Однако на практике подобные структуры лицензий не имеют и, следовательно, либо вообще не контролируются, либо контролируются не настолько жестко.

3. В нашей стране нет базы защищенности прав физических лиц, вложивших свои деньги в подобные финансовые структуры. Нормы действующего законодательства разрешают ведение подобной хозяйственной деятельности. Выводы неутешительны: сильнее всего страдают от действия мошенников именно социально незащищенные слои, и достаточно эффективных средств государственной защиты их интересов нет.

4. Несмотря на вероятное мошенничество пирамидальных структур, деятельность финансовых пирамид не противоречит существующему законодательству. Даже на этапе отказа от выплат завести уголовное дело нельзя, поскольку основания для этого отсутствуют. Так, действующее законодательство позволяет регистрировать хозяйственные общества. Деятельность по привлечению денежных средств займодателей также не противоречит действующему гражданскому и, тем более, уголовному кодексу. Прописывать в договоре займа высокие проценты за пользование средствами также разрешено законом.

5. И даже когда пирамида рухнет (перестает выплачивать обещанное), по закону она отвечает перед кредиторами только своим имуществом (как правило, мошенники правильно выбирают форму собственности

Еуджения КОЖОКАРЬ, Мария РУССУ

при регистрации компании). Если руководитель не скрывается и говорит о «финансовом кризисе», который может случиться с любым предприятием, то при отсутствии явных доказательств мошеннической деятельности его невозможно привлечь к ответственности.

6. Некоторые страны мира, такие как Япония, разрешают на законодательном уровне ведение деятельности по созданию и функционированию финансовых пирамид, японцы сознательно вкладывают свои средства и заведомо осознают, какой риск они несут по принципу «кто успел, тот и съел». В России существует закон, запрещающий финансовые пирамиды, и Федеральный общественно-государственный фонд по защите прав вкладчиков и акционеров, также деятельность финансовых пирамид запрещена в США.

7. В законодательстве же большинства стран понятие «финансовая пирамида» отсутствует, а следовательно, и ответственность за такую деятельность не предусмотрена. С момента прекращения платежей деятельность руководителей такой компании изучается только на предмет признаков мошенничества, но это ни одно и то же. Мошенничество — это завладение чужим имуществом или приобретение права на имущество путем обмана или злоупотребления доверием. В привлечении средств — граждан никакого мошенни-

чества нет. Граждане добровольно отдают во владение организаторов финансовой пирамиды свои средства.

Таким образом, с целью решения проблемы отсутствия ответственности за организацию и деятельность финансовой пирамиды предлагается Уголовный кодекс Республики Молдова дополнить статьёй «Создание финансовых пирамид» и поместить её в раздел экономических преступлений, следующего содержания:

«Под финансовой пирамидой понимается любой субъект хозяйствования либо финансовая структура, действующая по принципу пирамидальных выплат, то есть, выплачивающая прибыль вкладчикам (инвесторам) за счет новых поступлений от вкладчиков (инвесторов), а не за счет вложений средств в реальный сектор, а также действующая без лицензии». Кроме того, необходимо предусмотреть и четко зафиксировать в законодательстве штрафы и другие меры пресечения (вплоть до лишения свободы) за все виды деятельности в сфере построения финансовых пирамид.

Внесение данных предложений в действующее законодательство позволит предупреждать создание и деятельность подобных структур и уберечь граждан от подобных противоправных посягательств со стороны более финансово-грамотных субъектов.

Литература:

1. Апанасенко, Т.Е., Сторчева, М.А. Финансовые рынки. Новый англо-русский толковый словарь. – Санкт-Петербург: Экономическая школа, 2004, с. 275.
2. Финансовая пирамида. - ru.wikipedia.org/wiki/Финансовая_пирамида.
3. Бекряшев, А.К., Белозеров, И.П. Теневая экономика и экономическая преступность. - Электронный учебник.
4. Финансовая пирамида. - ru.wikipedia.org/wiki/Финансовая_пирамида.
5. Материалы судебной практики. - Moldlex.
6. Об акционерных обществах. Закон Республики

Молдова № 1134 от 2 апреля 1997 г. - Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 1997, 12 июня, № 38-39, ст. 332.

7. Уголовный Кодекс. Закон Республики Молдова № 985-XV от 18 апреля 2002 г. - Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2009, 14 апреля, № 72-74, ст. 195.

8. Материалы судебной практики Республики Молдова. - Moldlex.

9. Исследовательская группа ЦИРКОН: Финансовая активность населения России с 1995 по 2001 гг. с. 38.

10. Там же, с.41

11. Там же, с.49

Summary

This article's authors invite us to get acquainted with some legal aspects of the negative effects related to the phenomenon of financial pyramids, which has penetrated into the Republic of Moldova in connection with the country's transition to a market economy. The authors in the process of legislation research, law and economic literature research, as well as jurisprudence research, have come to the conclusion that in our country there is no base of individuals' rights protection, which placed their money in similar financial structure. Standards of current legislation permit the conduct of such business activities. The conclusions are depressing: socially unprotected stratum are the hardest affected by the cheaters' activity, and there are no sufficient effective means of their interests protection.

Вепхвия ГВАРАМИЯ,

доктор права, ассоциированный профессор,
декан юридического факультета
Сухумского Государственного Университета
(Тбилиси, Грузия)

**УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ В РАМКАХ ИНТЕРПОЛА И
ЕВРОПОЛА. ЭФФЕКТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПОЛИЦЕЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА**

Протекающие в мире процессы, а именно либерализация границ, сопровождаемая транснациональной преступностью, делает необходимым исследование проблематики Интерпола и Европола.

В то время как Грузия стремится объявить борьбу организованной преступности в международном масштабе, занять место в Европейском союзе и НАТО, целесообразно создать полноценную информационную, научную и правовую базу для сотрудничества с Интерполом и Европолом.

Именно поэтому актуальным является исследование имеющихся в настоящее время в международном праве исторических данных, нормативной базы, законодательств влиятельных государств и моделей их взаимного сотрудничества.

Актуальность настоящей работы обусловлена также вопросами, связанными с установлением правового статуса Интерпола и Европола, представленными различными воззрениями, имевшими место в разные периоды существования этих организаций.

Актуальность темы обуславливается и тем, что затронутые в ней вопросы в силу разных причин до настоящего времени в Грузии комплексно не исследовались, тогда как в развитых странах значительное внимание уделяется изучению данных вопросов и внедрению их в практику.

Значение работы возрастает в силу того факта, что работники правоохранительных органов и большая часть населения владеют скудной и неточной информацией об Интерполе и Европоле, что может затруднить правовое сотрудничество между государствами.

Для улучшения межгосударственного сотрудничества в борьбе против отдельных преступлений в рамках Интерпола и Европола, в процессе усовершенствования международной и внутригосударственной нормативной базы актуальной является выработка рекомендаций и предложений в связи с указанными вопросами.

Междисциплинарный характер работы обусловил применение методов исторического и сравнительно-правового анализа, что дало возможность

комплексно разработать тему, достаточно не исследованную до сего дня в Грузии.

Идея межгосударственного полицейского сотрудничества в рамках международной организации берет начало со второй половины XIX века. По словам Мэтью Дефлема, на протяжении 19-го столетия попытки продвижения международного полицейского сотрудничества в широком масштабе в основном организовывались на уровне международного права, а не на административном уровне полицейских учреждений. Расширение международного права устанавливалось формально достигнутыми межправительственными договоренностями национальных государств, однако подобное согласие между правительствами не могло стать основанием для практического межполицейского сотрудничества [1]. Локальное полицейское сотрудничество было направлено на подавление широко распространенной революционно-политической деятельности.

С целью иллюстрации полицейского сотрудничества в рамках международной организации правомерно условное деление истории его развития на четыре периода:

1. С 80-х годов XIX века до 50-х годов XX века;
2. С 50-х годов XX века до 80-х годов XX века;
3. С 80-х до 90-х годов XX века;
4. С 90-х годов XX века по настоящее время.

Особенностью первого периода является многосторонняя координация международного сотрудничества в сфере уголовного права. Обстоятельства, существовавшие во второй половине XIX века, обусловили необходимость в международном сотрудничестве, проходившем по нескольким направлениям в рамках:

- а) договоров;
- б) комиссий;
- в) конгрессов;
- г) конференций и
- д) общественных объединений.

В 1872г. на Первом международном пенитенциарном конгрессе была создана комиссия по

Вепхвия ГВАРАМИЯ

международному пенитенциарному и уголовному праву, которая с воей деятельности уделяла значительное место «координации деятельности органов полиции в борьбе с преступностью, правовой взаимопомощи, идентификации преступников» [2] и другим вопросам. В 1888 г. по инициативе немецкого криминалиста Франца Листа сформировался Международный союз криминалистов, принимавший активное участие во внедрении методов исследования организованной преступности и борьбы с ней в международном масштабе [3].

По мнению Л. Галенской, В. Самарина, К. Родионова и Я. Бельсона, созыв I Международного конгресса уголовной полиции в Монако в 1914 г. стал предпосылкой к созданию Интерпола [4].

В 1923 г. на II Международном конгрессе уголовной полиции была создана Международная комиссия по уголовной полиции, которой было выделено место в здании МВД Австрии. К. Родионов, Я. Бельсон и В. Самарин считают указанный период началом истории Интерпола [5], поскольку был принят «устав организации», что неверно, потому что была сформирована постоянно действующая комиссия, являвшаяся органом Международного конгресса уголовной полиции, а не международной организацией. По мнению Мэтью Дефлема, комиссия «была сформирована на встрече, самостоятельно созданной полицейскими чиновниками, а не как результат дипломатической инициативы» [6]. Международная комиссия по уголовной полиции с 1925 года начала учет опасных преступников [7].

Л. Галенская считает 30-е годы XX века началом самостоятельной деятельности Интерпола, что не вполне верно, поскольку он существовал в виде комиссии. Правомерным будет считать правопреемником форумов, проводившихся по вопросам международного правового сотрудничества в 80-е годы XIX века, Международную комиссию по уголовной полиции, а последнюю – основой создания Интерпола. Неверно связывать возникновение Интерпола лишь с одной конкретной датой.

К. Родионов отмечает, что после второй мировой войны «руководители целого ряда стран Европы, а также США приняли решение восстановить организацию международной полиции» [8], что неверно, поскольку Международная комиссия по уголовной полиции не имела статуса международной организации.

Со второго периода, а именно на конференции, созванной в 1946 г. в Брюсселе, был поставлен вопрос восстановления Международной комиссии по уголовной полиции. Было принято временное положение, создан исполнительный орган в составе пяти членов, изменилось название комиссии, которая получила название Международной организации уголовной полиции. В качестве местопребывания был определен Париж [9].

К. Родионов отмечает, что «комиссия вместо старого устава 1923 года для принципов, задач и целей своей деятельности приняла временное положение».

Там же указано, что «в каждодневной деятельности комиссия опиралась на два документа – устав 1923 года и временное положение 1946 года» [10]. Соображения К. Родионова противоречивы, поскольку в первом случае автор подчеркивает принятие временного положения вместо устава комиссии, а во втором – признает сосуществование обоих документов.

Л. Галенская отмечает, что «одобренный конференцией устав вступил в силу 4 июня 1946 года», что неверно, поскольку на тот период продолжал действовать устав 1923 года. Временное положение от 1946 года дополняло частично устаревший устав. Исходя из вышесказанного, правомерно подчеркнуть одновременное существование устава и положения. После фиксации в положении Международной организации уголовной полиции она была юридически оформлена как неправительственная международная организация, хотя таковой она считалась фактически еще до второй мировой войны.

На проходившей в Париже сессии Генеральной ассамблеи в 1947 г. всем государствам-участникам было рекомендовано принять термин «Интерпол» в качестве телеграфного адреса [11].

В 1956 г. была принята Конституция Интерпола, в которой существенное место отводилось вопросу о вступлении в организацию, в предыдущем уставе весьма неясному и создававшему некоторые сложности при определении международного правового статуса. Согласно статье 4, «любая из сторон может уполномочить любой полицейский орган, функции которого совпадают со сферой деятельности организации, выступить в качестве члена организации».

Во втором периоде Интерпол юридически оформился как специализированная межправительственная международная организация. В течение длительного времени он был зарегистрирован в ООН как неправительственная международная организация. Однако имелись правовые предпосылки для признания его специализированной межправительственной международной организацией.

В 50-70-е годы XX века «органы полиции» воспринимались как юридические лица. Ж. Непот отмечает, что «для полицейского органа любого государства, независимо от его конкретных обязанностей и юрисдикции, должны быть доступны каналы международного сотрудничества, если в его обязанности входит применение норм уголовного права» [12]. То, что в Интерполе один из правоохранительных органов был представлен в силу его профессиональной природы, создавало определенное недоразумение, что было одним из обстоятельств, на основании которых Интерпол был зарегистрирован в ООН как неправительственная международная организация. Не было учтено, что государство присваивало полномочия представителя в Интерполе какому-либо органу с полицейскими функциями.

В третьем периоде нормы, предусмотренные в Конституции Интерпола, с учетом вышечеречислен-

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ В РАМКАХ ИНТЕРПОЛА И ЕВРОПОЛА. ЭФФЕКТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПОЛИЦЕЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

ных юридических нюансов, в 1982г. стали основанием для его признания специализированной межправительственной международной организацией де-юре.

В четвертом периоде, а именно с 1990г. начинается реализация мнения, высказанного К. Родионовым в 80-х годах, об эффективности вступления Советского Союза в Интерпол [13]. 7 апреля 1990г. Советский Союз вступил в Интерпол [14]. Грузия стала его членом в 1993г.

В сфере полицейского сотрудничества с 90-х годов XX века важную роль играет и Европол, в своей деятельности ограничивающийся странами-членами Европейского Союза. По мнению А. Моткова, «идея создания Европола впервые была озвучена на Люксембургском саммите в июне 1991г.» [15]. Как замечает Я. Бельсон, «одним из инициаторов учреждения Европола выступает В. Брандт, в бытность свою канцлером Федеративной Республики Германия предлагавший создать для борьбы с терроризмом «специальные полицейские силы Европы». Эта идея была поддержана на международном симпозиуме криминалистов в Висбадене в 1974г.» [16]. Идея создания Европола выдвигается с 70-х годов XX века. Его существование было юридически оформлено Маастрихтским договором 1992г.

Конвенция Европола 1995г. определила структуру и правовой статус организации. С 2002г. в соответствии с Конвенцией Европола мандат Европола был расширен и «ему были приданы полномочия по борьбе против особо опасных международных преступлений» [17]. Подобно Интерполу, формирование Европола протекало поэтапно, в тесной связи с процессом совершенствования Европейского Союза, так что это учреждение развивалось как составная часть его структуры.

И Блищенко отмечает, что «структурное строение Интерпола, как подтверждает анализ устава, сопрягает выполняемые им задачи с общими типичными особенностями, характерными для всех специализированных организаций системы ООН» [18]. Генеральная Ассамблея является высшим органом организации. Ее резолюции оказывают существенное влияние на развитие межгосударственного полицейского сотрудничества.

В. Самарин верно замечает, что «в предметном плане резолюции можно подразделить на два вида: резолюции по функционированию организации и резолюции в отношении международной правозащитной деятельности в отдельных сферах» [19]. Автор считает адресатами резолюций государства-члены и структуры организации. Иногда адресатами резолюций могут быть государства – не члены ООН, международные организации и юридические лица.

Резолюции, как отмечает К. Родионов, правомерно подразделить на две части – обязательные и рекомендательные. Автор считает, что «резолюции в адрес Генерального секретариата являются обязательными к исполнению, а в адрес полицейских органов и правительств – рекомендательными» [20].

В. Самарин отмечает обязательность резолюций не только в адрес Генерального секретариата, но и для Исполнительного комитета и прочих вспомогательных органов [21]. Правомерно считать резолюции Генеральной ассамблеи рекомендательными в отношении государств – не членом ООН, международных организаций и юридических лиц.

Европол находится в подчинении Совета министров юстиции и внутренних дел Европейского союза. Последний назначает директора Европола, его заместителей и утверждает бюджет. Функции, возлагаемые на Генеральную ассамблею Интерпола, в системе Европола распределены между Советом Европы и Советом правления Интерпола. Согласно пункту II части. 23 статьи 28 Конвенции Европола, «Совет правления должен состоять из одного представителя от каждого из государств-участников».

Стратегия Европола определяется Советом Европы. Совет правления представляет собой промежуточный орган между Советом Европы и прочими структурами Европола. Совету правления приданы некоторые полномочия, отсутствующие у Генеральной ассамблеи Интерпола и Исполнительного комитета.

Генеральная ассамблея является высшим органом Интерпола, а Совет правления Европола – структурной единицей одного из органов Совета Европы. Документы, издаваемые Генеральной ассамблеей, носят международный характер, а документы Совета правления Европола ограничиваются регионом. Большая часть документов, издаваемых Советом правления Европола, являются обязательными.

Исполнительный комитет Интерпола осуществляет контроль за исполнением решений Генеральной ассамблеи. По мнению В. Самарина, он является исполнительным органом, а Генеральный секретариат – административным и техническим органом [22]. И. Блищенко же считает его административным органом [23]. Правомерно считать Исполнительный комитет, исходя из функциональной нагрузки, контролирующим и вспомогательным органом.

Генеральный секретариат Интерпола является постоянно действующим органом, обеспечивающим деятельность организации посредством Генерального секретаря. Функции Генерального секретариата носят юридическую природу, присущую исполнительной власти. Исполнение без административных функций невозможно, поэтому господствующее в науке мнение о том, что Генеральный секретариат обладает лишь административными функциями, неправомерно.

В деятельности Европола значительное место занимает директор. Согласно части 3 статьи 29 Конвенции, директор обеспечивает выполнение задач, возложенных на Европол [24]. В деятельности директората Европола прослеживаются некоторые из функций, возложенных на Исполнительный комитет и Генеральный секретариат Интерпола. Поэтому его можно считать исполнительно-административным органом Европола.

Вепхвия ГВАРАМИЯ

Среди финансово-контролирующих органов Европола важное место отведено финансовому контролеру, назначаемому Советом правления. Также создается финансовый комитет, функцией которого является рассмотрение бюджета и финансовых дел. В составе Интерпола подобного органа в отдельности не существует, он входит в состав Генерального секретариата. Ответственным за финансовые вопросы является финансовый инспектор.

Несмотря на различия между Интерполом и Европолом, их органы можно условно сгруппировать по:

1. Законодательным;
2. Исполнительно-вспомогательным; и
3. Контролирующим полномочиям.

Н. Костенко отмечает, что «для обеспечения сотрудничества с Интерполом все государства-участники создают органы (Национальное центральное бюро – НЦБ), которые осуществляют взаимодействие непосредственно с организацией» [25]. По словам И. Лебединца, «содной стороны, НЦБ является постоянно действующим органом Интерпола, а с другой – полицейским органом государства-участника, облеченным широкими полномочиями в борьбе с преступностью» [26]. По мнению Майка Мута, каждое государство создает НЦБ для защиты государственных интересов. В США НЦБ представляет собой часть Министерства юстиции [27]. С целью сближения Интерпола и местных органов полиции США филиалы НЦБ открылись в отдельных штатах [28].

В июне 1997 г. по приказу №333 министра внутренних дел России было утверждено типичное положение о территориальных подразделениях НЦБ. 13 октября 1997 года приказ №666 министра внутренних дел России «О мерах по дальнейшему развитию НЦБ международной организации криминальной полиции» предусматривает создание филиалов НЦБ на базе УВД субъектов Российской Федерации [29], что вполне правомерно, исходя из территориальных размеров России.

С 26 июня 2000г. НЦБ в своей деятельности применяет инструкцию по информационному обеспечению правоохранительных и других государственных органов Российской Федерации по линии Интерпола, утвержденную совместным приказом МВД, Министерства юстиции, Государственного таможенного комитета, ФСБ, Федеральной службы налоговой полиции и Федеральной пограничной службы. Эти органы и органы прокуратуры Российской Федерации считаются субъектами сотрудничества с Интерполом. Вне его остаются прочие правоохранительные органы. Однако по Указу № 1113 Президента Российской Федерации от 30 июля 1996 года НЦБ Интерпола сотрудничает с правоохранительными и другими органами.

В. Овчинский правомерно указывает и на такие субъекты сотрудничества с Интерполом, как высшие органы государственной власти, контролирующие органы и организации, а также другие субъекты оперативно-розыскной деятельности [30].

Вызывает интерес положение НЦБ в Швейцарии, принятое бундесратом в 1986г. Деятельность

НЦБ регулируется также частями статьи 351 Уголовного кодекса. НЦБ, входящий в состав центрального аппарата Федерального управления по полицейским делам Швейцарии, координирует деятельность центральных и кантонных правоохранительных органов. Статус НЦБ как органа, принимающего нормативы деятельности, обуславливает высокий уровень его легитимности в швейцарии.

В Германии НЦБ отдельно не выделен, эти функции приданы Федеральному управлению уголовной полиции. Оно имеет непосредственный доступ к центральной базе данных и право действовать на основании полученной информации. Данная модель существенна в аспекте практического применения в оперативных действиях против преступности, что регулируется «Законом о Федеральном управлении уголовной полиции и взаимодействии федерации и земель по вопросам уголовной полиции» от 7 июня 1997 г.

Законодательное регулирование сотрудничества с Интерполом в США, Швейцарии и Германии близко друг другу. В постсоветских странах взаимоотношения с Интерполом упорядочиваются подзаконными и внутриведомственными актами, находящимися в процессе формирования.

С точки зрения специфики сотрудничества с Европолом можно выделить две группы государств: государства – члены и не члены Европейского Союза, сотрудничающие на основе договора [31]. В составе НЦБ Интерпола в Российской Федерации в виде подразделения создан национальный контактный пункт взаимоотношений с Интерполом.

Для работы в Интерполе государства-члены командировывают сотрудников, наделенных оперативной компетенцией. Сотрудники Интерпола не имеют подобной компетенции. Их функцией является организация международного розыска.

Интерпол и Европол активно сотрудничают между собой, что нашло отражение в договоре [32]. Известна договорная практика Европола со структурами Евросоюза [33]. Интерпол активно сотрудничает с международными и региональными организациями.

В двусторонних договорах Грузии использованию ресурсов НЦБ не уделяется достаточно внимания, что часто затрудняет процесс правовой помощи.

Следует разъяснить обязательный характер Конституции Интерпола как международной межправительственной специализированной организации. Для каждого из государств обязательным является подчинение деятельности НЦБ Конституции Интерпола. НЦБ считается промежуточным звеном между Интерполом и правоохранительными органами государств. Таким образом, соблюдение Конституции Интерпола обязательно для государств-членов и работников аппарата. Решения его органов обязательны для сотрудников организации, а в отношении государств-членов носят рекомендательный характер. Целесообразно отразить место НЦБ Интерпола в Уголовно-процессуальном кодексе Грузии.

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ В РАМКАХ ИНТЕРПОЛА И ЕВРОПОЛА. ЭФФЕКТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПОЛИЦЕЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Правомерно добавить к части I статьи 8 Закона Грузии «Об оперативно-розыскных мероприятиях» в качестве основания к проведению оперативно-розыскных действий запрос от Международного уголовного суда, Интерпола и других международных правоохранительных органов. Сотрудничество с Интерполом следует учесть в Законе Грузии «О пограничной полиции».

Первым документом, регулирующим деятельность НЦБ, был «Регламент получения, предоставления и обработки информации Национальным центральным бюро Интерпола в Республике Грузия» [34]. В статье I определялись нормативные источники деятельности НЦБ, взаимоотношения с правоохранительными органами Грузии и иностранных государств, структурами Интерпола и международными организациями.

Субъектами сотрудничества с НЦБ считались «все правоохранительные органы Грузии и другие соответствующие ведомства». Регламент регулировал сотрудничество между органами, входящими в состав правительства. Регламент стоял выше нормативных актов, регулирующих деятельность НЦБ в постсоветских странах, поскольку они издавались министрами МВД и имели обязательную силу внутри ведомства.

Согласно части 5 статьи 2 регламента 1994г., НЦБ вправе на договорной основе оказывать услуги юридическим и физическим лицам, за счет их финансирования, по предоставлению несекретной информации. Нормативное регулирование данного вопроса приемлемо и в настоящее время.

В Положении по НЦБ, утвержденном министром МВД Грузии в 2005 году, были отражены задачи и компетенция бюро. Однако из-за пробелов в нем в 2006г. приказом министра внутренних дел было утверждено новое Положение по Интерполу. Согласно статье 1, НЦБ является структурным подразделением МВД в статусе управления. Согласно статье 10, структурными подразделениями НЦБ являются:

- а) Управление по международному розыску;
- б) Управление по сотрудничеству с международными организациями и информационно-техническому обеспечению;
- в) Общее отделение.

Во избежание повторов правомерно было бы именовать структуры НЦБ отделами, а единицы – подотделами, либо придать НЦБ статус департамента в структуре МВД.

Указ Президента Грузии от 2007г. частично восполнил пробел, имевшийся в сотрудничестве между НЦБ и другими ведомствами [35]. Правомерно было бы в иерархии нормативных источников Интерпола, перечисленных в статье 1, отвести место общепризнанным принципам и нормам международного права, а также Конституции Интерпола после Конституции Грузии. В указе определен порядок предоставления и выдачи информации НЦБ, однако целесообразно регулировать это законодательно.

В пункте 6 статьи 2 определяется круг субъектов сотрудничества с НЦБ, исчерпывающийся лишь должностными лицами правоохранительных органов. Было бы целесообразно расширить круг субъектов.

Деление истории межгосударственного полицейского сотрудничества на четыре периода позволяет создать определенное представление о неизученной до сего дня в Грузии проблеме.

В I период Международная комиссия по уголовной полиции и другие предшествующие формы являлись эффективным средством полицейского сотрудничества, правопреемником которого стал Интерпол.

Во II период идеологическое и правовое противостояние капиталистических и социалистических государств затрудняло фактическое признание Интерпола межправительственной организацией, юридически признанной таковой по Конституции.

В III период Интерпол был фактически признан независимой межправительственной организацией.

В IV период распространение преступности в 90-е годы обусловило развитие Интерпола и Европола, совершенствование их структур и становление новых форм сотрудничества.

Эффективная деятельность структур Интерпола и Европола зависит от структуры, связующей с внутригосударственными органами. Исследование таких структур на примере США, Швейцарии и Германии выявляет их решающую роль в полицейском сотрудничестве.

На современном этапе важна роль Интерпола и Европола в борьбе с организованной преступностью в международном масштабе. К числу подобных преступлений относятся международный терроризм, нелегальный вывоз за границу предметов, обладающих особой культурной ценностью, преступления, связанные с наркотиками, изготовление фальшивой валюты и ценных бумаг, траффик, угон и нелегальный вывоз за границу автотранспортных средств.

Интерпол и Европол также координируют межгосударственное сотрудничество в борьбе против преступлений, содержащих международный элемент.

Преступление содержит международный элемент, если оно выходит за рамки юрисдикции одного государства, в частности, если деяние организовано на территории иностранного государства, предметы, приобретенные преступным путем, вывезены за границу, соучастники в преступлении являются гражданами разных стран и находятся за границей. В таких случаях сотрудничество должно осуществляться по правилам, установленным в международном праве. Для достижения этой цели Интерпол и Европол вырабатывают предложения, при этом вносят практический вклад в борьбу против организованной преступности с применением современных информационных технологий. Борьба с указанными преступлениями требует оперативности, обеспечение которой осуществляется посредством механизмов Интерпола и Европола. С учетом данных обстоятельств, за счет усиления

Вепхвия ГВАРАМИЯ

внутренней юрисдикции государств следует осуществить процесс унификации законодательства, что, в конечном счете, создаст твердые гарантии для международного сотрудничества.

Для улучшения международного сотрудничества по вопросам уголовного права посредством Интерпола и Европола в Грузии правомерно:

1. Техническое обеспечение внутренних органов на уровне взаимоотношений с Интерполом;

2. Уделение большего внимания обучению современным международным информационным технологиям по борьбе с преступностью и повышению квалификации практиков;

3. Постоянное совершенствование внутригосударственного законодательства в соответствии с международными стандартами;

4. Постоянное совершенствование государственных механизмов межгосударственного полицейского сотрудничества.

5. В Законе Грузии «О борьбе с терроризмом» не выделена роль Интерпола и НЦБ с учетом специфики конкретного преступления при международном сотрудничестве. Грузия сотрудничает с другими государствами в борьбе с терроризмом посредством МВД, однако было бы правомерно в этом отношении подчеркнуть в данном законе роль и функциональную нагрузку НЦБ. В законе обрисована необходимость сотрудничества Грузии с международными организациями, борющимися с терроризмом, однако желательно выделить приоритеты, исходя из практического значения сотрудничества с Интерполом и Европолом.

6. Правомерно было бы в Законе Грузии о борьбе с наркотической преступностью отвести отдельную главу вопросам международного правового сотрудничества в борьбе с наркотической преступностью, где можно было бы подчеркнуть роль Интерпола, НЦБ и Европола в координированном сотрудничестве против упомянутых преступлений в международном масштабе.

7. Защита произведений искусства и антикварных предметов зависит от эффективного законодательства в каждом государстве, оперативности и компетентности исполняющих его органов. С учетом указанных обстоятельств, правомерно было бы отвести значительное место роли Интерпола и Европола в законодательстве Грузии, в частности, в Законе Грузии о культурном наследии.

8. Вопрос пресечения и превенции изготовления и сбыта фальшивых денег, валюты и ценных бумаг соответствует международным стандартам, однако правомерно было бы предусмотреть в органическом

законе о Национальном банке Грузии, Законе Грузии о деятельности коммерческих банков и в порядке регистрации и регулирования пунктов по обмену валюты роль Интерпола (НЦБ) при сотрудничестве по данным вопросам.

9. В деле борьбы с траффикингом в законодательстве Грузии сделаны важные шаги, однако было бы правомерно отдельно выделить в законодательстве Грузии соответствующую нормативную базу для использования механизмов Интерпола при эффективном международном правовом сотрудничестве против траффикинга.

10. Основываясь на практике борьбы с незаконным оборотом автотранспортных средств в мире, можно сказать, что тенденция угона автомобилей и их незаконного вывоза за рубеж растет с каждым днем. Эффективность борьбы с ней зависит от целого ряда обстоятельств. Научный анализ современной практики правоохранительных органов европейских государств позволяет выделить следующие рекомендации для улучшения международного правового сотрудничества:

а) Расширение международной и внутригосударственной правовой базы;

б) Интенсивное использование базы данных Интерпола и Европола для розыска физических и юридических лиц, занимающихся указанной преступной деятельностью, оперативного установления незаконного ввоза автомобилей и транзитных каналов;

в) Создание единой международной базы данных по автотранспортным средствам, находящимся в международном розыске, внедрение системы автоматизированного поиска (ASF) Интерпола и Европола в странах Европы и СНГ;

г) Внедрение единых международных регистрационных документов на автотранспортные средства;

д) Разработка двусторонних и международных договоров в связи с незаконным оборотом автотранспортных средств;

е) Унификация национального законодательства в целях упрощения процедуры возврата угнанных автотранспортных средств между правоохранительными органами разных стран.

Для повышения эффективности межгосударственного сотрудничества против организованной преступности с применением механизмов Интерпола и Европола правомерно комплексное упорядочение теоретических, практических и учебно-методических проблем.

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ В РАМКАХ ИНТЕРПОЛА И ЕВРОПОЛА. ЭФФЕКТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПОЛИЦЕЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Литература:

1. Deflem, M. Wild Beasts Without Nationality. The Uncertain Origins of Interpol, 1898 - 1910. – Reichel, P. The Handbook of Transnational Crime and Justice. - Thousand Oaks, CA: Sage Publications. 2005, 275 -285 pp.
2. Бородин, С., Ляхов, Е. Международное сотрудничество в борьбе с уголовной преступностью. - Международные Отношения. – Москва, 1983, с. 16-17.
3. Люблинский, П. О деятельности международного союза криминалистов в период 1902 -1908 гг. - Право, 1909, №10, с. 635.
4. См. Галенская, Л. Международная борьба с преступностью. - Международные Отношения - Москва: 1972, с. 139. Самарин, В. ИНТЕРПОЛ международная организация уголовной полиции. - Питер. - Москва, 2004, с. 9. Родионов, К., ИНТЕРПОЛ. - Международные отношения - Москва, 1990, с. 20-22. Бельсон, Я. ИРТЕРПОЛ: Прошлое и настоящее. – Правоведение. - Москва, 1980, №3, с. 92-94.
5. Родионов, К., с. 25. Самарин, В., с. 10
6. Deflem, M. Bureaucratization and Social Control: Historical Foundations of International Police Cooperation. - Law and Society Review. - University of Massachusetts U.S.A.2000, Vol. 34, № 3, p. 755.
7. См. Sohofer, J. Internationale Zusammenarbeit der Kriminalpolizei. - Leipzig. Band 83. 1928. S. 17.
8. Родионов, К. Деятельность Интерпола в борьбе с международной преступностью. - Уголовная юстиция: проблемы международного сотрудничества. – Москва: БЕК, 1995, с. 219.
9. См. Галенская, Л., с. 140. Родионов, К., (1990 г.) с. 39, 40.
10. Родионов, К., с. 40-41.
11. См. Resolution (1947) AGN /16 / RES / 12.
12. Nepote, J. International Crime, International Police Cooperation and Interpol. - The Police Journal, 1978, Vol. LI, №. 2, p. 131.
13. См. Родионов, К. Международная организация уголовной полиции. Автореф. канд. дис. - Ленинград, 1979, с. 1. Шупилов, В. П. Международная правовая помощь по уголовным делам. - Советское государство и право, 1974, №3, с. 85-91.
14. См. Постановление Совета министров Союза Советских Социалистических Республик от 7 апреля 1990 г. №338.
15. Мотков, А. Европейское полицейское ведомство. - Энциклопедия кругосвет, 2007, 9 марта. - <http://www.krugosvet.ru/articles/102/1010295/1010295a1.htm>.
16. См. Бельсон, Я. ИНТЕРПОЛ в борьбе с уголовной преступностью. - Наука. - Москва, 1990, с. 89.
17. Единая полиция и юстиция. - <http://www.ruseu.org/print.php?id=49>.
18. Блищенко, И. Р. Деятельность ООН по организации сотрудничества государств в области борьбы с международной преступностью. Глава I. - Международное уголовное право. Под редакцией В. Н. Кудрявцева. – Москва: Наука, 1999, с. 202.
19. Самарин, В., с. 18-19.
20. Родионов, К., с. 56.
21. Самарин, В., с. 19.
22. См. Самарин, В., с. 19, 20.
23. Блищенко, И. Р. Под редакцией В. Н. Кудрявцева, с. 202, 203.
24. Europol Convention: European police office. - <http://www.exodus2006.com/fab/europol.htm>.
25. Костенко, Н. И. Международная организация уголовной полиции. - Международное Право. – Москва: ЮРИСТ, 2003, с. 469.
26. Лебединец, И. Н. Сотрудничество государств в борьбе с уголовными преступлениями международного характера в рамках международных организаций. - Международное Право. – Москва: ПРОСПЕКТ, 2005, с. 618.
27. См. Muth, M. Interpol, your best resource for international investigations. - <http://www.calea.org/newweb/ newsletter/No76/interpol/htm>.
28. См. Police and Security Bulletin. – New York, 1987, 19 december, p. 1, 2.
29. См. Илларионов, В. Путова, И. Правовые и организационно - методические аспекты международного розыска преступников. – Москва: Книжный мир, 1999, с. 9.
30. См. Овчинский, В. Интерпол. – Москва: Инфра-М, 2001, с. 60.
31. Agreement between the European police office and the Republic of Turkey. - <http://www.europol.europa.eu/legal/agreements/Agreements/17686.pdf>.
32. Agreement between Interpol and Europol 2001. - <http://www.europol.europa.eu/legal/agreements/Agreements/8890.pdf>.
33. См. Agreement between Eurojust and Europol. - <http://www.europol.europa.eu/legal/agreements/Agreements/17374.pdf>.
34. Постановление Кабинета министров Грузии № 637, 1994.
35. Об утверждении правил деятельности Национального центрального бюро Интерпола в Грузии и его сотрудничества с Министерством внутренних дел Грузии. Указ Президента Грузии №99 от 2007 г. - Тбилиси.

Summary

Scientific analysis of modern practice of the law enforcement bodies of European states resulted in development of the following recommendations for improvement of the international legal collaboration:

- a. Extension of the international and intra-state legal basis;
- b. Extensive use of the Interpol and Europol base for retrieval of the natural persons and legal entities engaged in the mentioned criminal actions, for prompt identification of the illegally imported vehicles and the relevant transit channels;
- c. Development of the common international base of the internationally retrieved vehicles, introduction of the Interpol and Europol automatic search system in the European and CIS countries;
- d. Introduction of the unified international vehicles registration documents;
- e. Development of the bilateral and international agreements in relation with the international turnover of the vehicles;
- f. Unification of the national legislation, for the purpose of simplification of the procedures for return of the theft vehicles between law enforcement bodies of the various countries;

To improve effectiveness of the interstate cooperation against the organized crime applying Interpol and Europol mechanisms it would be reasonable to deal with the given problems complexly.

Леван ТЕНИЕШВИЛИ,
кандидат юридических наук,
Грузия

ПРИНЦИП НЕДОЗВОЛЕННОСТИ ДВОЙНОГО НАКАЗАНИЯ ЗА ОДНО ДЕЯНИЕ В ГРУЗИНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Non bis in idem – латинское выражение, обозначающее не дважды за одно и то же.*

В уголовном праве это выражение используется как принцип, запрещающий повторное преследование и наказание за одно и то же деяние. Согласно данному принципу, на лицо не может быть повторно возложена уголовная ответственность за то, в чем он был виновен в прошлом и был в ответе по закону. «Принцип недопозволенности двойного наказания за одно и то же деяние» является проявлением принципа справедливости. Этот принцип отражен в законодательствах всех демократических стран как гарант справедливости и защиты прав человека. Надобность в существовании этого принципа встала на повестке дня, когда началась борьба по защите прав человека. В Советском Союзе существовала лишь иллюзия того, что принцип *Non bis in idem* реально действовал. Например, в 40-ые годы, когда кончился срок заключения лиц, осужденных за политические (контрреволюционные) правонарушения, советское правительство большую их часть осудило повторно по тем же обвинениям на больший срок.

Лицо считается дважды осужденным за одно действие, если на него наложено наказание за то действие, за которое он уже привлекался к уголовной ответственности, и на основании законного судебного вердикта за это действие была присуждена отсидка положенного срока, или подсудимый был оправдан судом, или же при отсидке срока он был помилован либо амнистирован. Повторным наложением уголовной ответственности не считается повторное рассмотрение дела вышестоящим судом в случае апелляции решения нижестоящего суда. В современном правовом понимании этот принцип несет двойную материально-правовую и процессуальную природу и распространяется на все стадии уголовного процесса, на которых может обнаружиться, что факт уголовного преследования и назначения наказания в отношении данного лица и по тому же обвинению уже имел место.

Действие рассматриваемого принципа в преде-

лах внутригосударственной юрисдикции бесспорно. В пределах одного государства человек не может быть осужден за то преступное действие, за которое он прежде был осужден судом данного государства.

При анализе частей (1) и (3) статьи 5 Уголовного кодекса Грузии особого внимания требует следующий нюанс. Первоначальная редакция рассматриваемого принципа была следующей: (1) Гражданин Грузии, а также лицо, постоянно проживающее в Грузии, но не имеющее гражданства, совершившее за границей предусмотренное этим кодексом действие, считающееся законодательством той страны, где оно было совершено, нарушением закона, несет уголовную ответственность согласно этому кодексу, если не было осуждено за это в другом государстве.

(3) Гражданин другой страны, а также лицо, не имеющее гражданства, которое не живет постоянно в Грузии, совершившее преступление за границей, подвергается уголовной ответственности согласно этому кодексу, если это направлено против интересов Грузии или если уголовная ответственность за это преступление предусмотрена международным соглашением Грузии, если это лицо не было осуждено за это в другом государстве.

Данная формулировка закона исключает возможность двойного наказания за одно и то же преступление. 30 мая 2000 года концовка «если они не были осуждены в другом государстве» (№333) была извлечена. После этого законодательного изменения, вышеупомянутые лица являются уголовно - наказуемыми, несмотря на то, были ли они наказаны за это в другом государстве, то есть, существует ли законодательный рычаг повторного наказания.

В Конституции Грузии в точности отражен принцип *Non bis in idem* – «никто не может быть наказан дважды за одно и то же преступление» (статья 42, пункт 4 Конституции Грузии). Но в ней ничего не сказано о границах этого принципа. Касается он международных отношений или ограничивается

* В некоторых источниках данный термин сформулирован как - *Ne bis in idem*, что является идентичным термином.

ПРИНЦИП НЕДОЗВОЛЕННОСТИ ДВОЙНОГО НАКАЗАНИЯ ЗА ОДНО ДЕЯНИЕ В ГРУЗИНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

только внутригосударственными отношениями. Некоторые ученые считают, что данная статья уголовного кодекса противоречит статье 42 Конституции Грузии, и в ней проигнорирован принцип «недозволенности двойного наказания за одно и то же деяние». Другая часть ученых считает, что рассматриваемый принцип действует только в пределах внутригосударственного законодательства и не касается международных отношений. «Конституционный принцип недозволённости повторного наказания за одно и то же преступление действует только внутри государства, а не на межгосударственном уровне и не в отношении постоянно действующих международных судов», - отмечает Мераб Турава [1].

В международных правовых нормах принцип *Non bis in idem* раскрыт неоднозначно, что вызывает спор ученых. В целом ряде международных нормативных документов признано действие рассматриваемого принципа в пределах государства, а некоторые признают его действующим на международном уровне. «Принцип недозволённости повторного наказания за одно и то же преступление» сформулирован 16 декабря 1966 года в «Международном пакте гражданского и политического права»: «Никто не может быть осужден или наказан повторно за преступление, из-за которого он уже был задержан или осужден согласно законам всех стран и уголовным процессуальным нормам» (пункт 7. статьи 14). Согласно этим нормам, данный принцип используется только в отношении вердикта, вошедшего в силу согласно государственному судебному закону, а также согласно конвенции Евросоюза «О защите прав человека и основных свобод» 1950 года и добавочному акту №7 1984 года: «Никого нельзя осудить или наказать повторно согласно уголовному закону в пределах юрисдикции одного государства за преступление, из-за которого он уже был осужден или отбывал наказание согласно законам и процессуальным нормам уголовного права этого государства» (пункт 1 статьи 4). Из этой формулировки следует, что международное право не обязывает государство признавать действие вердикта, вынесенного судом другого государства, на своей территории. Следовательно, действие рассматриваемого принципа ограничивается территориальной юрисдикцией одного государства. Право государства не признавать судебный вердикт другого государства на своей территории является частью суверенитета каждого государства.

Также существуют международно-правовые нормы такого содержания, которые признают действие рассматриваемого принципа в международных отношениях. Например, в Европейской конвенции о передаче судопроизводства по уголовным делам 1972 года отмечается, что лицо, в отношении которого вынесен окончательный вердикт по тому же обвинению, за то же действие, не может преследоваться законом в другом государстве в случае договоренности [2]. Следовательно, действие данного принципа

признано не только в пределах государства. Идентичное видение проблемы прослеживается и в Европейской конвенции о передаче преступников (1957 года). Конвенция подтвердила, что при передаче преступников действует правовой принцип *Non bis in idem* – «передача не осуществляется не только тогда, когда преступник уже был судим, а если он был оправдан или амнистирован» [3]. 25-го мая 1993 года, согласно Резолюции №827 Совета безопасности ООН, был учрежден международный *ad hoc* суд «Международный трибунал уголовного права для осуждения лиц, обвиняемых в нарушении норм международного гуманитарного права в 1991 году на территории бывшей Югославии» (трибунал Югославии); 8-го ноября 1994 года, согласно Резолюции №955 Совета безопасности, был учрежден второй *ad hoc* международный трибунал для Руанды: «Международный трибунал уголовного права для осуждения лиц, обвиняемых в геноциде и других серьезных нарушениях международного гуманитарного права на территории Руанды с 1-го января 1994 года по 31-е декабря и для осуждения граждан Руанды по обвинению в геноциде и других подобных деяний на соседних территориях» (трибунал Руанды) [4]. Уставы содержат идентичные нормативы по отношению к рассматриваемому принципу и признают следующее: «1) ни один человек не может быть осужден народным судом за деяние, которое согласно уставу является серьезным нарушением международного гуманитарного права и из-за которого он был осужден международным трибуналом; 2) человек, осужденный народным судом за нарушение норм международного гуманитарного права, международным трибуналом может быть осужден в том случае, если: а) преступление, из-за которого он был осужден народным судом, квалифицировано как обыкновенное преступление, или б) в народном суде рассматривание дела не проходило беспристрастно и независимо, или было предусмотрено избежание международной уголовной ответственности обвиняемым, либо же дело не было расследовано должным образом; 3) при повторном осуждении преступника для определения размеров преступления, трибунал принимает во внимание срок и условия наказания, которые были присуждены народным судом» (статья 10). Подобных положений придерживается вариант проекта «Кодекс нарушений, направленных против мира и безопасности человечества» 1996 года - «1) ни один человек не может быть осужден народным судом за деяния, которые согласно уставу являются серьезным нарушением международного гуманитарного права и из-за которого он был осужден международным трибуналом; 2) человек, осужденный народным судом за нарушения норм международного гуманитарного права, международным трибуналом может быть осужден в том случае, если: а) преступление, из-за которого он был осужден народным судом, квалифицировано как обыкновенное преступление, или б) в народном суде рассматривание дела не проходило

Леван ТЕНИЕШВИЛИ

беспристрастно и независимо, или было предусмотрено избежание международной уголовной ответственности обвиняемым, либо же дело не было расследовано должным образом. 3) при повторном осуждении преступника для определения размеров преступления, трибунал принимает во внимание срок и условия наказания, которые были присуждены народным судом» (статья 12). В Римском уставе «Международного судебного уголовного права» сформулированы практически схожие нормативы: 1) кроме случаев, определенных этим статусом, недопустимо обвинять человека за действие, за которое он уже был признан судом виновным или оправдан; 2) недопустимо обвинение другим судом человека из-за указанного в пункте 5 преступления, из-за которого суд уже счел его виноватым или оправдал; 3) недопустимо, чтобы осужденного другим судом за запрещенные статьями 6, 7 и 8 действия преступника судил суд за то же самое преступление, если ведение дела в другом суде (а) служит цели защитить данное лицо от уголовной ответственности за преступление, которое подпадает под юрисдикцию суда; (б) суд не был проведен независимо и непредвзято, согласно процессуальным нормам, принятым международным правом, а был проведен таким образом, что был несовместим с целью передачи данного лица правопорядку (статья 20). Следовательно, ни один международный суд, ни один государственный суд не вправе обвинять человека повторно после того, как он был осужден международным судом уголовного права. А право суда судить преступника, осужденного государственным судом повторно, ограничено с учетом вышеуказанных условий.

Определение общих рамок действия данного принципа невозможно. Международные отношения устанавливаются на основе конкретных международных договоров. Многие ученые считают, что рассматриваемый принцип не распространяется в международных отношениях. По их мнению, то государство, которое пострадало от неправомерных действий, для защиты своих прав вправе наказать виновника во второй раз, чтобы на него распространилась юрисдикция данного государства. Действует или нет принцип *Non bis in idem* на то или иное государство зависит от содержания международных норм. Например: человек, приговоренный международным судом за уголовное преступление, не может быть осужден повторно за то же преступление государством, которое является участником Римского статута «Международный суд уголовного права». В том случае, когда против уголовного правонарушения осуществляется юрисдикция другого государства в отношении гражданина этого государства или гражданина, постоянно живущего на территории этого государства, но без гражданства, если сам осужденный имеет официальный статус, то в этом случае для защиты своих интересов государство не обязано признать действие принципа *Non bis in idem* на своей территории. Право на это определено суверенностью данного государства.

Государство также не обязано учитывать действие суверенного акта другого государства на территории, где распространяется суверенность данного государства. Территориальный суверенитет государства является признанным принципом международного права. В соответствии с этим принципом распространение правового акта одного государства в территориальной зоне суверенитета другого государства неприемлемо без согласия данного государства. Несмотря на это, принцип *Non bis in idem* может быть признан как законодательством уголовного права государства, так и конкретными межгосударственными договорами. Например, в 1996 году несколько юридических ассоциаций начали судебный процесс против нескольких аргентинских офицеров по обвинению в том, что в 1976-1983 годах во время военного переворота в Аргентине данные офицеры осуществляли неправомерные действия против граждан Испании (похищение людей, убийства). Правительство Аргентины отказало в содействии испанскому суду на основе того, что испанский суд не имеет юрисдикции по данным действиям, поскольку аргентинские офицеры были осуждены аргентинским судом и позднее были помилованы президентом страны. Несмотря на это, суд Испании счел, что у них есть юрисдикция по данному вопросу, поскольку преступление против человечества может расследоваться любым государством, несмотря на то, где территориально было совершено преступление. После изучения обстоятельств дела, испанский суд обратился к правительству Швейцарии с просьбой выявить банковские счета данных обвиняемых, дабы компенсировать ущерб семьям пострадавших. Правительство Швейцарии удовлетворило запрос и заморозило выявленные банковские счета [5].

На основе вышеуказанного можно заключить, что устав статьи 5 Уголовного кодекса Грузии не противоречит Конституции Грузии, поскольку Конституция является внутригосударственным законодательным нормативным актом, который регулирует правовые отношения внутри государства. В кодексе же предусматривается возможность повторного осуждения лиц, совершивших правонарушение за пределами государства. Кодекс исключает повторное осуждение лиц за правонарушения, которые были совершены в пределах государства. В случае вышеупомянутого повторное осуждение лица вполне оправдано. Например, кража документов, содержащих информацию государственной важности в посольстве Грузии, на территории другой страны может быть квалифицирована как кража или грабеж. Соответственно, лицо будет осуждено в другом государстве за кражу или грабеж и будет отбывать соответствующее наказание (что будет отличаться от наказания, которое присудил бы суд в Грузии). Правительство Грузии в этом случае не имеет возможности присудить данному лицу наказание, которое предусматривается за аналогичное противогосударственное действие, как в

ПРИНЦИП НЕДОЗВОЛЕННОСТИ ДВОЙНОГО НАКАЗАНИЯ ЗА ОДНО ДЕЯНИЕ В ГРУЗИНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

случае шпионажа. По существу, правонарушителю не присуждается наказание за нанесение ущерба государственным интересам страны. В этом случае мы имеем дело с противостоянием между лицом и государственными интересами. Защитники прав человека считают, что повторное осуждение представляет нарушение достоинства, уважения и свободы человека. Вдобавок к этому, на основе идей гуманности трудно представить, что данная точка зрения соответствует

принципу справедливости, когда лицу присуждается повторный приговор в другом государстве.

Касательно соответствия наказания с целью приговора следует отметить, что поскольку наказание является проявлением реакции государства по факту преступления, нельзя отнимать от государства данное право, даже в том случае, если лицо подвергается повторному осуждению, но в этом случае должен учитываться срок уже отбытого наказания.

Литература:

1. В некоторых источниках данный термин сформулирован как - *Ne bis in idem*, что является идентичным термином.
2. Турава, М. Основные принципы международного уголовного права в действующем законодательстве Грузии - Грузия и международное право. Сб. статей. Авторский коллектив. – Тбилиси, 2001, с. 200.
3. Лукашук, И., Наумов, А. Международное уголовное право, – Москва, 1999, с. 31.
4. Там же, Лукашук, И., Наумов, А., с. 220.
5. Действующее международное право, Т. 1, – Москва, 1999, с. 746 -772.
6. Лукашук, И., Наумов, А. Международное уголовное право, – Москва, 1999, с. 30.

Summary

On 22 July 1999 the Georgian Parliament enacted *Criminal Code of Georgia* which became valid on 1 June 2000. On 30 May in 2000 a change was made in Article 5, which implied that the principle of *Non Bis in Idem* (which means that the person cannot be punished twice for one and the same act), was restricted in international relations.

Within the jurisdiction of one state the person cannot be punished twice for one and the same act. This right is guaranteed by the paragraph 2, article 42 of the Constitution of Georgia. However, in accordance with the Criminal Code of Georgia the person who has committed the crime abroad can be put on trial for the second time in Georgia, if the committed act is considered as a serious crime against interest of Georgia.

Victor JUC,

Ph. D., professor, head of the European Studies Department of the Institute of European Integration and Political Sciences of Academy of Sciences of Moldova.

THE POSSIBLE RECONFIGURATION OF THE STRUCTURE OF THE INTERNATIONAL SYSTEM IN TERMS OF POLICENTRIST WORLD

The news of the investigations is determined of the need for research the complex process of resizing the pattern of the world order and structure of the international system post-cold war. The sudden disappearance of a pole and end global confrontation between the two overlaps are deeply content and form of international relations in the late twentieth and early twenty-first century, and advanced views on the type of structure of the international system undergoing change are different, from unipolarity and multipolarity since, but not overlook bipolarity. In the present the world order configuration is largely formed and stabilized, and any changes will take at least a medium future.

We consider less likely the appearance till 2020s of a "successful competition" that would balance the superpower, the plausible term should be exceeded with two or three decades, but with the specifying that the counterweight will comprise only some areas and sectors. According to analytical reports presented by Goldman-Sachs Group, it is estimated that this four countries taken as a whole will be equal to 2032 with the Group of 7 in terms of GDP, but the distribution of per capita will remain lower than of the current industrialized economies:

According to the research conducted by the Goldman-Sachs institution in 2008 in terms of GDP the United States was ranked first with 14,264,600 million U.S. dollars, China ranked third with 4,401,614 million dollars, Russia - eighth place, with 1,676,586 million dollars, Brazil - the tenth with 1,572,839 million dollars and India - was twelve, with 1,209,686 million dollars, while in 2050 it is estimated that China will be first placed, followed by U.S. and India, which, in their turn, outruns at a greater distance the Brazil. State of Mexico and Russia (European Union member states, Germany, France, Britain and Italy are on the four to seven places available in the top for 2008, as estimated for 2050 the last two places of the of top of the to be held by Britain and Germany, the other two are found in the second half of the list of the twenty). Another situation we certify to Chapter GDP per capita: if in 2007, the U.S. took second place, with \$ 45,725, Russia - eleventh place, with \$ 9,075, Brazil - the twelfth position, with \$ 6,938, China - the fourteenth ,

with \$ 2,483 and India, nineteenth place with \$ 942 per head, while it is estimated for 2050 United States will be on the first place, Russia ranks fourth, Brazil - the eleventh, for China and India will be reserved the twelve positions, respectively, seventeen (UK rankings for 2007 had primacy with \$ 46,099, while France, Germany and Italy are located for the places four to six, in estimations for 2050, the UK will be the third, France and Germany to six and seven, while Italy completes the list of ten) [1].

Therefore, only China itself could become a second superpower in a medium future, being an expansive state, with high military potential, developed economy and population with relatively high average standards of living, but in terms of irregular geographical distribution of income and, moreover, it is unlikely that the Chinese mentality and mass culture will spread rapidly on the global scale, to captive billions of adherents in other places than the region of southeast Asia. In addition seems to be illusory the chances that BRICS will become an efficient economic bloc, not to mention a political self-sufficient alliance, because of some differences regarding economic-technological and socio-demographic, cultural and geopolitical civilization to which we add the non-acceptance of hierarchies within and lack of a leader. The strategic objective pursued currently by BRICS is the decentralizing decision making by the expansion of global character makers and create a favorable international environment for sustainable development by strengthening the Group of 20 advanced economies.

In our opinion, the world order after the Cold War by its content is not unipolar simply because there are no poles in the traditional-geopolitical sense of the term, meaning that international relations are governed by the balance of power, and the disappearance of pole generated in an automatically way geostrategic retreats both numerically plan as well as qualitative aspects of the condition of the international relations. The absolute majority of Russian researchers and analysts in this field put the equal sign between the terms "pole" and "power center", such quality being given to major actors which have potential, willingness and capacity to regulate the global processes,

THE POSSIBLE RECONFIGURATION OF THE STRUCTURE OF THE INTERNATIONAL SYSTEM IN TERMS OF POLICENTRIST WORLD

while the elaborations of American origin rightly are recorded to the "pole" with an organizational and substantially higher status. A. Bogaturov and E. Batalov are some of the few exceptions to the highway line of the Russian science specialist, they place the "pole" on a superior quality level to "power center".

A. Bogaturov and E. Batalov are one of the few exceptions to the center line of the Russian science; they placed "the pole" on a superior quality level than "power center". T. Shakleina stresses that, A. Bogaturov remains adherent of previous terminology and entered in the circle of apologists of various versions to US-centrism, considering to be justified the category of "polycentrism" which he introduced. At the same time, E. Batalov expressed his view that generally is no pole in a post-bipolar world, beside this it is neither unipolar nor multipolar because "poles in their essence are contrary subsystems of world level, they form the extreme points of the global axis on which is maintained world-system, represents different cultures and reflects different ideas and value orientations, also they are symmetrical and can be measured by available potential, which allows them to balance themselves mutually. These poles are guarantors of world order and determinants of the rules of political game which should be taken into account by all or the most significant part of actors present on the political scene of the world. Relations between the poles are built on the principle of mutual attraction and repulsion, the need each other to maintain the status-quo both internal and external, but at the same time they aim to remove themselves as competitors. But with the removal of a pole, the other disappear in an automatically regime, and together with them, the old world order, as it occurred in the late 1980s-early 1990s" [2; 55-56]. The essential characteristic of polarity, according to the acceptance of E. Batalov in the decisive opposition between two forces, and the former world in the late XX century in none other than one "with multiple blocks", but none of them is distinguished by polar features in comparison with others: "the lack of poles" does not exclude the possibility of existence of a superpower and interaction/conflict between blocks which have different potential, this provisional association uniting with global instability.

However, the unipolarity of post-cold war world order could be accepted under the following conditions: a pole is approached in a broader sense than the traditional-geopolitical, i.e. its territorial limits do not necessarily coincide with state-borders of superpowers, but exceed the convergence of accounts' strategic interests and orientation lines of post-industrial countries, forming a political, economic and cultural integrity civilization, but structured indoors due to it hierarchy and interdependence generated by global processes underway. In the political economy, treated in terms of structural leadership, the existence of this "complex pole" is determined by the natural division of the world in "center" and "periphery", the first is presented by technosphere states which define the strategic direction of development of mankind and a hierarchy of possibilities is present at every level of social organization

and therefore is no question of discrimination. The unipolarity itself must be treated in a more extended plan, taking into account the coexistence of states and the trend of forming of alternative poles of superpowers in international relations: this type of configuration of world order reflects its complex structure and is expressed by the formula "US+X" proposed by Sui Yui. In the same context, it includes other models such as those developed by S. Huntington-, "uni-multipolar order", A. Tanaka-, "unipolarity combined", A. Bogaturov-, "pluralistic unipolarity", A. Torkunov-, "asymmetric multipolarity". Despite differences in forms and details their common denominator is the synthesis of world leader's hopes for conservation of his supremacy and unilateral power and aspirations of great states to achieve their objectives within rigid control or pressure from superpowers: even if it proves that it's able to block the actions of a major coalition on strategic issues, superpower has to cooperate with the key actors of the system, which are positioned alone or organized in different combinations of "poles" or "power centers". Thus S. Huntington argues, that the process of solving major international problems requires a unique action of the superpower, but together with other major countries which prevails in some regions of the world, but also without the possibility of expanding its interests and capacities on a global level as US succeeded: group "major regional powers" includes in Europe, franco-german coalition, Russia in Eurasia, China and potentially Japan in East Asia, South Asia-India, Iran in southwestern Asia, Brazil in Latin America, the Republic of South Africa and Nigeria in Africa, "secondary regional powers", whose interests are being often in conflict with "major regional states", United Kingdom in relation to Franco-German coalition, Ukraine-Russia, South Korea to Japan and the latter in relation with China, Pakistan to India, Iran and Saudi Arabia, Argentina towards Brazil [3; 35-36].

In order of mentioned idea, we consider appropriate the following comments: S. Huntington, according to Ch. Brown, argues that China will dominate Japan which presumably will tacitly accept a subordinate status [4; 232]. The possibility of such an arrangement has little chances to become reality because Japanese, consider their civilization unique: in spite of interference with China, they will not accept the role of satellite of an Asian state and don't want to become "a renewed Asian country" by abandoning or restricting the western vector. What about Ukraine, this country with an able market economy recognized by European Union since 2004, more than a decade since getting independence on August 24, 1991 promoted a multi-vector foreign policy without any notable achievements, in reality posing as the junior partner of the Russian Federation by participating in some institutional projects without sustainable perspective, being a deception for western analytical groups, rarely offset Russia, as expected Z. Brzezinski and Huntington. Suggestive and current is the statement of G. Kolodko at the late XX century, which exposes that Ukraine, is still at the crossroads of history. The type of configuration of world order in the late XX century is defined by A. Bogaturov as "tempered

Victor JUC

unipolarity" in the sense that the most powerful countries of the world possess possibility of strict control over events, but most important a kind of influence difficult to contest, and the pole itself will represent an integrated entirety of limited number of states empowered with global managing development [5; 35-36].

Therefore, the assumption expressed by the Russian analyst and other apologists of unipolarity, especially those who favor a comprehensive approach, accommodate to new realities is limited to the idea that a global leader does not have enough potential to decide and act unilaterally on matters not just of global development or regional level, he is forced to cooperate, to secure support from many other actors with significant weight, also there is no doubt about rigid hierarchy within this type of structure.

The unipolar configuration, described by A. Bogaturov rather contains a pole and half or two, but the first-the United States, exceeds others with condition that the U.S and Russia have kept a consistent gap with the rest of international community actors by whole potential they have. In the same vein, challenging possible existence of unipolar structure of international system, K. Waltz expressed the opinion that in the first half of the '90s, bipolarity was maintained, but in a modified form, because Russia has kept its nuclear capability of riposte, maybe to ensure security and have not appeared other great powers yet. Using the same argument – the USA and Russian possession of nuclear weapons "which is a decisive force for peace", J. Mearsheimer also invokes bipolarity in Europe which remained after the Cold War, while in the Northeast Asia has formed a balanced multipolar system, the third "relevant power" being China, but none of them don't "possess the qualities of a potential hegemon". Proposing as a criterion for the cohesion, A. Iakovlev differs the monolithic West and the rest of world, consisting of autonomous parts, "poles of local significance" but yet are not welded by common interests and priority of organizational forms", even if Russia, India, China "real and potential prove to be significant factors in the international relations system".

Also, he believes that the Kosovo events in spring-summer of 1999, showed "inconsistency of multipolar world concept", on the ground that the Occident acting as a power pole more or less consolidated, contrasts effectively with other centers, including dissemination and implementation of the ideals of democracy and markets which shares them. From another perspective, avoiding disqualifying anti-Americanism, but enrolling in the order of ideas aimed negative aspects of multipolarity, A. Bovin, insists that this type of structure appears to be the essence a construction with oligarchic character, because the real power, i.e. real opportunities to influence decisive evolution of political and economic international processes will be held by the global oligarchy of XXI century: "formation of world oligopoly is inevitable and probably at the current stage of world development will not be exceeded" [6; 180-181].

Contrary, T. Shackleina is trying to accredit the view

that "plurality-multipolarity" doesn't diminish the value and potential of countries, not deprive them the rights to promote policies in accordance with their national interests, to aspire and have a more responsible role in world affairs, in addition polycentrism corresponds much more appropriate to the processes of globalization, in fact that the threats to stability and survival of the world are one of the global character and can be solved under their multilateral approach, only. A. Dughin promotes a totally different supposition opposite to the configuration of globalization, associating it with unipolarity and establishing American hegemony, expressed through an system of values, institutions, strategic interests and economic arrangements: "USA is the main source of global threats, this country creates chaos cells and uses them in its interests, it has no friends and no enemies, but makes use of network wars to secure an overall total control".

So, the end of the Cold War expressed by the sudden disappearance of a pole, provoke the crack of international system, creating a structural asymmetry in power relationships and replacing, in the opinion of C. Vlad, the bipolar balance with unipolar imbalance. Accelerated dissociation of the Soviet bloc took unprepared and by surprise many stakeholders who have been forced to act in the absence of potential enemies, but also researchers in that field, even if for political science is proper a lower degree of predictability. This kind of violation of equilibrium accompanied and strengthened by stratification of international relations caused by rising of non-state actors, has led some researchers to update the idea of "new medievalism". Thus, J. Friedrich invokes the simultaneous presence of two competing organizational logics, the national state system (political universalism) and transnational market economy (economic universalism), but Tanaka A. accredit the idea that this perspective should not be associated with the disorder and chaos, but rather with "a complex network of overlapping authorities and multiple loyalties" [7; 85-86].

The complexity of configuration data which treat the problems of world order and structure formation of post-Cold War international system is enhanced by essential difficulties of conceptual and methodological nature, it means that there is no a majority opinion on the categories which would be describe this processes. If broadly, there's an agree that the vertical "center" is associated with states-members of technosphere, and "periphery" is basically dependent on postindustrial countries and stratified internally, in terms of polarity are developed different versions of "geometric configuration of the international relations system" position papers extending from the hegemonic unipolarity to multipolarity composed of several centers of power or potential. Thus, taking as background, for example Russian analytical environment, we observe a diversity of views, such as: U.S global hegemony described by A. Dughin, A. Obuhov believes that objective, world is multipolar including USA, China, Western Europe and Japan, here can be added India and Brazil, the hegemony era in this case becoming history with no chance of success"

THE POSSIBLE RECONFIGURATION OF THE STRUCTURE OF THE INTERNATIONAL SYSTEM IN TERMS OF POLICENTRIST WORLD

[8; 22-23], while I. Miximichev believes that post-Cold War period has kept features of previous stage, arms race, economic measure for pressure, military blocs, fully justifying the term of "post-bipolarity"[9; 18-19].

The same variety of views is attested in other areas of investigation such as the American –W. Wohlforth and Z. Brezinzski invokes the supremacy of U.S in materialized unipolarity, while K. Waltz and J. Mearsheimer believes that bipolarity was kept in an asymmetric form, as the security dilemma has not disappeared and S. Huntington indicates on multipolarity defining several major world power centers.

We believe that the world order and therefore post-Cold war international system are neither mono-bi or multipolar because pole in its character is a distinctive and decisive point, to whom other actors gravitate by various reasons-interest, fear, pressure, tradition, authority, etc. In the last decade of the XX century and especially since early XXI century, world is multicentrist, meaning that there is several power centers each of them including a number of countries gathered in different way. These arrangements do not exclude, but contrary assume the existence of different structural hierarchies in the international system, the more so, in dependence on the changing relationship of forces, permanent produces different retreats of positions, redistribution of roles and reconfiguration of spheres of influence. The structure can't be unipolar because not all states recognize the American hegemony. The structure is not bipolar because there's no a second pole, even if we admit the presence of the first and in addition do not endorse multispectral superpowers conflict, rivalries between major powers being expressed in current circumstances especially through economic competition in the field of high technologies. The type of structure is not multipolar because it formed several distinct poles which would counterbalance each other, being involved in capturing adherents and expanding spheres of influence, and relations between major powers are rooted in different forms and mechanisms of cooperation and conflict. Although it can be applied as tool for scientific research and description of global processes under way, the polarity in its classic form corresponds to reality based on post-Cold-war hierarchy. Iu. Davidov comes with the proposal that the world order that tends to build Western Europe should be called "functional", whose characteristics are amplifying processes of interdependence and globalization, strengthening NGOs role in external field and diminish the significance of national states.

In our opinion, at least in the medium future, no country can become individually a distinct pole, because it will not meet all parameters that would ensure this status, except the United States, which broadly correspond to all requirements. However the events of 2001 showed its vulnerability and relatively high degree of insecurity, the more so that in the period of bipolarity, superpowers have not been subjects to attacks in such a categorical manner. In addition, need to mention the deepening interdepen-

dence of U.S and Canadian economic systems, multilateral US-Mexican connection with exception of political military field and desperate attempts of the United States to build a single free trade area which will comprise both Americas, i.e. are more or less clear obvious attempts to update the Monroe doctrine. The other major powers are potential or real nominees to this category are facing various disabilities that they could not overcome, but only mitigated at best, they being military-political style, cultural and civilization (Japan), social and political-ideological (China), social and geo-religious (India), social and geo-linguistic (Brazil), geopolitical (Russia), institutional-integrationist in the EU (Germany, France and Great Britain) [10; 87].

It's appropriate to note that Russia risks remaining without allies in Europe or at best, meeting several satellites, the main causes being the historical memory which comes from the socialist past and imperial expansionism during totalitarian period: it's not a simple coincidence that the most part of post-socialist countries on the continent is already in the spheres of influence of the West, the realizing on of the most crucial geostrategic retreat not only regional but also global. A. Dughin rush to appoint Russia, in our opinion, unfounded or at least premature—"a true Eurasian pole", its strategic objective being "Russian, Slavonic and Orthodox unity": this geo-ethnic and geo-religious conglomerate with zero chances of becoming reality even in near future, some loyal allies according to Russian analyst, are watching neither more nor less "entry in the cold war against America in order to prevent the outbreak of the third World War" [11; 6-7]. M. Lynd noted rightly that the world didn't go smoothly between period of global interdependence and genuine liberal democracy and global competition will stimulate the geo-economic competition at which will participate also "countries less affluent but impressive in military terms – Russia, China and India".

L. Kurnikova established that "bipolarity is demolished and multipolarity was not made, countries being situated in the interaction and interdependence relationships" [12; 9]. In our opinion, new world order has already been defined and is in advanced process of stabilization for the next two or three decades at least, multicentrist in its configuration, in sense that there are clear three major centers of power, NAFTA, ASEAN, EU, first and the last being the regional level, while the second – interregional. These major structures are found to be different by their character which is commercial-economic one in the first two cases and the third is in full process of building an economic and monetary union through the proportion of international aspirations and objectives and mechanisms of cooperation.

Representing by its essence, according to A. Gamblin, a regional institutional set [13; 49], NAFTA is trilateral trade bloc, which has not proposed itself the formation of inter-administrative structures or legislative activity, but is only an international trade agreement. The strategic objective is to gradually lift all tariff and non-tariff trade barriers and to ensure free flow of investments

Victor JUC

between the U.S, Canada and Mexico, the integration process being realized both at the macro and micro level. Also, it doesn't mean the development of unique trade tariffs and creation of a developed institutional infrastructure, remaining a free trade area but including some components common both for common market and customs union as well. This transnational group, according to H. Kissinger, amazing stimulated trade and investments, the current share and global perspectives being provided mainly by the presence of an unique superpower, who constantly express the view that NAFTA is "the first step towards a new type of state association", built on shared democratic values, free trade of goods, services and capital, fidelity for the idea of human rights and protection of the environment. The next major objective envisaged by the United States is the signing a free trade agreement that would include the entire Western Hemisphere (FTAA), the reasons are not as political as economic, providing that there is more active involvement of central and Latin America in world trade flows and expanding market freedoms by training agriculture, communications and services, etc., but also not without denying their expansionary invoice.

Being, according to D. Peng, "a network of regional systems" aimed for providing "informal cooperation" [14; 424, 443], APEC appears to be rather a forum for discussion, mechanism for negotiation and limited coordination aimed at training free area and open for trade and investments in a broad area that includes 20 states, including three of the other two NAFTA and Latin American, Eurasian Russia, Australia and New Zealand, several exotic areas and one territory of the Pacific area. This pluralist group has proposed creation of efficient economies, reducing customs tariffs and other barriers to ensure favorable conditions for formation of common market and facilitate cooperation of trade and investments, the major objective being the free movement of goods, services and capital. The work of this conglomerate, which moreover, does not require commitments, but voluntary, is based on three pillars: economic and technological cooperation, facilitation of business, liberalization of trade and investments. But we have to say that cooperation is facing serious difficulties caused by different levels of economic development and heterogeneous composition of actors in the APEC exist, in his opinion G. Drobot, some real and potential centers of economic power, unified by the competition of many edifying factors, such as Japanese direct investments abroad, which contribute to the spread of advanced management experience, the influence of China including on the diaspora which forms the business elite of southeast Asian countries, human resources and huge inflows of capital [15; 113-114].

Even if there are concerted and consistent efforts for the recovery of objectives, these informal cooperation blocks is focusing gradually on a great commercial and investment potential, the more as the economic center of the world becomes the geo-economic Asian-Pacific area. In this region has created an area whose potential, influence and significance are found to be comparable to Euro-Atlantic, it

becoming so influential, consider Kyung Won Kim, quoted by M. Mamonov, that it can't remain a subsystem in the Atlantic system of international relations. The immediate objective pursued by APEC consist to ensure accessibility of internal markets of all participants in this forum and countering protectionism in any form, and at near future aiming a free trade agreement in Pacific Asia (FTAAP).

European Union in current formula of 27 states is in essence a supranational structure which is in the building process of economic and monetary union, but at the same time employed in starting institutional procedures for initiation of political unification. European Monetary Union an political unification prove to be the last step of the classical pentagonal scheme to achieve regional cooperation, the first three being the free trade area, custom union and common market. Taking as reference system, neofunctionalist theory of E. Haas, believe that the primacy has the process of building economic and monetary union, representing the cooperation factor for achieving a deeper cooperation, more so that political unification proves to be for a very long term and without historical precedent. The deep cooperation is challenged by recent expansions, even mention those that will follow, but European Union is training concerted in widening of its borders, regardless of the number and complexity of problems to solve, even if is obvious "fatigue" resulted from recent accessions. Certainly, Stability and Growth Pact, which aimed to make the EU by 2010 the main center of world economy has failed, but it should be noted that European project for cooperation proves to be the most ambitious through its objectives. S. Lantzov and V. Acikasov believes that "after the final formation of foreign and defense policy", the European Union will be able to turn into an "independent subject of international relations" attributing its second pillar, contrary to our opinion, the determining role in determining of this group in a global center of power. We believe that the EU should focus primarily on non-military aspects and mediation, while sharing the areas of responsibility with NATO and ultimately European integration aims to restore its appropriate status of influence on the world stage.

Referring to the geo-strategic reorientations realized by post-socialist countries of the Central and Southeastern Europe as result of disintegration of the two structures, CMAE and OTV, German reunification and the implosion of USSR, I. M. Pashcu claims that there have created conditions for the reunification of the continent around values of individual liberty, respect for human rights and free economic initiative. Europe is characterized by two opposite trends: integration in west and disintegration in east, according to J. Simon quoted by Romanian scientist, in central and eastern part of the continent developing a vacuum of security, judgments of stability and welfare heading to the West. However NATO partnerships establish with the countries of Central and Southeastern Europe were printing force and helped to prevent erosion of the Alliance, representing a way to justify its existence, but Russia was a determining factor in the enlargement process.

THE POSSIBLE RECONFIGURATION OF THE STRUCTURE OF THE INTERNATIONAL SYSTEM IN TERMS OF POLICENTRIST WORLD

If the USA was the principal leader of NATO's enlargement to the east, in the case of EU the part of this role was reserved for Germany, which sought to place itself in the center of the structure, also by economic and geo-economic, geopolitical reasons. If for NATO, expansion was achieved without major problems, talks aimed at different options, because they took into account the position of Russia, European integration faces serious problems, the main cause being the lack of a leader with enormous potential as it is USA, even if Germany remains the first European economic power, near France, according to Z. Brzezinski, main geostrategic players in Europe.

Council of Europe, NATO, and European Union, essentially expanded eastward because of the geostrategic reorientations which have carried out most of the post-socialist states, they seeking to benefit from opportunities to build a state of law and open societies, raising GDP and formation of functioning market economies, ensuring national security and general membership of the European family realizing the European vocation of its people. Hungary is the first post-socialist state which has acceded to one of the sub-structures of that time, becoming member of EC in 1990, processes which were later extended, also including Republic of Moldova, accepted conditional on July 13, 1995. NATO, considered as the EC to be a waiting room for EU integration, submitted the W. Perry criteria as Copenhagen/Madrid of the EU for pre-integration, in both cases, primary was declared the principle of meritocracy. But extensions that were made, had mainly political characteristics, and with reference to NATO-geostrategic. If NATO is concerned with flanks especially southern, EU orients to national achievements, not only financial-economic but also political. Modifying vector of strategic priorities, post-socialist states achieved larger or smaller successes, but also we can't overlook euro-skepticism, undoubtedly geo-strategic reorientations which were operated, have contributed to Europe's international strengthening.

The end of Cold War was expressed by the disappearance of a pole and initiation of changing processes of the configuration of world order and the structure of the international system, as ultimately to form three major power centers, which are characterized by a greater or less more homogeneity because it includes countries with different level of economic development and various interests in cooperation area. They reflect cardinal changes of the last two decades by expending and deepening globalization, forming what G. Drobot is calling "political market of economic players". K. Ohmae accredits the idea that building economic blocks with the formation of states-region and globalization of consumers and corporations, are the essential three forces to ensure the reorganization of the world. Noting that global stability in international multicentrist system is provided by major powers and international governmental organizations with weight, being specially trained to provide employment and enhance international cooperation at different levels and characters. Geopolitical factor has lost a certain degree of global significance from the reason that several states are founded in two or several geo-economic spaces, a situation

which eloquently demonstrates and confirms complex, interdependent and hierarchically structured character of the world order configuration at the last XX century-early XXI. In a relatively short period of time, taking care to assure their national interests, several countries have operated dramatic metamorphoses of the strategic guidelines and priorities of foreign policy-the ex-socialist states of the Central and Southeastern Europe joined NATO and European Union, Latin America "become red" by applying and promoting leftist populism and obvious anti-American moods, the Non-Aligned Movement remained only on paper and is anchored in the anti-USA rhetoric. The world did not become more democratic in its essence, but undeniably expanded its space of democracy at the count of Central and South-East Europe, it hasn't become any more predictable or less knowable. The international system has undergone a period of significant changes, while on the way which should define the main characteristics of these changes, stresses R. Little and B. Buzan, there is a consensus but no agreement on which direction it would lead.

Complex processes of reconfiguration of world order and the transformation of the post-Cold War structure of international system, nowadays have been completed, but it is premature to consider that there is full established structure and function of the system. Relative stabilization was achieved by forming base composition and the distribution of functions between players in the context that reproduction occur determinant forms and principles of interaction between agents both horizontally and vertically and trends to radical structural changes have not sufficient potential to destabilize the whole system and regional subsystems important particularly. Time elapsed after the end of the Cold War included not only two decades and therefore didn't include average life of a generation, an indicator used as conventional chronological unit for running international research, a priority for analyze of international policy, according to F. Voyotolovski, the social life of elite representatives is comprising 25-40 years. The post-Cold War period embodied two phases, the demarcation line is attributed to the events of September 11, 2001, and then superpower acknowledged its vulnerability in face of conventional or nonconventional hazards, admitting multipolarity in structure of the system officially recognized by the U.S National Security Strategy for 2010.

Reorganization of the international system has proven to be a dynamic process, from which resulted the relocation of global power structures and the formation of major centers, designed to be actors or institutions that through its behavior will shape and direct power to multiple sectors of the international system. Major centers of power have become using the S. Strange, term "non-territorially empires", due to constitution of "civilization of global business", international relations remaining as R. Cline mentioned-arena of "hegemony of great powers". The Post-Cold War, international stability is provided by hierarchy, not on the balance of power as it was done in classic multipolarity or contemporary bipolarity. Instituted hierarchy proves to be temporary especially in conditions

Victor JUC

when are present actors who questions the dominance of superpower. In multacentrism, hierarchy is gradually weakened, but still there's no a balance of power, even in the context that some major players are questioning its dominant leadership positions, more so that even the superpower can't take the quality of "global metropolis". The relative stability of the system is ensured by low probability, at least in the near future by cardinal transformations both of the major actors as well as structure. Global international relations remain arena of conflict and

cooperation between major actors, whose membership and configuration essentially changed and includes states as well as non-states actors, which determines their character and trajectory of development. They are characterized by a relatively high degree of heterogeneity, especially because of diversification through decentralization of the number of international actors as result of erosion of state sovereignty territorial circumscribed and the rise of non-state agents with different status, global interdependence, amplified by transnationalisation and IT revolution.

Bibliography:

1. Шаклеина, Т. Реалистическая школа: дебаты о мировом порядке и внешнеполитической стратегии современной России. - Вестник Московского Университета. Серия 18 Социология и Политология, 2004, № 2, с. 55-56.
2. Баталов, Э. Новая эпоха - новый мир. - Свободная Мысль, 2001, № 1, с. 5-6.
3. Huntington, S. P. The Lonely Superpower. - Foreign Affairs, 1999, march-april, № 78(2), p. 35-36.
4. Brown, C. Understanding International Relations. - New York: Palgrave, 2001, p. 232.
5. Богатуров, А. Плюралистическая однополярность и интересы России. - Свободная Мысль, 1996, № 2, с. 35-36.
6. Бовин, А. Ведущие тенденции развития международных отношений. - Международная Жизнь, 2004, № 4-5, с. 180-181.
7. Дугин, А. Евразийский ответ глобализации. - Политический Журнал, 2009, июль, № 3-4, с. 5.
8. Обухов, А. Холодная война все-таки не объявлена. - Международная Жизнь, 2007, № 5, с. 22-23.
9. Максимычев, И. Холодная война или историческая норма? - Международная Жизнь, 2007, № 10, с. 18-19.
10. См. Дугин, А, с. 6-7.
11. Давыдов, Ю. Норма против силы. Проблема мирорегулирования. - Москва: Ладомир, 2002, с. 41-42.
12. Курникова, Л. Теоретико-политологическая проблематика парадигмы национальной безопасности. - Власть, 2008, № 10, p. 9.
13. Gamblin, A. Economia lumii 2004. - București: Ed. Științelor Sociale și Politice, 2004, p. 49.
14. Peng, D. Invisible linkages: A Regional Perspective of East Asian Political Economy. - International Studies Quarterly, 2002, vol. 46, nr. 3, p. 424, 443.
15. Дробот, Г. К вопросу формирования и развития региональных экономических организаций (экономико-политологический подход). - Вестник Московского Университета. Серия 18. Социология и Политология, 2004, № 2, с. 113-114.

Резюме

В статье рассматривается современное состояние международных отношений по горизонтали, то есть, между основными центрами силы, а так же между великими державами. Вывод состоит в том, что международная система находится в условиях относительной стабильности в полицентрическом мире, и в следующие два-три десятилетия крупномасштабные изменения маловероятны, даже несмотря на то, что очевидно произойдут перемещения по различным критериям.

Azad GARIBOV,
Foreign policy analyst,
SAM Center for Strategic Studies

THE MAIN DETERMINANTS OF THE U.S. NATO ENLARGEMENT POLICY AND ITS IMPLICATION FOR THE U.S.-RUSSIA RELATIONS

During the 45 years of the Cold War international system was dominated by two superpowers and their alliances: the U.S. and NATO in the one pole, USSR and Warsaw Pact Organization (WPO) in the other. At the end of 1991, with Belovezh agreement and retirement of Gorbachev, one pole of this bipolar, ideologically divided system officially ceased to exist. The Cold War was over and new era of unprecedented U.S. preponderance started. The U.S. and NATO were obvious winners of the Cold War. Since WPO was dissolved and the USSR's successor Russia was not enough powerful to seriously threaten Europe and the U.S., as many scholars argued, the Atlantic Alliance which was created to fight the Cold War to protect Europeans from the Communist threat, lost its strategic rationale to continue existence. Along with this, for the period when US initiated the enlargement policy, the U.S. and Russia had very positive bilateral relations which further diminished the "the threat from the East". However, Clinton administration decided not only to foster the existence of the alliance, but even initiate costly enlargement of NATO to embrace former communist bloc members. The U.S. pursued the enlargement policy despite the opposition by Russia while knowing that it would seriously upset Moscow and damage bilateral relations. The enlargement was pushed through vis-a-vis the resistance by some NATO allies and by certain groups within the country. Given these factors why did Clinton administration initiate a policy of NATO enlargement and what impact did this have on US-Russian relations?

While security concerns continue to provide considerable insight on US decision to expand the alliance eastward, Hendrickson [7] argues that "realism does not capture the full dynamics of expansion. NATO's ability to enlarge occurred due to a complex interplay of political factors" These factors/interests could be divided into foreign and domestic determinants of the policy. Foreign determinants include preserving and strengthening the domination of America in the international system; preserving stability and preventing possible conflicts in Europe which could presumably involve great powers and become a danger for the World Order dominated by

Americans; and other goals such as encouraging reforms and democratization in the Central and Eastern European (CEE) countries to bound them up with the Western/American system etc. Domestic policy considerations also encouraged government to promote enlargement since it promised to attract votes of considerable number of citizens with Eastern and Central European origins and to gain the support of strong domestic groups such as arms industry. Driven from these interests, the United States' decision to expand NATO caused severe resentment and outrage in Russia and along with other factors seriously damaged positive bilateral relation established in the beginning of 1990s.

DETERMINANTS OF THE ENLARGEMENT POLICY

Foreign Determinants of the Enlargement Policy

U.S.'s certain foreign policy goals/interests played significant role in decision to pursue NATO enlargement policy:

- *Strengthening the U.S.'s domination in the international system*: Some, realists, most notably, Shetz [16] tried to explain U.S. decision to expand the alliance through hegemonic stability theory of realism. They consider that enlargement was attempt by the U.S. to strengthen its dominance in the international system and expand its sphere of influence to cover the former WPO member countries. According to this theory the hegemon establishes an international order that promotes its own particular interests and values, and supplies public goods such as international security and international economic order [16]. The hegemon provides stability in the system and takes care of established balance of power which is in favor of itself. Since the United States left the Cold War as the strongest state of the system with the unprecedented power gap with other great powers, as Rauchhaus [12] put it, with American power unchecked, it seemed very likely that the United States, or any country similarly situated, would try to take advantage of its position. So

Azad GARIBOV

expanding NATO eastward was taking advantage of the situation to expand its domination to the new areas and therefore enlargement was "in effect America's way of attempting to consolidate its Cold War victory" [12; 180]. Mastanduno [9] also agrees with this position and argues that U.S. policy of NATO enlargement was "an effort to preserve America's position at the top of the international hierarchy. America which is now in category by itself" seeks to preserve its dominant position in the international arena." It was not also dismissed that Russia would return to its great power status and pursue traditional imperialist behavior. Therefore, for U.S., it was the best to enlarge NATO eastward rapidly before Russia escapes from economic crises and becomes capable of mounting a preventive response [8].

- Preserving stability and preventing possible conflicts in Europe: As a dominant power of the system, America tried to prevent disorders in the system and provide stability to protect the world order advantageous for itself. Thus, while defending enlargement policy, the most of the U.S. officials expressed their concerns about stability in the Eastern Europe and their fear of reoccurrence of events such as Bosnia for justifying the initiative of enlargement. As it was noted by Hendrickson [7], Secretary of State Madeleine Albright, Secretary of Defence William Cohen and Chairman of the Joint Chiefs of Staff, General Henry Shelton all stressed the primacy of this objective in their remarks to Congress about the enlargement "Many of their statements included historical references to World War I and II as they noted Europe's past role as centre-stage for these conflicts." Secretary of State Albright stated that by expanding NATO to embrace Central and Eastern European countries (CEECs) would allow solving the disputes that could lead to the future "Bosnias" [7]. Czech-born, refugee from Nazism and Stalinism secretary of the State Albright declared at the meeting of the North Atlantic Council's Great Hall in Brussels that "We have chosen as our common purpose to do for Europe's east what NATO did 50 years ago for Europe's west - to integrate new democracies, eliminate old hatreds, provide confidence in economic recovery, and deter conflict." [3]. Eyal [4] argue that Clinton administration's impression that Europe was unable to deal with stability and security problems in the continent such as disputes in the territory of the Yugoslavia, played important role in decision to actively engage in region. The decision was made to bring stability to the region and secure CEE countries through admitting them to the NATO alliance.

- To prevent the revival of "great power competition" in the Eastern Europe: Another security concern of the United States related to this possible of instability and conflicts was revival of power competition in the Eastern Europe. Although the end of the superpower rivalry at the result of the collapse of USSR reduced American security risks and commitments in some respects, "it has in other ways expanded the frontiers of America's insecurity", Schwarz [15] argues. His argument goes on saying that "In fact, superpower condominium was probably the best means of ensuring America's overriding

interest in the stability of the continent, as American statesmen have often privately acknowledged." However with the new circumstances emerged after the collapse of Soviet Union, risk of insecurity and power competition in Eastern Europe increased. The logic of this argument was that with the demise of the Soviet Union its former "subordinates" subsequently became free to make trouble for each other and consequently threaten security and stability in the whole continent. This new situation emerged in Europe at result of the disappearance of USSR was described as "power vacuum" by Henry Kissinger and Zbigniew Brzezinski. According to Danner [3], by late 1993, Kissinger, Brzezinski, with many others, had begun to criticize the Clinton administration for allowing the emergence of such situation in Eastern Europe. According to the foreign policy elite in Washington, NATO should be enlarged to fill the "power vacuum" in the Eastern and Central Europe which historically has been unstable region [11].

Some of enlargement proponents went farther with this idea saying that without strong "U.S. leadership" through NATO framework CEE could become "a political-military tinderbox" as it was during 1920s and 1930s, "with the Baltic countries, Russia, Ukraine, Poland, the Czech and Slovak republics, Hungary, and Romania worrying about each other and with all of them worrying about Germany" [15]. It was also argued within the foreign policy elite in Washington that leaving these countries in a strategic "no man's land," as it called by Henry Kissinger, "could tempt Russia to try to reassert its influence in the area, as well as create a new strategic dilemma for Germany" and without secure membership in NATO, this region may grow unstable and become a source of contention between Russia and Germany [11].

This idea was clearly lied out by secretary of state Albright NATO should grant membership to CEECs because: "The U.S. have an interest in European security, because we wish to avoid the instability that drew five million Americans across the Atlantic to fight in two world wars." [10; 379] According to administration, if NATO rejected Visegrad states' request for joining the alliance they could probably engage in destabilizing balancing behavior - "by forming regional alliances, establishing bilateral security guarantees with countries from within NATO, or pursuing expensive and provocative self-help national military build-ups" [8; 105] Kay quotes Kissinger's words that if Visegrad states' request to join NATO would be rejected and these states bordering Germany are refused protection, "Germany will sooner or later seek to achieve its security by national efforts, encountering on the way a Russia pursuing the same policy from its side" [8; 104]. In sum, the expansion of NATO was also attempt to prevent the possibility of conflict in the region which could involve Russia and Germany.

- Encouraging reforms and democratization in the Central and Eastern Europe: Facilitating and encouraging former Eastern bloc members' integration to the West and their democratization was another point that led Clinton administration to actively promote enlargement. Democratization and integration to the west meant

THE MAIN DETERMINANTS OF THE U.S. NATO ENLARGEMENT POLICY AND ITS IMPLICATION FOR THE U.S.-RUSSIA RELATIONS

accepting the Western/American values and ideas and bounding up with the system led by the U.S. So enlargement also served Wilsonian goal of "democratic enlargement" and constructivist goal of supporting and encouraging democracies who share same ideas and values. This idea was clearly pointed out by President Clinton in his West-Point speech: "NATO enlargement will foster democracy in the CEECs, encourage the peaceful resolution of disputes, and help build a peaceful, undivided Europe" [13]. According to the administration enlargement was noble mission of democratizing, alliance is well-equipped to carry out it and it will be supported and understood by Western public" [11].

Charles Gati, a specialist on Eastern Europe serving in the Clinton administration's Policy Planning Staff, also had written that "the new democracies were fragile, that the ex-Communists were likely to gain power in Poland, and that if NATO helped Poland succeed in carrying out reforms, it would have a huge impact on the rest of the region." [5] writes. Group of influential persons from State Department, —including Lynn Davis, the under secretary for arms control and international security affairs, Thomas Donilon, the chief of staff, and Stephen Flanagan, a member of the Policy Planning Staff— were also worried that without the prospect of membership in a key Western institution, Central and Eastern Europe would lose the momentum for reform and therefore they supported fast-track approach to expansion [5]. So, there were strong group of influential people in administration's foreign policy staff who was insisting that CEE countries should be granted membership because it could encourage democratization and reforms in those countries and bound them up with the Western World.

Domestic Determinants of the Enlargement Policy

Domestic politics-centered approach to the state's policy decision-making posits that state policy can be reduced to the interests of dominant domestic groups. In effect, the state is little more than a scale or calculator that adds up the strengths and weaknesses of various societal actors. State policy, therefore, is not the result of the state's independent interests, but rather it reflects the underlying distribution of power among domestic groups. Rauchhaus (2000) argues that "two key constituencies - the arms industry and groups that represent eastern European immigrants and their descendants - lobbied the Clinton administration and key members of Congress" to push forward NATO enlargement to admit CEECs to membership.

- Attract more votes in the upcoming elections: Both political parties, Republicans and Democrats, included NATO enlargement into their election platform which particularly targeted cities Midwest and North where large amount of voters with Eastern and Central European origin lived. There were some 23 million Americans who trace their heritage to Eastern Europe, over 9 million Poles. As there were a dozen states where these groups constitute more than 5 percent of the electorate, taking a firm position in favor of NATO enlargement was a no-loose bipartisan political decision at the time. Republicans mentioned enlargement policy their 1994 Contract with America. As it was put by [7], "Cong-

ressional and Presidential candidates perceived political gains on this issue and brought it to the people during their campaigns." During the campaign for presidency, both Clinton and republican candidate Sen. Robert Dole declared their support to the enlargement. Only difference was in timing of enlargement with Dole promising to enlarge NATO one year sooner." Thus Adhering NATO expansion would not only protect Bill Clinton from any Republican accusation that he might be "soft on Russia," it would also help him in several key states of the Northeast and upper Midwest that had large populations of Americans of east European descent. Clinton's announcement of his support for the policy during campaign stops in key states with large Polish and Czech constituencies, such as Illinois and Michigan in the mid-west, and Pennsylvania and New York in the north east clearly shows that possible votes from East European descended citizens were one of incentives for the Clinton administration to expand NATO. So, one should not be surprised that travelling to heavily ethnic Chicago Clinton declared that "the question is no longer whether NATO will take on new members, but when and how" [3].

- Lobbying efforts by arms industry: There were obvious evidences of lobbying efforts by arms industry which spent considerable funds on promoting the cause of NATO enlargement. Rauchhaus [12] notes that in the two years leading up to the Madrid summit, the six largest military contractors in the U.S. spent over \$51 million lobbying the U.S. government and NATO enlargement was one of the issues on their agenda. The reason of such a large scale lobbying was clear – "Indeed, NATO enlargement is big business. Poland, for example, is considering buying 100 to 150 Boeing F-18s or Lockheed Martin F-16s. At a price tag ranging from \$45 to \$60 million per plane, these sales would generate substantial revenues" [12].

In short, nearly all domestic political factors were conducive for enlargement. "NATO expansion was generally not seen as controversial by the American public and well-organized constituencies supported enlargement" [7]. The only opposition was mainly in the academic field, among scholars which had no broader constituency to which to appeal. It does not mean that, domestic politics considerations were main factors that led to enlargement, but they should not be dismissed as unimportant as well. The Senate approved the policy after little debate mainly since "most senators simply did not care about the issue", presumable election gains were enough powerful incentives for them to approve enlargement in Senate [5]. So, Even though support from domestic groups is not able to give full explanation of administration's decision to enlarge NATO, according to Rauchhaus [12], "nevertheless it do help explain why policy-makers who were otherwise indifferent towards the policy decided not to stand in its way."

So, President Clinton's bid for votes of people with historical origin or at least ethnic, religious and cultural ties with Central and Eastern Europe led him to declare in October, 1996 in Detroit speech of his campaign that the first group of countries from CEE countries would be admitted to the NATO in 1999, "on NATO's fiftieth anniversary and ten years after the fall of the Berlin wall" [13].

Azad GARIBOV

IMPACT ON RELATIONS WITH RUSSIA

The decision by NATO to admit to membership some of the countries of Eastern Europe that formerly had been members of Warsaw pact became the single most contentious issue in the Russian – American relation in 1990s. From December 1994 – May 1997 no issue had dominated the foreign policy scene quite like NATO enlargement [6; 209]. For nearly all Russians, NATO was still associated with the history of Cold War and was viewed as an adversarial organization to Russia.

The U.S. revealed intensions about NATO enlargement in 1994 by suggesting Partnership for Peace (PfP) plan. Russian reaction was harsher than it was expected. What fueled Russian reaction was that Russian reformers and particularly Yeltsin could not understand why the Americans considered a democratic Russia a threat. Protest against enlargement was rising among all political forces in Russia. Especially communist which had strong fraction in parliament, was opposing the enlargement. Communist leader Gennadiy Zuganov drew a parallel between PfP and Hitler's Barbarossa plan for invading Russia [6:184]. Michael Gorbachev, for example, accused NATO of unfair play and expanding far beyond its historical borders in violation of gentlemen agreements of 1980s between him and George Bush [14; 103]. According to that agreement, the U.S. promised that after the unification of Germany, NATO would not further enlarge eastward. Certainly official Washington was aware of these factors too. Therefore "many in the State Department, including Strobe Talbott, then the president's special envoy to Russia, argued that expanding NATO would alienate the Russians with little compensating reward" [13].

The same ideas were expressed in Russian side as well. They warned Americans if they continue pushing forward enlargement it would seriously damage the position of groups in the country, including president Yeltsin himself, who favour cooperation with US and Western world. For example, Prime Minister Chernomyrdin's warned U.S. about the unavoidable consequences of enlargement: "Russia now has politics - democratic politics, demagogic politics, politics that go beyond the Politburo. In finding himself forced to accept the West's policy, Boris Yeltsin will leave himself open to the criticisms of powerful figures who already attack him for his dependence on Western loans, for his weakness in facing Russia's former adversaries, for his inability to maintain Russia's storied power [13]. According Evgenii Primakov, director of Russian Foreign Intelligence Service for that period, an expansion of NATO to Russia would create a new geopolitical situation that is extremely disadvantageous to Russia. This would lead Russia to rethink its defense concepts and restructure its armed forces [2; 11].

Several days after declaration of PfP by President Clinton, secretary of state Warren Christopher met with Yeltsin in Moscow to explain administration's policy. During the meeting Secretary of State Christopher answered Yeltsin's question about the clarification of meaning of PfP that "There would not be even an associate status." Yeltsin replied, this a brilliant idea, it is a stroke of genius [6; 187]. After this meeting Russia agreed and joined PfP by signing the docu-

ment in June 1994. But as it was stressed by many authors, Russia joined PfP mainly because it does not want there to be any new security structures from which it is excluded. Even after signing the document, objection against the PfP continued to be heard from Russian officials. Six months later, in OSCE Budapest summit Yeltsin again used hard rhetoric against Clinton's hints about NATO enlargement by new members during his speech: Europe even before it managed to shrug of the legacy of cold war, is risking encumbering itself with a cold peace" During his visit to France in 1995 Yeltsin correctly implied that NATO's eastward expansion was extremely sensitive issue for Russia. Especially on the threshold of the December election, in which it was generally believed that many voters would be drawn toward those candidates who espoused the idea of restoring Russian national greatness [14; 102]. Then Clinton and Yeltsin agreed not speed up enlargement until the July 1996 elections in order not to give nationalists and communists an opportunity to attack Yeltsin using this as a pretext. True to his word, Clinton avoided explicit statements on "who" and "when" until after Yeltsin had been safely re-elected in 1996 [6; 200]

However U.S. seemed determined to implement long discussed enlargement and according to the Washington "if Moscow strongly opposes this NATO initiative, enlarging quickly is better for the Alliance, both to show Russia that this matter is settled and to do so before Russia becomes stronger and able to endanger the outcome" [11]. The U.S.'s message to Moscow was firm - NATO will enlarge, it will do so on its own term, and Russia should take advantage of the opportunity to build a special NATO-Russia relationship. Secretary of State Warren Christopher suggested in Prague in 1996 speech that failure by Moscow to take advantage of the special relationship with NATO would be similar to the rejection of the Marshall Plan of the late 1940s that only Russia could isolate itself [8; 100]. Consequently, although Russia was deeply opposed to NATO expansion, which it viewed as a superior threat to Russian security, recognizing that Russia's weaknesses would preclude any retaliation; however, the United States ignored Russia's concerns and pushed NATO to accept the Czech Republic, Hungary, and Poland as new members. Russia has also opposed U.S. policy in the Balkans over the past decade, especially NATO's 1999 war against Yugoslavia. Again, the United States has paid little attention to Russia's concerns and has taken the steps it deems necessary to bring peace to that volatile region [10; 50].

After president election in Russia the U.S. accelerated integration of Central European states to NATO and at the same time, at the result of the pressure posed by "Russia-firsters" (Russian team led by Talbott), two compromises, was made to Russia in order not to loose this country as a political partner. In 1997 NATO-Russia founding act was signed which created consultation platform in NATO decision making process and Russia was granted membership of G7 Club thereby making it G8. But neither of these created real mean for Russia to influence policy of West and couldn't calm down the outrage in the country against NATO's approaching to Russian borders.

In 1999 Senate approved admission of Hungary,

THE MAIN DETERMINANTS OF THE U.S. NATO ENLARGEMENT POLICY AND ITS IMPLICATION FOR THE U.S.-RUSSIA RELATIONS

Poland and Czech Republic to the North Atlantic Alliance. Under the impact of these processes Russia started to withdraw from pre-western orientation. Rise of anti-Americanism, Eurasionalism, and nationalism accelerated which eventually played important role in deteriorating bilateral relations between these two powers in the end of the last decade of the XX century.

Conclusion

NATO enlargement was one of the most important post-Cold War foreign policy initiatives of the United States. Enlargement was largely a product of US insistence and it was carried out despite the opposition by some alliance members, by Russia, and by some groups within the country [1]. Decision to expand NATO did not come about under the impact of single interest or factor; in fact it was the result of complex interplay of different domestic and foreign policy factors and combined effect of those factors produced NATO enlargement.

Foreign policy interests in promoting enlargement were strengthening American position on the top of

international system, or American dominance, establishing a world order advantageous for this goal. Granting membership to the CEECs meant spread of U.S.'s sphere of influence to the Eastern Europe over the former Communist block members, bounding them up with Western/American system through encouraging reform and democratization as precondition for membership.

Domestic policy considerations also played certain role in tempting Clinton administration to promote enlargement. Supporting enlargement meant gaining votes of citizens descended from Eastern Europe which number was quite considerable to impact the result of election in some mid-west and north-east states.

NATO enlargement was one of the most problematic issues between the United States and Russia. Russia strongly opposed enlargement policy by U.S., but U.S. was determined to implement enlargement. "NATO expansion" as it called by Russians, consequently played important role in deterioration of the U.S.-Russian relations which used to be quite positive and cooperative in the beginning of 1990s.

Bibliography:

1. Cambone, S. Will the US Senate endorse NATO's enlargement? - NATO Review, Web Edition, 1997, Vol. 45, pp. 12-16.
2. Current Digest of the Post-Soviet Press (CDPSP). Russia Issues a Warning on NATO Expansion. - 1993, issue 45, № 47.
3. Danner, M. Marooned in the Cold War: America, the Alliance, and the Quest for the Vanished World. - World Policy Journal, 1997, Vol. 14, № 3.
4. Eyal, J. NATO's Enlargement: Anatomy of a Decision - International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1944-), 1997, Vol. 73, № 4.
5. Goldgeier, J. NATO expansion: The anatomy of a decision - The Washington Quarterly, 1998, Vol. 21, № 1, pp. 83 - 102.
6. Goldieger, J. Mc Faul, M. Power and Purpose. - The Brookings Institution, 2003.
7. Hendrickson, Ryan C. The enlargement of NATO: The theory and politics of alliance expansion. - European Security, 1999, Vol. 8, № 4, pp. 84 — 99.
8. Kay, S. NATO and the Future of European Security. - Rowman and Littlefield Publishers, Inc. - Lunham, 1998.
9. Mastanduno, M. Preserving the Unipolar Moment: Realist Theories and U.S. Grand Strategy after the Cold War. - International Security, 1997, Vol. 21, № 4, pp. 49-88.
10. Mearsheimer, J. The Tragedy of Great Power Politics. - New York Norton & Company, Inc., 2001.
11. Pellerin, A. NATO Enlargement. Where We Came From and Where It Leaves Us. - Aurora Papers 29. 16 June, 2010. - http://www.fas.org/man/eprint/aurora_29/index.html.
12. Rauchhaus, W. Explaining NATO enlargement. - Contemporary Security Policy, 2000, Vol. 21, № 2, pp. 173 - 194.
13. Rubinstein, A. NATO Enlaegement vs. American Interests. - ORBIS, 1998, Vol. 42, Issue 1.
14. Sbiraeu, E. Zubok, V. Anti-Americanism in Russia, From Stalin to Putin - Moskva, 2000.
15. Schwarz, B. Permanent interests, endless threats Cold War continuities and NATO enlargement. - World Policy Journal, 1997, Vol. 14, № 3.
16. Sheetz, M. Debating the Unipolar Moment. - International Security, 1997-1998, Vol. 22, № 3, pp. 168-174.

Резюме

После развала Советского Союза многие ученые считали, что НАТО, созданная в период Холодной войны для защиты европейцев от коммунистической угрозы, потеряла стратегический смысл к существованию. Однако администрация Клинтона решила не только продлить существование НАТО, но и обеспечить ее дорогостоящее расширение за счет бывших членов коммунистического блока. Политика расширения продвигалась, несмотря на сопротивление России, некоторых членов НАТО и определенных групп внутри США. Решение США о расширении НАТО на Восток было принято на основании многочисленного переплетения политических факторов, которые можно разделить на внешние и внутренние политические детерминанты. Внешние детерминанты включают в себя сохранение и усиление доминирования США на международной арене; сохранение стабильности и предотвращение возможных конфликтов в Европе, которые теоретически могут вовлечь великие державы, и стать угрозой мировому порядку, управляемому американцами; другие цели, например, поддержка реформ и демократизации в Центральной и Восточной Европе (ЦВЕ) с целью привязать эти страны к Западной/Американской системе и т.д. Внутриполитическая ситуация также способствовала принятию правительством США решения о расширении, так как такое решение привлекало голоса значительного количества населения, имеющими корни с ЦВЕ, а также поддержку сильных групп, задействованных в оборонной промышленности. Основанное на таких соображениях решение США о расширении НАТО, вызвало отторжение и возмущение в России. Так называемая русскими "экспансия НАТО", последствия сыграла важную роль в ухудшении российско-американских отношений, которые были достаточно позитивными и сотрудническими в начале 1990-х годов.

Сергей СПРИНЧАН,

доктор политологии, ведущий научный сотрудник,
Институт Европейской Интеграции
и Политических Наук Академии Наук Молдовы

ВЛИЯНИЕ БИОЭТИКИ В ПРОЦЕССЕ ВЫЯВЛЕНИЯ НОВЫХ ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В ОБЛАСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Все большее внимание в современном обществе уделяется созиданию и укреплению структур и организаций, входящих в систему безопасности как человека и его особого витально-необходимого окружения, так и отдельно взятых стран, международного сообщества в целом.

Повышенный интерес общества и его руководящих органов к обеспечению национальной безопасности все ярче отражается в способствовании и поддержке развития образовательного процесса разно-сторонне подготовленных кадров в сфере соблюдения и охраны национальной безопасности и национальных, стратегически важных интересов и приоритетов.

Используемые педагогические методы в процессе воспитания нового поколения высокообразованных специалистов в области безопасности также необратимо модернизируются и адаптируются к новым требованиям и условиям деятельности в сфере обеспечения безопасности в качестве жизненно важных функций общества, проверенных временем и историей, так и инновационных, экспериментальных наработок современного социума. Педагогическая методология, присущая специализированному образованию в области национальной и государственной безопасности, не редко включает и самые авангардистские, междисциплинарные разработки, позволяющие развить не только умственно-познавательные, но и психо-моральные качества курсанта. Именно новый уровень моральной сознательности биоэтического типа и психо-эмоциональная устойчивость человека, призванного блюсти общечеловеческие ценности и приоритеты в процессе обеспечения безопасности разного масштаба, являются теми основополагающими характеристиками специалиста будущего в сфере национальной безопасности, которые необходимо постоянно развивать, помимо лояльности, собранности и концентрации на фундаментальных аспектах обеспечения безопасности и противодействия угрозам в её адрес [1].

Одной из самых важных задач процесса профессиональной практической и теоретической подготовки в области безопасности является воспитание особой заботы и попечительного отношения к основным национальным ценностям, к народному достоянию, к

государственным императивам, а также к источникам национального благосостояния и процветания. Воспитание нового поколения специалистов в сфере национальной безопасности невозможно без акцентирования и подчеркивания универсального характера знаний о государстве и совокупности способов охраны государственных интересов. В то же время, качественное и эффективное продвижение государственных интересов невозможно за счет подавления и маргинализации других интересов, скажем, гражданина, международных интересов, национальных интересов других государств или интересов других существ, живущих на нашей планете, биосферы, всего живого, природы в самом широком смысле данного понятия [2].

Успехи преподавания в области национальной безопасности во многом тесно связаны с эффективностью процесса адаптации стандартов образования и подготовки высококвалифицированных специалистов в области национальной безопасности к задачам, требованиям и ценностям, продвигаемым биоэтической теорией посредством присущим ей принципам. В соответствии с основным принципом биоэтики — принципом биоцентризма, индивидуальная и государственная деятельность по обеспечению безопасности должна включать и действия по соблюдению и наращиванию устойчивости гармонии и естественного баланса между присущей человеку доминантной ролью в природе и свободой самой природы (биосферы), самовыражаться и регулировать свои внутренние процессы вне вмешательства человека. Биоэтика привносит новые возможности в процесс профессионализации и более узкой специализации образования в сфере безопасности путем, как теоретического понимания и переоценки основных моральных постулатов и роли биологической составляющей процесса преодоления современного многоаспектного кризиса, так и практического подхода решения проблемы выживания человечества в соответствии с основными духовно-природными потребностями высококачественной и долговечной жизни современного человека [3].

В связи с всё возрастающей ролью науки вообще и биоэтики в частности, в регулировании взаимодействия общества, человека, с одной стороны, и биосферы,

ВЛИЯНИЕ БИОЭТИКИ В ПРОЦЕССЕ ВЫЯВЛЕНИЯ НОВЫХ ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В ОБЛАСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

природы, с другой, тема внедрения биоэтических стандартов и принципов поведения и оценки в деятельность государственных структур, призванных обеспечить соблюдение как личных интересов каждого гражданина, так и национальных интересов и безопасности, представляется особенно актуальной.

Понятие «Биоэтика», предложенное более сорока лет тому назад великим американским биологом Ван Ранселлером Поттером, в самом широком смысле данного понятия, призвана универсализировать мировые тенденции, как в науке, так и в области управления обществом в условиях обеспечения, как общественной безопасности, так и безопасности природы в целом, и приводить к выработке правил и норм отношения к биосфере, к жизни вообще, с целью подготовки человечества к преодолению мирового кризиса невиданных до сего масштабов [4].

Данный широкий смысл науки биоэтики заключается в анализе конкретных биоэтических практик и поступков на основе общих принципов. Например, уважение всех форм жизни, биоразнообразия, устойчивости биосферы и др. Это обусловлено тем, что современное исследование в области биоэтики заставляет по-новому взглянуть на проблемы различных научных областей, не только медицины, генетики, биологии и так далее, но и таких дисциплин, как юриспруденция, политология, экономика, психология, социология и другие. Действительно, право, защита национальных приоритетов и прав человека в русле биоэтики имеет своеобразное понимание как система юридических норм, регулирующая взаимоотношения не только в таких сферах как здравоохранение, сельское хозяйство, но и взаимодействие человека и биосферы; также биоэтика заставляет задуматься о возможности законодательного оформления прав и обязанностей, как граждан, так и живых существ вообще.

Биоэтическая теория, но больше всего биоэтический праксис, также требуют особой политической установки, специальной подготовки и закалки специалистов и призванных охранять и развивать общечеловеческие моральные ценности в разного рода ситуациях, когда наименее развитые страны оказываются наиболее уязвимыми во многих отношениях по сравнению с более развитыми, и это касается таких аспектов глобальной и социальной биоэтики как демографический и экологические вопросы, вопросы разрешения проблем бедности и доступа к качественным услугам в сфере медицины и образования и так далее [5]. Именно в данных условиях наибольшую значимость приобретает как общее образование биоэтического типа, так и специализированное воспитание в сфере национальной безопасности, адаптированное к биоэтическим приоритетам, состоящее в формировании у студентов разных специальностей навыков ведения биоэтической полемики и диалога, разрешения конфликтных ситуаций, выявление адекватной самооценки и толерантной оценки других людей, справедливого и корректного поведения в сфере профессионального и личного общения. Тогда как, например, в сфере государственной безопасности одной из центральных проблем является соблюдение национальных интересов

в контексте гармонизации и достижения соответствия между потребностями по обеспечению безопасности и потребностями в здоровой окружающей среде [6].

Таким образом, биоэтика предполагает, прежде всего, изучение нормативных проблем и принципов, касающихся взаимодействия человека с биосферой, а также качества содержания, также как и результатов, последствий такого взаимодействия. Иными словами, наука биоэтики как прикладная дисциплина призвана научить людей, каждого конкретного человека, совершать нравственные деяния и поступки, также как и моральную деятельность по отношению к живым существам, к природе вообще. Важным видом таких поступков является коллективное совместное действие, в котором сочетаются единый интерес всех участников этого действия, имеется в виду сохранение биполярного устойчивого баланса биосферы, общества, и различные интересы, ценности и принципы, которыми они руководствуются в своей практической деятельности.

Сегодня, проблематика биоэтики всё более уверенно и обособленно становится предметом социополитических манипуляций и интересов, в то же время как всё более пристально и заинтересованно эксперты в области биоэтики анализируют и оценивают решения, политики и стратегии элитарных групп общества, государств, международных региональных и всемирных организаций, касающиеся будущего благосостояния и благополучия всего человечества, современного общества в целом, тем более в условиях нынешнего всемирного финансового и экономического кризиса.

Предмет заинтересованности разного рода специалистов-практиков по оценке, экспертизе и консалтингу в области этики вообще, но особенно это заметно в области разного рода профессиональной деонтологии и бизнес-этики, в основном, сводится к критическим замечаниям, если не к критиканству и вследствие этого к предписыванию, если не к принуждению использования и применения особых видов поведения в конкретных стандартных ситуациях, в соответствии с некими гипотетическими и виртуальными кодексами и сводами норм, законов поведения и деятельности, основываясь на специализированных принципах, императивах и ценностях, также, в известной степени, обсуждаемых и сомнительных (по своей сути, с точки зрения их практической применимости и полезности) [7].

Интенсивность повсеместного распространения дилетантства ("любительства") и непрофессионализма в разных сферах деятельности современного человека, в частности в сфере этической экспертизы вообще, и экспертизы в сфере биологической, биомедицинской этики, в частности, всё более нарастает в последнее время, параллельно процессу роста востребованности специалистов и экспертов в области оценки корректности поведения людей разных профессий и должностей в соответствии с этическими нормами и правилами, исходя из научной, государственно-политической, экономической, биологической, биомедицинской, да и экологической целесообразности и, в последнее время, в соответствии с требованиями международного сообщества, в зависимости от предписаний

Сергей СПРИНЧАН

достижения и соблюдения стандартов устойчивого развития. Подпитывается данный "расцвет" непрофессионализма и дилетантства обще цивилизационным упадком нравов и неясностью в области этических принципов и императивов, норм, законов и ценностей. Политиканство в области экологии, в области устойчивого развития, в таких жизненно важных для человечества сферах как наука, биология, медицина и климатология, экономика и охрана окружающей среды, во многом обусловлено упадком общей морали в современном социуме и морали экологического характера в особенности. Экология (в смысле экологической составляющей окружающей среды, чаще всего находящаяся в подчёркнуто прогрессирующе деградирующем состоянии) и в последнее время биоэтика совместно с экологической этикой (в смысле морально-нравственной составляющей экологической многоаспектуальной сферы как прикладных действий, так и теоретико-научных деятельностей и интересов в связи с окружающей средой) становятся всё чаще "разменной монетой" и предметом политико-экономических транзакций на разных административных уровнях от локального до международного, в спорах и диспутах политиков и бюрократов разного ранга, особенно с предвыборными целями давления на определение социополитических предпочтений широких слоёв населения, поскольку подобные вопросы имеют обширный общественный резонанс, часто с сильно выраженными эмоциональными и антирациональными оттенками.

В таких условиях процветания непрофессионализма роль качественного образования в сфере национальной безопасности приобретает особый смысл. Высокая квалификация специалиста в данной области деятельности призвана привнести логику и ясность в действия людей разных профессий, должна обеспечить общество необходимым смыслом в своем существовании. Образование и подготовка кадров в области обеспечения национальных интересов будет все ярче сказываться на эффективности жизнедеятельности всего общества.

Такие области как биоэтика, биомедицинская этика, биологическая этика и экологическая этики, по аналогии со сферой экологии и охраны окружающей среды, в тесном взаимодействии с областью национальных интересов, пристально исследуются в своём новом качестве предмета социополитических влияний, давления и продавливания важнейших мнений, решений, стратегий, определяющих, в конечном итоге, общесоциальный менталитет. Факторы влияния в сферах биоэтики, биомедицинской этики, биологической этики и экологической этики, в отличие от групп давления из областей охраны окружающей среды, фармакологии, биомедицины, экологии, заинтересованы и пытаются добиться выбора направления и вектора развития моральных составляющих (таких как ценности, принципы, императивы, нормы, правила, законы и т.д. корректного поведения) в требуемое и нужное им русло, в зависимости от характера и структуры необходимого удовлетворения своих, корпоративных интересов, часто противоположных общенациональным, также как и приоритетам всеобщей безопасности.

Раскрывая тематику социальных и политических

аспектов биоэкологии, биомедицины и экологизма, с одной стороны, и биоэтики, экологической морали и этики, с другой, необходимо заметить, что идентифицируются разные по содержанию, по функциям и задачам, сферы и области знаний, также как и с точки зрения их прикладного применения на практике. Вместе с тем, процессы биоэкологизации широко проникают в самые потайные ниши и самые скрытые от народного участия и вовлечения широких общественных масс, этапы - социальных и политических механизмов выработки, принятия и исполнения социополитических решений и стратегий. Биоэкологизация в этом смысле не может не загнать и процесс подготовки специалистов в сфере безопасности призванных следить за соблюдением как государственных, так и общецивилизационных интересов, таких как восстановление экологического баланса на планете или оздоровление общественной морали.

Биоэтика, экологичность и экология как новейший тип социального сознания приобретает, естественным образом, новые аспекты в процессе переоценки социо-политических векторов развития гражданского общества будущего, приоритетов в области национальной безопасности, ориентированного на выживание человеческого вида с наименьшими потерями в мировоззренческом, культурном, научном, моральном, образовательном и интеллектуально - цивилизационном плане [8].

Качественное содержание понятия жизни индивидуума (в биомедицинском, биоэтическом и эколого-моральном плане соответствующее соотношению приобретённого качества к цене риска и затратам) становится предпочтительным предметом философствования в период самого процесса выживания или преодоления смертельных опасностей для всего человечества, а также и на последующих после кризисных этапах развития общества, в контексте обеспечения полной безопасности как индивидуума, так и общества в целом [9].

Парадоксально, но качественное выживание в соответствии с ценностной иерархией приоритетов человечества будущего, на данном этапе концептуализации проблематики и необходимости выживания человека, кажется более важным и ценным, чем выживание вообще. Выживание человечества любой ценой, самыми влиятельными современными политиками и общественными деятелями, также как и с точки зрения общественного мнения, по идеологическим соображениям и из-за необходимости сохранения общественного спокойствия и антипанических настроений в обществе, не включаются даже в гипотетические планы политическое - предвыборных обсуждений и дебатов, в то время, как внушительная часть научного сообщества (и потому малозначимое в мировом плане) уже на протяжении нескольких десятков лет настоятельно предупреждает общественность (гражданское общество) и политиков (политическое сообщество), основываясь на фундаментальных подсчётах и гипотетических сценариях, о катастрофических последствиях планетарного масштаба для природы (для биосферы Земли) и, следовательно, для

ВЛИЯНИЕ БИОЭТИКИ В ПРОЦЕССЕ ВЫЯВЛЕНИЯ НОВЫХ ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В ОБЛАСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

всего человечества, современных типов и моделей (индустриальных, постиндустриальных и постдемократических) экономических, политических и общественных взаимоотношений [10].

В свете предупреждения ученых о необходимости предотвращения кризиса планетарного масштаба, считается преодоление "точки невозврата" не только как невозможности восстановления первоначального состояния и оптимальных условий для жизни на Земле, но и в смысле невозможности преодоления необратимости сложнейших процессов резкого принципиального изменения жизненных условий на планете, к которым как человеческий организм, так и современная экономика и наука – не готовы и не адаптированы, станет основной причиной исчезновения человека как биологического вида в природе, в драматических и даже трагических условиях.

Для выживания человека на элементарном, биологическом уровне, в условиях обеспечения безопасности, становится приоритетным и, в конкретных современных условиях, необходимым, до достижения проведения структурного и содержательного упрощения и конкретизации как предмета теоретической этики и биоэтики, так и задач и целей практической деятельности человека, относящихся к конкретным индивидуальным и коллективным действиям, включая по обеспечению всеобщей безопасности.

Анализируя методологическо-функциональные аспекты проблематики преодоления нависающих над *Homo Sapiens* проблем и угроз, с точки зрения обеспечения жизненно-важных интересов и безопасности, основываясь на культурно – научных и обще- цивилизационных приоритетах выживания человечества, становятся менее смутными тенденции и характер возможных неутешительных "побочных эффектов" борьбы человека разумного за своё достойное будущее

не только в качестве биологического существа, но и как психо – социальной личностной индивидуальности. Вне всякого сомнения, что предпосылок и прогнозов неблагоприятного для человечества исхода борьбы за своё выживание – предостаточно. И, тем не менее, сохранение своей первобытной культуры, цивилизации, социальных моделей иерархизированного поведения, норм этикета, и в этом контексте сохранение и преумножение до достижений науки, не только не является дополнительным грузом и тормозом в процессе преодоления глобальных проблем, а становится даже необходимым условием высококачественного выживания и дальнейшего развития человеческого общества.

Таким образом, биоэтика как область знаний и набор практических наработок в борьбе за выживание человека на планете, охватывает широкий круг вопросов, анализ которых позволит выработать новое видение в различных научных областях. Междисциплинарный научный подход является именно тем необходимым инновационным инструментом, методом и основным вспомогательным фактором в достижении устойчивости и стабильного прогресса усилий человечества с целью не только выживания в условиях, невиданного до нынешнего этапа, кризиса, но и дальнейшего гармоничного и мудрого ноосферного развития.

В данном контексте, задачи образования в сфере национальной безопасности не могут быть ограничены лишь национальными интересами и границами. Современный специалист в области безопасности вынужден выходить за национальные рамки, мысля более глобально и динамично. Образовательный процесс подготовки будущих профессионалов в деле обеспечения безопасности становится всё более важным воспитательным элементом современной культуры и философии восприятия и противодействия глобальным угрозам.

Литература:

1. Нижник, Н. С. Национальная безопасность: концептуальные основания и феноменологическая характеристика. - Исторические, теоретические и правовые аспекты противодействия угрозам национальной безопасности. Отв. ред. В. В. Грохотова и другие. - Великий Новгород: Типография НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2008, с. 246 – 269.
2. Косолапов, Н. А. Сила, насилие, безопасность: современная диалектика взаимосвязей. – Богатуров, А. Д. и др. Очерки теории и политического анализа международных отношений. - Москва: НОФМО, 2002, с. 190 - 206.
3. Цырдя, Ф. Н. Информационно-интеллектуальная и биоэтическая составляющие – важнейшие звенья современной стратегии выживания человечества: теоретико-методологический анализ. - Биоэтика науки та технологий: проблеми та рішення. Матеріали V Міжнародного симпозиуму з біоетики. - Киев, 2008, с. 99-100.
4. Поттер, Ван Р. Биоэтика: мост в будущее. - Киев, 2002. - 255 с.
5. Гусейнов, А. А. Философия, мораль, политика. - Москва: Академкнига, 2002. - 304 с.
6. Booth, K. Theory of World Security. - New York: Cambridge University Press, 2007. - 495 p.
7. Mc Neill, P. Ethics and Politics of Human Experimentation. - Cambridge: Cambridge University Press, 1993. - 368 p.
8. Спринчан, С. Л. Биоэтика в перспективе развития гражданского общества. - Материалы III-го Национального конгресса по биоэтике (с международным участием). - Киев, 2007, с. 27.
9. Ядерное оружие и национальная безопасность. - Авторский коллектив под ред. Михайлова, В. Н. - Саранск: Типография Красный Октябрь, 2008. - 217 с.
10. Папа Иоанн Павел II. Экологический кризис: общая ответственность. - Гуманитарный экологический журнал, 2001, Вып. 2, Т. 3, с. 75-77.

Summary

In the article are emphasized basic arguments for supporting hypothesis according to which, bioethics as a knowledge domain and a set of practical skills and experiences in the struggle for human survival on Earth, become an important and necessary innovational instrument, a method and a basic necessary factor for achieving sustainability and stable development of mankind, as well as one of foundations of contemporary interdisciplinary approach for identification of new possibilities and perspectives for quality progress of education in the field of national security.

Порядок публикации и требования к оформлению статей научного журнала «Право и политология».

Для опубликования статьи в журнале необходимо предоставить в редакцию журнала публикуемые материалы в электронном виде в единичном экземпляре на любом из перечисленных носителей (CD-ROM, DVD-ROM, флэш-носитель) и на бумажном носителе в двух экземплярах. Публикации в журнале подлежат только оригинальные статьи, ранее не публиковавшиеся в других изданиях.

Объем публикуемых материалов не должен превышать, как правило, 20 страниц и 500 Кб.

Публикуемые в журнале статьи состоят из следующих элементов:

- сведения об авторе (соавторах), включающие в себя: Ф.И.О. автора (соавторов), ученая степень автора (соавторов), место работы или учебы автора (соавторов), должность автора (соавторов);
- основной материал (текст) статьи;
- краткая аннотация статьи (500-580 зн.), дающая общую характеристику работе (на русском и английском языках);
- фотография автора размером 4х6 см в электронной версии

Оформление сносок сквозное: в тексте указывается номер и страница научного источника (в квадратных скобках). Список литературы публикуется в конце, в порядке цитирования, согласно нижеуказанному примеру:

1. Алиев, Н. Г. Проблемы военного права Азербайджана. – Баку: Азернешр, 1999, с. 35.
2. Алмонд, Г. А., Верба, С. Гражданская культура и стабильность демократии. – Полис, 1992, № 4, с. 122-134.
3. Об утверждении Стратегии социальной интеграции лиц с ограниченными возможностями (2010-2013 гг.). Закон Республики Молдова № 169 от 9 июля 2010 г. – Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2010, 12 октября, № 200-201, ст. 660.
4. Речь Президента Ильхама Алиева на политическом брифинге на тему «Европейский Союз и Азербайджан - новые способы сотрудничества», состоявшемся 19 мая 2004 года. – Азербайджан, 2004, 22 мая.
5. Mehdiyev, R. Goris-2010. Season of the theatre of the absurd. – Tbilisi: Universal, 2010. – 185 pp.
6. Осакская декларация по развитию туризма. – www.world-tourism.org.

Статьи, предлагаемые к публикации в журнале, проходят обязательное рецензирование. В качестве рецензента должен выступать как минимум один специалист, имеющий степень доктора наук по специальности данной работы. Содержание рецензии должно подтверждать, что данная статья содержит новые интересные материалы и заслуживает публикации. Решение о публикации статьи в журнале принимается сопредседателями редколлегии журнала.

International scientific journal
LAW AND POLITOLOGY

Международный научный журнал
ПРАВО И ПОЛИТОЛОГИЯ

№ 21

Подписанно в печать: 13.08.2012

Формат 60×84 1/8

Объем 5,6 п. л.

Заказ № 179

Тираж 500

“Print-Caro” SRL, 2012
MD-2049, m. Chişinău,
str. Mirceşti 22/2
tel/fax /373 22/ 931-653